



ПРИХОДСКАЯ №68 ноябрь 2010 Газета

ХРАМА СВВ. БЕССР. КОСМЫ И ДАМИАНА В ШУБИНЕ



Дорогие друзья!

Наступил предпоследний месяц года. Все уже оправилось от знойного лета и готовятся вступить в морозную зиму. У меня, правда, теплится надежда, что обещания холодной зимы умышленно преувеличивают с целью мобилизации граждан в деле подготовки к холодному времени года. Но, кто знает, вдруг правда зависнет над Европейской Россией антициклон, как было летом, но только не с жарким дыханием дыханием среднеазиатских пустынь, а лютым арктическим морозом.

Дай Бог, чтобы поменьше было техногенных неурядиц и не страдали люди. Впрочем, звери и птицы все равно в холодные зимы едва выживают. Уже сейчас синички у меня за окном дружно набрасываются на подсолнухи, которые им высыпаю в подвешенную коробку из под молока с прорезью, и за полдня склевывают их целую кружку.

Для нашего прихода ноябрь — месяц храмового праздника. 14-го ноября по н. ст. — память свв. бесср. Космы и Дамиана Асийских и матери их Феодотии. В этом году этот день приходится на воскресенье, в связи с чем у нас будет ТОЛЬКО ОДНА Божественная Литургия, и начнется она не в 10 часов утра, а в 9 часов.

Как и всегда ожидается архиерейское служение. По благословению Патриарха Кирилла Литургию возглавит епископ Зарайский Преосвященный Меркурий. Он уже служил у нас в прошлом году в этот же праздник.

В 9 ч. начнется чтение часов. Убедительная просьба ко всем быть в храме не позже 9-15, т. к. в 9-30 уже встреча Преосвященного Меркурия.

По древнему обычаю верующие уже собирались в храме до начала богослужения все вместе встречали епископа. Конечно, храмовый праздник — это всегда призыв к благодарности за храм, как за место, где Господь собирает нас для молитвы, для созидания Его Церкви, как общины, объединяемой нашей общей верой в Сына Божия, Господа Иисуса Христа. Именно эта вера открывает для нас путь к возрастанию каждого из нас в полную меру нашей человечности, как образа и подобия Божьего. Т. о., этот праздник становится поводом и призывом к размышлению о призвании каждого из нас быть братьями и сестрами не по личным симпатиям, а по нашей общей вере и любви к Иисусу Христу. Это нередко оказывается очень трудным. Часто личные особенности каждого из нас могут не привлекать друг ко другу, а скорее разъединять. Но в том-то особенность и предназначение Церкви, через любовь ко Христу преодолевать наши субъективные антипатии, и любить другого потому, что он тоже любит Христа. А отрицательные особенности есть у каждого из нас. Церковь это не клуб по интересам, не общество любителей старины, церковного пения, икон и т. д. А место, где Бог хочет, чтобы все спаслись и пришли к познанию истины. Именно поэтому апостол Павел призывает нас: "Носите бремена друг друга,

и таким образом исполните закон Христов! (Гал.6,2)".

Поздравляю всех с нашим храмовым праздником. В этом году мы его встречаем уже 19-й раз. Надеемся дожить и до 20-летия.

Всем желаю здоровья, сил и благодатной помощи Божией во всех наших делах.

Храни Вас Бог!

Всегда Ваш, прот. А. Борисов

Молитва

Как радостно молиться Богу
Под колокольный перезвон.
К чертогу Господа дорогу
Молитва свяжет без препон.

Поможет побороть недуги,
Коль молишься от всей души.
Отбрось греховные потуги —
Припасть к Небесному спеши.

Молитва — есть общенье с Богом,
Как с другом и родным отцом.
Он разделит с тобой тревогу,
Наполнит благодатью дом.

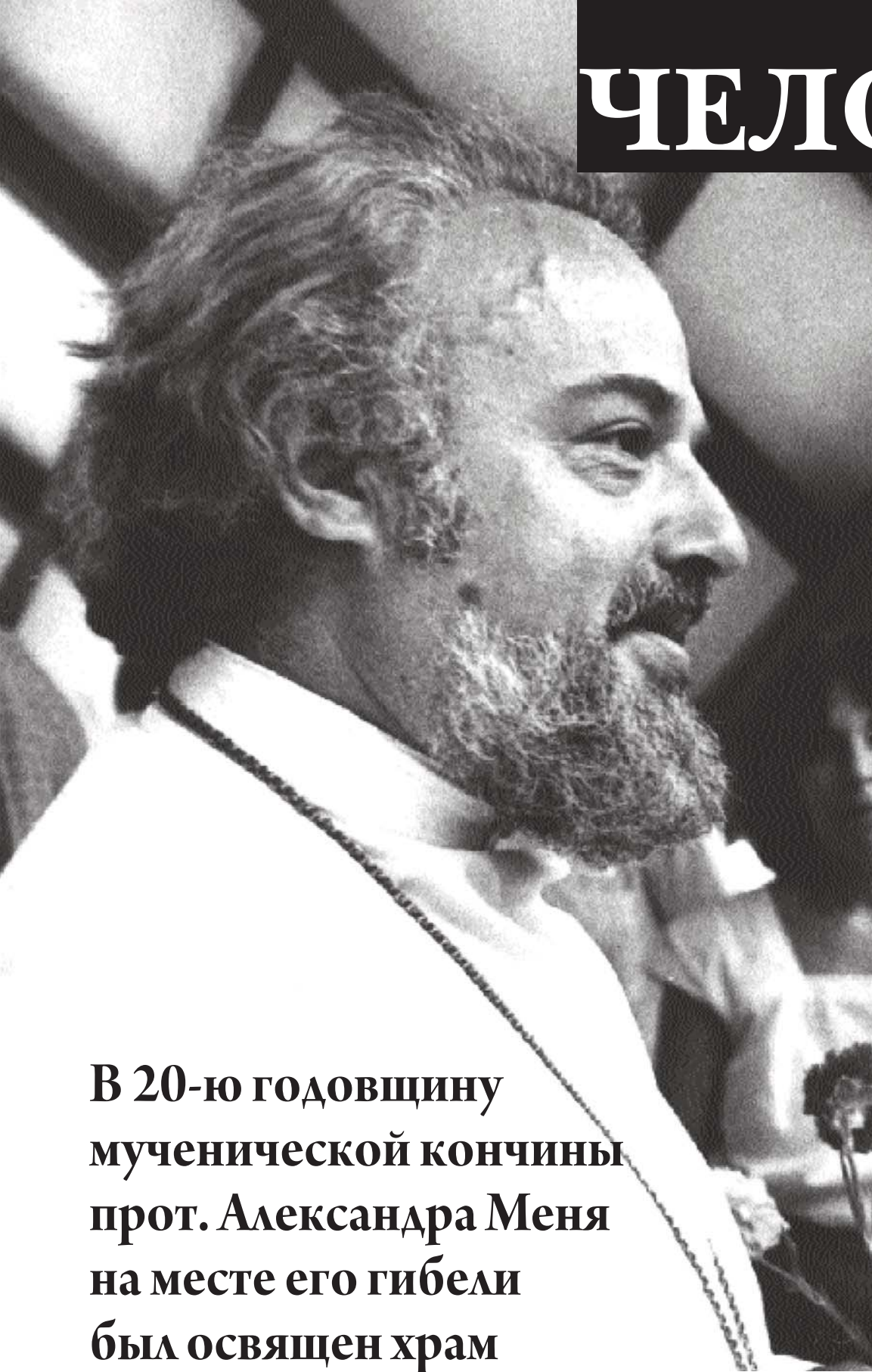
В молитве с Богом сокровенный
Веди ты с Богом разговор.
И без утайки, откровенно
Открой души своей простор.

Молиться Богу — труд безмерный,
Но как же радостно потом.
С молитвой подвиг беспримерный
Легким покажется трудом.

Александр Таллер



ЧЕЛОВЕК ТАКОЙ СМЕРТЬ ИМ



В 20-ю годовщину мученической кончины прот. Александра Меня на месте его гибели был освящен храм

9 сентября 2010 года митрополит Крутицкий и Коломенский Ювеналий совершил великое освящение Сергиевского храма в микрорайоне Семхоз города Сергиева Посада. Освящение храма было приурочено к 20-й годовщине со дня убиения протоиерея Александра Меня, принявшего мученическую кончину на этом месте. Храм во имя преп. Сергия Радонежского здесь поставлен 8 лет назад, но был освящен только иерейским чином. Настоятель этого храма — свящ. Виктор Григоренко прекрасно украсил храм: здесь поставлен фресковый иконостас, написанный архим. Зиномом (Теодором), по стенам на кованых полочках расставлены иконы, вся утварь храма сделана кованной по специальному заказу в древнерусских традициях. В храм приезжают помолиться верующие со всех концов страны.

Прибыв в Семхоз, митрополит Ювеналий совершил заупокойную молитву на место убиения протоиерея Александра Меня, где стоит деревянный крест. Затем владыка совершил чин великого освящения храма и Божественную литургию. Его Высокопреосвященству сослужили председатель Синодального отдела по взаимоотношениям Церкви и общества протоиерей Всеволод Чаплин, настоятель Сретенского храма города Пушкино протоиерей Иоанн Пеньковский, благочинный церквей Сергиево-Посадского округа священник Александр Колесников, настоятель Сергиевского храма священник Виктора Григоренко, духовенства Московской епархии. По окончании Литургии была отслужена заупокойная лития о протоиерее Александре.

После богослужения митрополит Ювеналий обратился к собравшимся с архиерейским словом. Владыка, в частности, сказал:

«Сегодня мы вспоминаем много дат: ныне именинник блаженнопочивший Святейший Патриарх Пимен, Царство ему Небесное, мы встречаемся в юбилейный год 75-летия со дня рождения отца Александра Меня, и уже в 20-ю годовщину убийства пастыря Церкви Христовой.

Думаю, что для нас, любивших и любящих отца Александра, не нужно много говорить о его служении.

Мы все 20 лет вспоминаем это. Но что самое главное? Мы все это время не забываем его, не отвернулись от него, но согреваем свои сердца молитвой об упокоении его души. Это и нас между собой соединяет и роднит. Отец Александр, можно сказать, советуясь только со своей совестью, в те минувшие годы весь пыл своей пастырской души посвятил служению Святой Христовой Церкви. Мы знаем, что он, порой, выделялся из среды духовенства своей ревностью в пастырской и просветительской деятельности. И это невозможно забыть.

Сейчас широко уже простираются многие формы традиционного служения нашей Церкви, которые были присущи ей в течение тысячелетия. Но тогда это был подвиг, исполненный мужества. Как человек он нуждается в наших молитвах о прощении его вольных и невольных грехов, через что он соединяется с Престолом Божиим, где нет уже ни болезней, ни печалей, ни воздыхания, но с Господом пребывает в жизни бесконечной.

Не только в сердцах родственников, духовных чад, Церкви, церковных людей остается память об отце Александре. Но и этот благолепный храм в честь преподобного Сергия, которого так любил и чтит он, будет памятником его пастырского служения нашей Церкви».

Владыка Ювеналий поблагодарил всех участников богослужения. Отдельные слова благодарности он адресовал строителям, жертвователям, благоукарасителям нового храма, вручив церковные награды особо потрудившимся в строительстве этой церкви: настоятелю храма священнику Виктору Григоренко — орден прп. Сергия Радонежского III степени, М.А. Меню — орден св. блгв. кн. Даниила Московского III степени. Матушка отца Александра Наталия Федоровна была удостоена высшей епархиальной награды — медали «За жертвенные труды» I степени. Помощникам настоятеля, отличившимся в деле благоустройства храма, митрополит Ювеналий вручил благословенные грамоты.

Затем в культурно-просветительском центре «Дубрава» им. протоиерея Александра Меня состоялась

Губернатору Ивановской области М. А. МЕНЮ;
организаторам, участникам и гостям V Мeneвских чтений
«Протоиерей Александр Мень и его время»

Уважаемый Михаил Александрович,
всечестные отцы, дорогие братья и сестры!

Сердечно приветствую всех вас, собравшихся ныне для участия в работе V Мeneвских чтений, приуроченных к 20-летию со дня трагической гибели известного апологета, проповедника и миссионера — протоиерея Александра Меня.

За минувшие годы многое изменилось в жизни нашей страны, но вопросы духовности, нравственного воспитания и формирования человеческой личности по-прежнему остаются главной заботой Церкви.

Сегодня мы живем в условиях подлинной религиозной свободы: храмы открыты, книги доступны, за веру не преследуют. Покойный протоиерей Александр служил и трудился в совершенно иных условиях. Но как пастырь, осознающий ответственность за Богом порученное дело, он многое сделал для того, чтобы благая весть о Христе Распятом и Воскресшем была доступна современникам. Благодаря его просветительским и катехизаторским трудам, живому и вдохновенному слову многие люди обрели веру, стали активными членами Святой Церкви.

Надеюсь, что Мeneвские чтения, равно как и другие, проходящие в эти дни памятные мероприятия, внесут свой вклад в сохранение благодарной памяти об усердном служителе алтаря Господня — приснопамятном протоиерее Александре.

Божие благословение да пребывает со всеми вами.

+Кирилл
ПАТРИАРХ МОСКОВСКИЙ И ВСЕЯ РУСИ

+Ювеналий, Митрополит Крутицкий и Коломенский

поминальная трапеза и открытие V Мeneвских чтений. На церемонии открытия владыка Ювеналий зачитал приветствие Святейшего Патриарха Кирилла участникам и организаторам чтений, а затем выступил перед собравшимися. Он, в частности, сказал:

«Так совпало, что я узнал о трагической гибели отца Александра в день Ангела Святейшего Патриарха Пимена, который отошел ко Господу также в 1990 году. А в этом году мы отмечаем 100-летие со дня его рождения. Именно при первосвятительстве Святейшего Пимена проходила большая часть священнической жизни отца Александра. Это было сложное время, когда возможности церковной деятельности были минимизированы и советским законодательством, и самими условиями жизни в стране. Шла систематическая антирелигиозная пропаганда, формы которой хорошо известны присутствующим здесь, одним по личному опыту, другим — из исторических книг. В связи с этим вспоминается исповеднический путь Святейшего Патриарха Пимена, который прошел через многие испытания и понимал все сложности того положения, в котором оказалась Церковь.

Отец Александр был одаренным человеком, он горел желанием участвовать в церковной жизни, заниматься просветительством, оказывать пастырское попечение не только своим непосредственным прихожанам, но и многим другим, желавшим приобщиться к сокровищам православной веры.

Те, кто хорошо его помнят, согласятся, что отец Александр вовсе не имел образа какого-то замкнутого в себе старца. Здесь по аналогии вспоминается выдающийся иерарх того времени, блаженно почивший митрополит Никодим — открытый, веселый, общительный, обладавший искрометным чувством юмора. Таким был и отец Александр. Эти его качества притягивали людей, создавали вокруг него широкий круг верующих, преданных Богу и готовых трудиться во славу Его. На деле исполнялись слова Спасителя о том, что врата ада не одолеют Церковь (см. Мф.

НЕ УМИРАЕТ. НЕ ОБЛАДАЕТ

20 лет назад,
9 сентября 1990 года
по дороге в храм
был зарублен протоиерей
Александр Мень



16:18), сколь бы сложными ни были условия ее существования. И это достигалось в значительной степени благодаря самоотверженности пастырей, таких каким был и он.

В те годы для многих трудно было достать Священное Писание, а о богословской литературе и говорить нечего. Поэтому отец Александр, с одной стороны, усердно проповедовал, чтобы через живое слово священника евангельская весть дошла до сердец человеческих, а с другой — много писал, занимался исследовательской деятельностью. "Журнал Московской Патриархии" публиковал его статьи.

Постепенно создавались книги, рассказывавшие и о православной вере, и об истории религии. Хотя они первоначально публиковались за рубежом и лишь в небольшом количестве проникали в нашу страну, однако с наступлением свободы печати стали издаваться довольно широко и сыграли свою просветительскую роль.

Очень важно, что в своих пастырских заботах отец Александр особое внимание уделял деятелям культуры, представителям интеллигенции. Многие из них не только воцерковились, познали Христа как Путь, Истину и Жизнь (Ин. 14:6), но и помогали ему в научных трудах, тем самым участвуя в общем деле церковного просвещения.

То, как хранится память об этом пастыре, а это и дальнейшее развитие приходской жизни в храме, где он служил, и издание его литературного наследия, и проведение конференций и концертов его памяти, свидетельствует о добрых всходах на духовной ниве, которую возделывал протоиерей Александр Мень.

Рассуждая о какой-либо исторической эпохе, мы видим свойственные ей трудности и в то же время отчетливо различаем достижения и свершения. Но вне зависимости от конкретных обстоятельств и характеристик момента, христианское понимание времени заключается в том, что оно длится вплоть до Второго пришествия и дано человеку для самореа-

лизации на стезях исполнения заповедей Господних ради обожения и стяжания Царства Небесного. Церковь учреждена Христом для освящения времени через свидетельство о Боге и путеводительство людей ко спасению. Думаю, что отец Александр был счастлив тем, что был причастен к этому благодатному служению. Мы же с благодарностью вспоминаем его вклад в дело церковного служения в Московской епархии. Уверен, что если в сложных обстоятельствах прошлого можно было совершать значимые духовные труды, то современные пастыри должны ныне с умноженным усердием исполнять свое служение Богу и народу Его».

Елена Куваева

Зерно, упавшее в землю

В книжном киоске продается новый фильм об а. Александре — «Зерно, упавшее в землю» (Дм. Островский, И. Языкова). Фильм посвящен плодам жизни о. Александра, тем делам и служениям, которые продолжают его духовные чада и последователи. Фильм также рассказывает о людях, на судьбу которых повлиял о. Александр. Об этом рассказывают священники Александр Борисов, Владимир Лапшин, Олег Батов, а также Павел Мень, Роза Адамянц, Софья Рукова, Александр Зорин, Владимир Илюшенко, Владимир Шишкарёв, Лина Салтыкова и др. Завершая фильм, митрополит Ювеналий говорит, что священники должны равняться на о. Александра Мень, и если все так будут беззаветно служить Христу, Церковь явит свой блистательный лик всему миру.

Фильм был показан на V Меньевских чтениях в Семхозе 9 сентября.

Еще один фильм

В конце минувшего лета на студии «Отчий дом» сделан небольшой фильм о 9 сентября 1990 года — дне мученической смерти отца Александра Мень. В фильм включены свидетельства Ады Михайловны Тимофеевой (ныне монахини Марии), Павла Мень, прот. Александра Борисова. Фильм так и называется — «Этот день».



Встань, спящий!
Во имя Отца и Сына и Святого Духа.
Мы много слышим в церкви молитв и песнопений. И каждый век, каждое время прибавляло к этой сокровищнице новые и новые творения людей, посвятивших себя гимнам, молитвам и псалмам, которые звучат в стенах храмов. Покойный патриарх Сергей, покойный митрополит Никодим составляли службы и молитвословия. Вы все хорошо знаете акафист Страстям, который мы читаем Великим Постом, — его составлял 100 лет тому назад Иннокентий Херсонский, архиепископ. Итак, каждое время имело своих гимнотворцев и слагателей молитв.

Сегодня мы с вами читали послание апостола Павла, в котором святой апостол приводит слова из одного из самых древних песнопений Церкви. Оно все целиком не сохранилось, но первые строки его остались в памяти верных, потому что апостол Павел приводит эти слова: «Встань, спящий, воскресни из мертвых, и осветит тебя Христос» (Еф 5. 14).

Вот три призыва, три обетования, обращенные ко всем нам: пробудись, спящий, ибо слово Христово есть голос Божий, который будит человека заснувшего, живущего как бы в полубомороке, во тьме; человек не отдает отчет своим поступкам, он бредет по жизни до могилы, не зная, как ему нужно жить, куда он идет, для чего живет, что он принесет в эту жизнь и с чем предстанет перед Богом в конце своей жизни. Поэтому древний, не ведомый нам по имени гимнотворец призывает нас и говорит: «Встань, спящий!»

Через века проходит голос неизвестного молитвенника Церкви, через 20 веков обращается он к каждому из нас: «Посмотри на свою жизнь, взгляни в свое сердце, подумай о том, к чему ты готовишь себя; пробудись, спящий! довольно спать; можно ли жить так, как ты живешь? Пусть укорит тебя твоя совесть. Пусть манит тебя свет Христов! Пусть ревность Господня наполняет твое сердце! Пробудись, спящий!» — вот что говорит нам это песнопение.

Больше того, оно намекает на то, что наша дрема, наш сон - на самом деле означает смерть! Человек живет и не знает, зачем и почему. Может быть, ты христианин или христианка; может быть, ты считаешь себя верующим, но все как во сне: утром встаешь, пробормочешь молитвы бездумно, бессвязно, идешь на свой труд и поступаешь так, как поступают язычники — в злобе, зависти, ненависти, клевете - во всем том, что нам

Господь запретил в нашей жизни. Мы спим и никогда не задумываемся над тем, что же нам нужно изменить в своей жизни, чтобы стать настоящими христианами. И вот тогда-то нам нужен этот голос, говорящий: «Встань, пробудись, спящий».

Ты мертв. «Воскресни из мертвых!» — вторые слова. Воскресни! потому что это мертвенная жизнь, она только называется жизнью. Мы живем, дышим, едим, спим, о чем-то думаем, о чем-то хлопочем, но это не настоящая христианская жизнь, в ней нет горения духа, нет стремления быть по-настоящему достойным чадом Церкви Христовой, достойным учеником нашего Господа.

Но мы скажем: «Как нам быть? Кто нас пробудит? Кто даст нам эту силу?!» И конец этих строк объясняет: «И воскресит, и освятит тебя Христос». Он делает это, Он это совершает.

Вы все знаете притчу о десяти девах, которые должны были в брачную ночь торжественно со светильниками встретить жениха. И Господь Иисус каждого из нас уподобляет этим девам. Они ждут праздника, они ждут жениха, торжества, они должны держать светильники зажженными. Так же и мы должны не спать, а бодрствовать. Светильники нашей совести, нашего разума, нашей воли, всей нашей жизни, посвященной Христу, — должны быть всегда готовыми! Господь говорит: «Бодрствуйте!» Не спите, а бодрствуйте. И вот когда эти девы заснули, у половины из них, как вы помните, погасли светильники, потому что там не было масла. И когда пришел жених, они уже не могли его встретить, пошли покупать, вернулись, но двери были закрыты. Они стучались, а жених, оскорбленный их нерадением, не пустил их в дом.

Что же означает масло освященное, что значит «светильник» и его свет для всех нас? Священное Писание уподобляет Церковь Христову светильнику. В Апокалипсисе апостола Иоанна Богослова говорится о семи светильниках, горящих у престола Божия, и объясняется, что это Церкви Христовы. Почему они называются светильниками? Они светят, они изливают вокруг свет истины и Божественной любви, которую дал им Господь. И мы с вами, будучи членами Церкви, должны нести этот свет в жизнь, не дремать, не спать. Всегда быть готовыми, держать светильник полным елеем!

А елей? Он означает многое: и наше терпение, и нашу верность, и наш труд, в том числе духовный; желание сосредоточиться на молитве, углубиться в Слово Божие, в Священное Писание,



желание побороть свой грех, обновиться и действительно бодрствовать в ожидании Небесного Жениха. И он приходит! Он приходит, чтобы освятить нас.

Он приходит всегда. Когда нас с вами сражает болезнь и мы оказываемся растерянными и жалкими, Бог посещает нас и проверяет: готовы ли мы встретить Его!? Когда перед нами открывается возможность поступить так или иначе, выбрать себе дорогу, пойти по правому пути или по левому, — это значит, Господь рядом с нами и ждет нашего выбора. Когда перед нами нуждающийся, когда перед нами человек, который ждет от нас подкрепления и поддержки, когда перед нами возможность делать дело Божие в жизни - это всегда означает близость Христа. Он здесь, в нашей жизни, он освящает нас, посещает нас в радости и скорби. И, наконец, когда завершатся отпущенные нам годы, тогда мы должны быть готовы встретить своего Господа, встретить, держа в руках свои светильники. А в них будет елей — все то, что мы собрали за свою жизнь. Тогда поистине мы воскреснем из мертвых, умирая, вернемся к Господу. Тогда поистине и окончательно, если мы будем достойны этого, освятит нас Христос. Только бы мы приложили все свои усилия, чтобы на протяжении жизни служить Ему - всегда, везде, во всем.

Аминь.

23 ноября 1980

В книжный киоск поступили новые диски — «Домашние беседы» о. Александра Меня

Многие, вероятно, встречали в церковных лавках серии книг с названиями типа «За советом к батюшке», «На исповедь к батюшке» и подобными им. Продолжая эту традицию, вновь изданные архивные аудиозаписи о. Александра Меня следовало бы назвать не иначе как «За столом с батюшкой». А правда, как по-другому, если беседы, впервые представленные на двух трз дисках, были произнесены в неформальной домашней обстановке под перестук посуды, звон бокалов и возню детей? Оговоримся сразу, функция бокалов была вполне утилитарная: власти могли нагрязнать в любой момент, и бутылка водки на столе советского человека зримо свидетельствовала о благонадежности. Однако, и в самое непростое время, всегда находилось место простому человеческому веселью. И здесь отец Александр был душой общества: по-братски открытый и по-пастырски мудрый, он естественно переходил от искрометного веселья к глубине вечных вопросов. Ему не нужно было призывать окружающих к вере, он каждый миг являл ее своей жизнью и ни о чем другом свидетельствовать не мог.

К счастью, многие из этих интереснейших бесед сохранились на катушках старых магнитофонов. Особо хочется поблагодарить Андрея Еремина и его жену Ирину, потративших месяцы работы на оцифровку и реставрацию фонограмм. Благодаря их труду мы тоже можем сегодня, спустя 20, 25, 30 лет, оказаться за столом с батюшкой.

А. Кремлев

Содержание двух дисков:

1. Беседа о власти Церкви [27:16]
2. Беседа о жизни в Церкви [17:15]
3. Беседа о любви [17:07]
4. Беседа об апостоле Павле [43:50]
5. Беседа об Искуплении [51:34]
6. Беседа при крещении Кати З. (21.11.1982) [16:03]
7. Беседа при крещении Маши Ю. [1:04:16]
8. Беседа с юношами 1 (Творец, вселенная, человек) (весна 1980 года) [1:06:37]
9. Беседа с юношами 2 (о любви и сексе) [39:22]
10. Беседа с юношами 3 (о трех основаниях христианской жизни) [39:15]
11. Евангелия от Матфея и Марка [1:29:40]
12. Иудаизм и христианство [50:36]

13. О Воскресении [1:24:28]
14. О духовной усталости [20:55]
15. О Евхаристии [36:49]
16. О современном язычестве [1:17:10]
17. О счастье [20:28]
18. О чудесах [8:11]
19. Пасхальная тайна Церкви [26:41]
20. Православие, католичество, протестантизм [37:11]
21. Роль Церкви в современном мире [37:42]
22. Святые остаются с нами [23:20]
23. Социальная концепция православия [26:50]
24. Социальная позиция христианина [9:36]
25. Церковь первых веков [34:55]
26. Человеческий облик Иисуса Христа [36:52]
1. Апостолат мирян [8:30]
2. Беседа на семинаре по Иринею Лионскому (21.01.1978) [39:05]
3. Беседа о добре и зле [46:12]
4. Беседа о книге пророка Даниила [59:20]
5. Беседа о спасении [6:56]
6. Беседа о таинствах [43:41]
7. Беседа с О.К. Дробинским [34:50]
8. Надлежит быть разномыслиям [53:17]
9. О Божией благодати (крещение 3.05.1983) [5:32]
10. О вере и благодати [24:04]
11. О видах молитвы [17:45]
12. О встрече с Богом (на крещении Ани) [4:32]
13. О крещении детей [31:08]
14. О непорочном зачатии [6:00]
15. О проповеди [30:19]
16. О радости и отречении [1:32:35]
17. О семье [7:10]
18. О целом человеке (на крещении Паши) [34:37]
19. Поздравление с Рождеством [5:17]
20. Прогресс и НТР - надежда или опасность [10:51]
21. Христианин в мире [57:10]

У истоков современной миссии

Протоиерей Александр Мень (1935-1990) был выдающимся миссионером 60-80-х годов XX века, беспрецедентным не только по масштабу своей миссии, но и самому факту её существования в эпоху, когда Церковь могла позволить себе только выживание, а малейший выход за пределы храмовой ограды означал для неё неизбежные репрессии.

Сама возможность этой миссии в откровенно враждебных условиях и выживание самого отца Александра до 1990 года уже были чудом, которое настолько трудно постичь, что очень многие после его убийства решили просто забыть о нем, как будто его и не было. А как только выяснилось, что сама его фигура оказалась проблемной в сугубо церковном контексте, то эти же люди тут же нашли повод объяснять свое забвение, как будто сами во всем руководствуются исключительно церковными критериями.

Количество людей, пришедших в Русскую Православную Церковь Московского Патриархата благодаря проповедям отца Александра Меня всегда больше, чем мы можем себе представить. Многие из них сейчас, полушепотом, на ушко признаются – «на самом деле, меня с самого начала в Церковь привел Мень», и отводят глаза, как будто в чем-то извиняясь. Причем, речь идет далеко не только об «интеллигенции» - отец Александр был настоящим народным проповедником, к нему стремились вполне простые люди со всех концов советской империи, потому что именно из его текстов, случайно найденных у знакомых своих знакомых, они впервые узнавали о Боге. Убийство отца Александра 9 сентября 1990 года закрывает собою необъятный мартиролог священнослужителей, уничтоженных при советской власти и, при этом, открывает перечень убийств священников пост-советской России, который через девятнадцать лет составил уже 26 имен.

Вот слова об отце Александре Мене, сказанные митрополитом Антонием Сурожским: "Мы не смеем говорить о своей оставленности, об одиночестве, о сиротстве! Отец Александр не умер, а приобщился к Жизни Божественной, остался для своих - знаемых и незнаемых, Пастырем добрым, молитвенником, ходатаем, заступником! И зовёт он каждого, кто его любил, кто в нем видел образ истинного христианина на Путь Крестный и к славе Воскресения! «Будьте мне последователями, как и я последователь Христов!"

А вот слова Патриарха Алексия II: «Отец Александр был талантливым проповедником слова Божия, добрым пастырем Церкви, он обладал щедрою душою и преданным Господу сердцем. Убийцы сотворили свое чёрное дело в момент, когда он мог бы ещё так много сделать для духовного просвещения и окормления чад Церкви. Не все его суждения полностью разделялись православными богословами, но ни одно из них не противоречило сути Священного Писания. Где как раз и подчёркивается, что надлежит быть разномыслиям между вами, дабы явились искуснейшие (1 Кор. 11, 19).»

То, что убийство отца Александра не раскрыто до сих пор, не имеет никакого оправдания, а объяснения этого позора звучат чудовищно. Как у первопроходца, проложившего дорогу народной миссии в современной России, у отца Александра было две проблемы — он был слишком прекрасен во всем и слишком добр к своей аудитории.

Первая проблема отражалась на том, что некоторые из его паствы видели в нем главного авторитета по всем вопро-

сам и приходили уже не столько к Богу, сколько к самому отцу Александру. Необходимо признать, что сам он несколько не был в этом виноват — он был очень скромнен и являл собою прямую противоположность многим нашим «младостарцам», паразитирующим на человеческих слабостях. Он был просто, объективно прекрасен и людям было уже трудно воспринимать само христианство вне отца Александра. Одна его поклонница признавалась мне, что ей очень трудно было ходить к нему на службы и, тем более, исповедоваться, потому что «он был слишком красив как мужчина» и его службы превращались в очень яркие «зрелища», как будто отвлекающие от Бога. Конечно, подобная впечатлительность — это личная проблема самой этой поклонницы, а избыточное внешнее совершенство любой проповеди все-таки лучшая крайность, чем ее бесцветность, которая встречается гораздо чаще. Но это совершенство стало причиной той бесконечной зависти, которую испытывают к отцу Александру до сих пор. Он явил собою исключительный пример слишком умного, слишком образованного, слишком красивого, слишком успешного миссионера, да ещё в эпоху, когда об открытой миссии в народе и мечтать было невозможно, и поэтому стал объектом не столько даже травли (потому что любая травля - это тоже реклама), а сколько даже планомерного замалчивания.

Двадцать лет я спрашиваю у всех — какие у вас конкретные претензии к отцу Александру Меню? И ничего, кроме общих слов, в ответ никогда не слышал. В лучшем случае указывают на мнимые или действительные недостатки его учеников, а точнее, тех, кто называет себя его учениками, но я ведь спрашиваю о самом отце Александре, а не о ком-то другом?

Вторая проблема отца Александра Меня, его излишняя доброта к аудитории, отражалась на том, что он больше искал общего с ней, чем готов был подчеркивать отличие православного христианства от тех тараканов, которые могли кишмя кишеть в голове позднесоветского интересанта. В этом был один из секретов успеха отца Александра, почему в эпоху 1960-80-х годов по количественным масштабам народной миссии его вообще ни с кем нельзя сравнить. Он был основателем современного миссионерства. После него, в эпоху 1990-х и отчасти 2000-х этот уровень занял только дьякон, а ныне протоиерей Андрей Кураев. И, как про самого отца Александра, так и про отца Андрея многие из его сегодняшних критиков говорят — «на самом деле, меня с самого начала в Церковь привел Кураев», и также извинительно отводят глаза, то ли стесняясь самого этого факта, то ли своего нынешнего отношения к этому автору. Интересно, что именно отец Андрей Кураев в 2000 году написал весьма глубокую статью об отце Александре Мене — «Потерявшийся миссионер», по самому названию которой многие думают, что он там больше критикует отца Александра, чем защищает. В конце этой статьи звучат такие слова: «В общем, трудно быть миссионером. Но все равно - надо. И опыт неудач должен не останавливать, а помогать идущим. Отцу Александру Меню можно быть благодарным и за его ошибки».

Какие ошибки? Приведу две обширных цитаты из статьи отца Андрея для тех, кто поленился читать ее целиком: «Поднявшийся интерес ко всякой мистике, ко всему "чудесному" и "духовному" отец Александр расценил как

попутный ветер для проповеди православия. Он не успел заметить тех угроз, которые этот ветерок, вскоре переросший в оккультный неоязыческий бум, нес с собою. И потому в каждой аудитории он старался быть "батюшкой "да". А ведь миссионер должен уметь говорить слово "нет!". У отца Александра это слово выговаривалось плохо... <...> Надо было во что бы то ни стало показать, что те лучшие ценности, что есть в подсоветской культуре, не чужды христианству и разделяются им. Достоинство личности, творчество, свобода, дерзновение - все это есть и в христианстве и по большому счету только там и может быть логически обоснованно. В стране, в которой, по верному наблюдению Воланда, "из каждого окна выглядывает по атеисту", действительно было бы мало уместно выяснение отношений разных религиозных традиций между собой... Но сейчас-то страна иная. Сегодня мы живем в ином мире. На смену торжествующему атеизму пришел торжествующий оккультизм, и почти из каждого окна выглядывает уже не атеист, а только что вернувшийся из любимого им "астрала" представитель племени астралопитеков... И тут оказалась необходимой совсем иная интонация, не та, что была в книгах отца Александра Меня. Когда островкам христианства грозит быть проглоченными оккультной стихией, то уже не до поиска "общего". Время проводить границы, разделительные межи. Время конфликтовать. Христос не только Тот, Кого "ожидают все народы". Он еще и Тот, Кого отвергли жрецы всех народных религий. Он - для иудеев скандал и для эллинов безумие. Но такова судьба миссионера: тот, кто говорит на языке современной ему культуры, оказывается слишком устаревшим, когда эта культура уходит. В нынешних же учениках о. Александра действует инерция мысли, инерция речи. Именно они слишком консервативны, слишком непеременимы; и в новом мире они продолжают повторять миссионерские штампы ушедшей эпохи»...

Следует заметить, что ни один полемист не застрахован от этой инерции. Так многие из тех, кто боролся с советской властью, до сих пор борются с ней как с главной угрозой, а те, кто боролся с либерализмом в 90-е, также борются с ним до сих пор как с якобы единственной причиной всех бед России.

Если максимально точно сформулировать единственно адекватные претензии к отцу Александру Меню, то они заключаются в том, что он недооценивал догматические различия между православием и всеми другими конфессиями и религиями. Сами по себе эти претензии очень серьезны и открывают тему для отдельной статьи, но здесь необходимо сделать два важных замечания, без которых любое сравнение этих упреков с претензиями к настоящим еретикам будет бессмысленно.

Во-первых, при оценке догматической чистоты взглядов любого проповедника нужно четко различать его тезисы в изложении своего мировоззрения и его мысли, высказанные в достижении риторического эффекта. Конечно, ответственный проповедник не должен себе позволять выходить за границы догматики никогда и нигде, но таковых идеальных «педантов» очень немного и поэтому всегда имеет смысл уточнять, что именно имел в виду автор, как часто и насколько серьезно он готов повторить эту же мысль. В любом случае, если хоть какое-то сомнение в его идеальной догматической чистоте существует, то «столпом догматики» его уже никто не

назовет и если он и будет канонизирован, то уж точно не как «учитель Церкви». Поэтому при прославлении любого святого очень важно уточнять, за что именно он прославлен и не канонизировать вместе с ним каждый его шаг и каждую его мысль. Отец Александр Мень был как раз тем миссионером, который очень часто заботился о риторическом эффекте своих речей и текстов, тем более что он писал для людей, которых он очень боялся оттолкнуть от христианства хоть какой-нибудь категоричностью.

Во-вторых, необходимо также различать взгляды, напрямую и недвусмысленно отрицающие догматические положения Православной Церкви, пусть даже сам автор не знает об этом, и взгляды, которые не касаются сути православных догматов. Самый известный и наглядный пример — отношение к католическому лжедогмату Filioque: одно дело понимать Filioque как описание отношения Лиц в Божественной Троице и, тем самым, впадать в ересь, другое дело понимать Filioque как ниспослание Духа через Сына в энергийном смысле, в мире тварной реальности. Поэтому всегда нужно выяснять, что конкретно имеет в виду любой человек, когда по первому впечатлению он утверждает ересь. Отец Александр очень часто пытался доказать советскому человеку, что все религии в чем-то правы и в чем-то лучше атеизма — это действительно так, в чем-то все религии действительно правы и в чем-то все религии действительно лучше атеизма. Он пытался доказать, что во многих языческих религиях была интуиция единого Бога, но в этом нет никакого открытия и этот факт никак не указывает на их истинность. Единственное, что вызывает к нему реальные вопросы — это его недооценка догматических различий среди христианских конфессий, но все-таки, он был слишком искренним священнослужителем, чтобы обманывать паству, оставаясь в Православной Церкви. А ведь все основные его слушатели — это люди, пришедшие благодаря ему именно в Русскую Православную Церковь, а не куда-то еще. Если же кто-то вдруг из его последователей уходил в те или иные расколы, то это значит, что пример самого отца Александра, остающегося до конца в канонической Церкви, для них уже не имел значения, а, следовательно, сам он уже не был для них столь авторитетным учителем. Что же касается тех, кто сегодня любит лишний раз упрекнуть отца Александра Меня в «ереси», то, как правило, это люди, закрывающие глаза на куда более страшные прецеденты откровенного неправославия и сами же их распространяющие. Одно дело - упрек отцу Александру со стороны академического догматиста, другое дело — со стороны людей, верящих во что-нибудь типа Ктулху.

Но чем более будет развиваться Русская Православная Церковь, тем более будут вспоминать имя протоиерея Александра Меня, который положил начало широкому христианскому просвещению среди народа в то время, когда ещё ни один храм не был восстановлен. Поэтому главное чувство, которое сегодня и на все времена достойно испытывать к его имени - это чувство благодарности. Благодарности, прежде всего.

*Аркадий Малер,
член Синодальной Библейско-Богословской комиссии
и Межсоборного присутствия М.П.
Интернет-издание «Татьянин День»*



Никогда не увижу...

Елена Захарова

Никогда не увижу, услышу, не почувствую руку его на макушке, никогда не буду ждать на опушке возле кладбища. Вообще, не буду ждать, когда... Теперь будет другая жизнь, такая беда. Буду стоять в очереди за хлебом земным, если будет хлеб, и будут люди, чтобы стоять за ним... 1990г.

Наверное, этот рассказ следовало бы назвать как-нибудь вроде «История моего обращения». Само по себе это важно только для меня, как факт моей биографии, но все-таки имеет смысл поделиться этой историей, потому что главными действующими лицами в ней являются Надежда Яковлевна Мандельштам и отец Александр Мень.

Сейчас об этом странно вспоминать, но в 1980 году я долго и упорно уклонялась от встречи с отцом Александром. Происходило это в доме Надежды Яковлевны, которая время от времени говорила мне: «Лелька! Приходи завтра, у меня будет отец Александр...» – «Я завтра дежурю на «скорой», нужно готовиться к зачету, к экзамену ... приду через два дня...». На самом деле я думала – ну что я ему скажу, и что он может мне сказать? И действительно, что я могла сказать. Я читала все подряд от Венедикта Ерофеева до «Сидхатры», пыталась изучать иврит, заканчивала вполне естественнонаучное образование и полагала, что вера, если она у кого есть, это исключительно внутреннее дело человека. «Веришь, ну и верь себе, а креститься – то зачем?» – так я отреагировала на известие о крещении некоторой знакомой. Н. Я. подсовывала мне книжки отца Александра, я прочитала «Магизм и единобожие» и «У врат молчания», сообщила Н.Я., что написано здорово, и продолжала «саботаж». Так что при жизни Н.Я. встреча моя с отцом Александром так и не состоялась.

В день смерти Н.Я. в ее квартире на Академической собралось очень много людей. Все они были мне в той или иной степени знакомы, с некоторыми я дружила. Всех объединяло общее горе, но происходило и нечто совершенно для меня непонятное. Отец Александр Борисов (тогда еще диакон – впрочем, этого я не знала) в церковном облачении что-то читал у изголовья. Затем другие, поочередно сменяясь, тоже что-то читали, смысл был мне недоступен, но я ясно видела, что некоторых из присутствующих как-то особенно соединены между собой, а некоторые, в том числе и я, находятся как бы и вместе со всеми, но несколько отдельно. При этом я помню чувство, или даже мысль, что все, что происходит, правильно.

Ну, а потом Н.Я. силами милиции и родственной ей организации увезли в морг, квартиру от нас «очистили», не было даже уверенности, что у нас будет возможность похоронить Н.Я., обстоятельства были такие, что странное впечатление на время не то чтобы забылось, а отошло на второй план. Наступил Новый Год, и сочетание окружающего всеобщего веселья с тем, что невероятно точно описал потом Н. Панченко: «Старый друг ночует в морге...», вызывало ощущение абсолютной личной катастрофы. Вечером 1-го января, накануне похорон, мы перевезли Н.Я. в церковь Знамения Божьей Матери. Служба давно кончилась, церковь была пуста, и только одна старушка сразу стала у гроба и начала что-то очень тихо и быстро читать. Я сообразила, наконец, что это псалтырь и почему-то меня это успокоило. На следующий день я пришла в церковь значительно раньше времени, назначенного для отпевания, и с недоумением наблюдала, как некоторые из моих друзей и знакомых столпились у алтаря. Мне это показалось странным, все мои скудные, почерпнутые из художественной литературы, познания о богослужении напрочь вылетели из головы. И тут я впервые увидела отца Александра. Этот момент я помню очень ясно. Отец Александр стоял в изголовье гроба, отпевание еще не началось. Я увидела его сразу, поняла мгновенно, кто это, и совершенно отчетливо подумала: «Так вот что значит духовный отец...». Звучит несколько высокопарно, но именно так и было. И тут стало мне очевидно, что нужно креститься.

Через некоторое время кто-то из друзей отвез меня в Новую Деревню. После службы мы долго ждали в сторожке, в маленькой комнатке перед кабинетом. Наконец о. А. отпустил всех и позвал меня. Я сумбурно изложила свою историю, и состоялся весьма примечательный диалог. «Хотите креститься, очень хорошо. Только вам надо подготовиться, почитать...» – «Я уже читала!» (Что, Господи помилуй, я имела в виду, что я Книгу Бытия читала один раз?) – «Ничего, ничего – добродушно сказал о. А – еще почитаете. Вот вам на днях позвонит мой помощник...» И о. А. протянул мне книжечку тамиздатского вида – «Небо 6 на земле», так

тогда называлось «Таинство, слово, образ», коротким движением положил мне руку на голову, и как будто легким толчком придал направление.

Дальше начинается уже другая история, а сейчас я бы хотела еще кое-что сказать о Надежде Яковлевне. Так случилось, что благодаря Н.Я. я не уехала из России. В конце 70-х годов «отъезжанство» было в разгаре, многие мои друзья, однокурсники и одноклассники уехали или были «в подаче», а некоторые и «в отказе». Я тоже получила «вызов» и подала документы. И продолжала учиться и работать, понятное дело. Мой отец, переводчик Виктор Хинкис, отнесся к идее отъезда с энтузиазмом (хотя сам уезжать не собирался), но спустя некоторое время сказал: «Знаешь, пока ты не уехала, я хочу тебя познакомить с одним человеком». «А с кем?» – спросила я. «Это вдова Мандельштама» – был ответ. И мы отправились на Академическую, а через пару недель я неожиданно для себя обнаружила, что все свободное время провожу у Н.Я. А еще через пару месяцев я уже знала, что никуда не поеду. Не то, чтобы я обсуждала с Н.Я. этот вопрос, и она мне отсоветовала, вовсе нет, даже речи об этом не было. Просто я поняла, или скорее почувствовала, что тот внутренний опыт, который образовался в резуль-



тате соприкосновения с Н.Я., не имеет смысла для жизни в эмиграции. А абстрагироваться от этого опыта я уже не могла. Ну вот, а потом Н.Я. стала знакомить меня с о.А, и в конце концов познакомила. Спустя несколько дней после поездки в Новую Деревню мне позвонил Андрей Бессмертный и пригласил зайти в гости. Так я оказалась в катехизаторской группе. Нас было человек десять, не знаю, о чем думали остальные, но помню, что сама я недоумевала – зачем это? Почему я сижу тут, с совершенно чужими мне людьми, чем мы будем заниматься? Через полтора месяца в «певческом домике» в Новой деревне состоялось оглашение. К этому времени нас связывало уже очень многое, и связывает до сих пор. Крестил нас отец Александр на Пасху 1981 года.

Я рассказываю это потому, что мне кажется, эта история важна для понимания того, как через отца Александра Господь проникнул в души, и определенно знаю, что не только к моему. До сих пор, когда собираются «старые прихожане» новодеревенской церкви, каждый вспоминает что-то свое, самое главное. Для меня это взгляд о. А, которым он встречал каждого, входящего в церковь. Казалось, и, похоже, так это и было, что он ждал именно тебя, и рад больше всех в эту минуту именно тебе. И еще одно – о. А был очень неожиданным. Много раз бывало так, что едешь рано утром в Новую Деревню к исповеди, и думаешь, что расскажешь то-то и то-то, и, вероятно, о. А ответит, что вот это плохо (потому что и правда, плохо), и надо бы так-то и так-то (потому что ясно же, что надо, только не получается, и что с этим делать, непонятно). И вот приезжаешь, и слушаешь общую исповедь, и каждый раз поражаешься, потому что все, что говорит о. А – это про тебя, и не вообще про тебя, а именно про то, с чем ты пришел. А потом все равно стоишь в очереди к исповеди, чтобы сказать, и услышать ответ. И вот этот-то ответ оказывается совершенно не таким, которого ты ожидал, и тем единственным возможным, который совершенно не приходил тебе в голову!

Не один раз бывало так, что даже не советами и на-

ставленьями, а каким-то незаметным образом о. А менял мою, и наверное не только мою жизнь. В 1984 или 85 году я пришла к о. А пожаловаться на себя саму, все было не так, как хотелось, и как казалось нужным. О.А выслушал меня, ничего определенного в ответ не сказал, а на прощанье обратился с просьбой – съездить посмотреть очень пожилого человека, только что выписанного из больницы в тяжелом состоянии. «Может быть, ничем помочь и нельзя, но вы все же поезжайте». Я поехала, и, посмотрев больного, подумала – зачем продлевать мучения? И одновременно – отец Александр меня прислал, и вообще, не мое дело понимать, зачем. Меня послали лечить, надо лечить. Больше 10 лет я была в этом доме чем-то вроде семейного врача. Пациент мой дождался возвращения внука из армии, дождался правнука, более того, уже после смерти отца Александра он крестился и венчался со своей женой, с которой прожил до этого 50 лет. Для меня же знакомство с семьей Куниных оказалось очень важным, я совершенно иначе взглянула, да и сейчас продолжаю смотреть на жизнь и на свою профессию.

И еще одна, тоже сугубо личная, но, по-моему, важная для попытки хоть что-то понять про отца Александра, история. Я вышла замуж, муж мой был крещен в детстве, но не воцерковлен, и считал себя неверующим. И, тем не менее, настаивал на венчании. Мне это казалось странным, и даже неправильным, ведь венчание Таинство, как же неверующему... Поехали советоваться с отцом Александром. После службы о. А повел нас гулять вдоль поля к кладбищу. Поговорил с мужем, а потом сказал мне: «Буду вас венчать. Нет неверующих людей, и те, кто так про себя думают, заблуждаются». А спустя положенное время отправилась я в роддом. Человеку с медицинским образованием известно многое, так что я очень трусила. До такой степени, что попросила свою подругу обязательно сообщить отцу Александру, когда на-

чнутся роды, и попросить его помолиться. Происходило это рано утром, подруге надо было непременно быть на работе, а после работы поехала она в Новую деревню, выполнять мое поручение. Роды были трудные, и часам к шести вечера по разговорам врачей я поняла, что дела неважные, и могу я сама и не родить. И не успела я это осознать и испугаться, как все произошло наилучшим образом. Я потом спросила подругу, в котором часу она добралась до о. А? Оказалось – минута в минуту, буквально. Кто-то может сказать – совпадение, но я уверена, что сила молитвы отца Александра могла не то что роды, а действительно, горы двигать. А еще у о.А. было замечательное чувство юмора и такая «честертоновская» склонность к парадоксам, которые, между прочим, моментально приводили в чувство. Я прибежала к нему в панике – пришлось провести некоторое время в рентгеновском кабинете с пациентом, а я жду ребенка, какой ужас! Получила мгновенный ответ: «Да мы все живем в рентгеновском кабинете, посмотрите на солнце...». Еще сюжет – мы приехали крестить моего сына, уже после крещения отец Александр оставил нас в своем кабинете – младенец вопил, надо было его срочно покормить. Через некоторое время о.А вернулся и спросил меня, где крестные родители. Я поглядела в окошко и ляпнула: «А вон они, курят за оградой». «Вы, жадною толпой курящие у храма...» – немедленно отозвался отец Александр.

И еще одно воспоминание. Лето 90-го года. «Отец Александр, все так страшно вокруг, а что будет, если...». И услышала фразу, которую часто повторяю все эти годы самой себе и самым разным людям: «Не бойся. Ты умрешь от страха сто раз, прежде чем с тобой в самом деле что-нибудь случится».

Я часто думаю – а что было бы со мной, не повстречай я Надежду Яковлевну и отца Александра. И задним числом впадаю в панику.

20 лет прошло

Андрей Золотов

Когда-то, 27-летним программистом Владимир Архипов познакомился со священником Александром Менем, стал его духовным чадом. Потом, с 1979 года он был его алтарником и помощником. В 1990-м году, сразу после убийства отца Александра, по его завещанию, митрополит Ювеналий рукоположил Владимира в священники. И все эти годы теперь протоиерей Владимир Архипов несет служение на месте своего духовного отца — в храме в Новой Деревне.

Накануне 20-летия смерти протоиерея Александра Меня «Татьянин день» беседовал с отцом Владимиром - о том, что представляла собой жизнь общины отца Александра, в чем заключается его наследие и в чем причины того отчуждения между кругом «меневцев» и значительной частью Православной Церкви, которое было заметно в последние десятилетия.

— Отец Владимир, сегодня 20 лет как был убит протоиерей Александр Мень, Ваш духовный отец и воспитатель в Церкви. Что Вы испытываете в связи с этой годовщиной? Какой итог остался от его миссии?

— Если говорить о моих личных переживаниях, то я испытываю тоску по любимому человеку. Испытываю огромное удивление по поводу того, что когда-то в жизни встретил этого человека, нарастающую с каждым годом благодарность за наше с ним общение и чувство полностью незаслуженной милости свыше от того, что у меня с этим человеком были такие любящие и близкие отношения.

А в плане того, что осталось от его миссии, дел и служения, думаю, во-первых, сохраняется досадное неиспользование того богатства, которое он оставил всем людям действительно доброй воли — то есть тем людям, которые ищут смысл жизни. Досадна недоиспользованность и невосприятие этого в той мере, в которой мы могли бы и должны это воспринять.

— Что, на Ваш, взгляд этому мешает?

— Думаю, мешает обыкновенная человеческая косность, предвзятость и заполненность собой, недостаточно четкая позиция при ответе на вопрос: «Что тебе нужно, человек?». Если тебе нужен Господь, ищи его различными путями, через всех людей, на которых отражен Свет Божий. Мешает эта наша неповоротливость, неверие человека в себя, непринятие себя как действительно великой ценности. Поэтому человек постоянно варится в какой-то «каше» поиска своих грехов, реализации амбиций...

А что осталось от его дела за 20 лет? Действительно осталась его проповедь, которая звучит на всех мыслимых и немыслимых носителях. Пока остаются люди, которые лично пережили на себе опыт его любви к себе и те, кому довелось почувствовать - опыт его любви к Богу. Это великое свидетельство, которое тоже пока еще мало использовано.. Каждый, кто хочет прийти к Истине - дерзай! Для этого отец Александр оставил огромный материал: и книжный, и аудио- и видео записи. Но самое главное даже не это, а возможность прочитать , увидеть через его проповеди, слова и мысли личность, которая жива живым Богом, любовью к Нему. Вот что осталось и, думаю, останется еще надолго.

Только что мы служили вечернюю службу, посвященную ему, и я уди-

влялся тому, что 20 лет прошло, 20 лет о нем снимают фильмы, 20 лет пытаются понять этого человека, 20 лет «ломают копья» по поводу того, насколько он был православный, насколько он был христианин нашего, такого сугубо православного «вкуса». И за этими совершенно недостойными соображениями и сомнениями теряется светлый лик человека, преданного Христу, как многие-многие подвижники. Вот что от него остается, действует.

Я никогда о нем не говорил и не говорю в прошедшем времени, ни на каких вечерах, и это не риторика. знаете, как люди часто говорят: «Он остался жив, он живет в наших сердцах...» Это все бред, когда мы говорим и это не чувствуем, говорим штампом. А тут человек живет, потому что живет не память о нем, а он живет Духом Святым. А поскольку Дух Святой не умирает, то и тот, кто им жил, тоже продолжает жить и действовать.

— Из сегодняшнего дня довольно сложно представить себе реальную атмосферу и обстановку христианских кругов того времени. Как это было? Где Вы встречались, как общались?

— Люди собирались, как вода в реку из разных ручейков с гор, лесных массивов... Это были те, кому нужна была внутренняя правда, нечто большее, чем то, чем «кормила» нас советская власть. Люди были совершенно разных кругов: медики, программисты, математики...

— А Вы?

— Я был программист, и программистов, кстати, было очень много.

Когда люди приходили к отцу Александру, то видели человека внешне такого же как и остальные - который улыбался, шутил, смеялся, обладал прекрасным чувством юмора. Но у него были совершенно неповторимые глаза. Встретить такие глаза в наше время было трудно.

Между людьми, между отцом Александром и теми, кто к нему приходил, устанавливался контакт, появлялась связь, «спайка», и возникали отношения. Отец Александр, видя, что кому нужно, постепенно предлагал людям определенные дела или, как можно по-монастырски сказать, послушания. Он хотел, чтобы все мы стали соделателями, сотрудниками, соработниками и его, и Церкви, и Бога. И поскольку это был человек великого творческого потенциала, он всегда находил нужное дело. Пусть самое маленькое, но именно оно приходилось важным для человека, и на этом маленьком деле отец Александр поднимал самооценку человека, даже если это был доктор наук.

Постепенно образовывались небольшие встречи, такие горизонтальные, но не в храме. Если бы мы собрались в храме после Литургии, мы бы все потом собрались в разных камерах. Мы встречались в наших домах, на квартирах, в домике при церкви, иногда дома у отца Александра. Это достаточно потаенно происходило, и не только чтобы сохранить нас. Отцу Александру не нужна была показуха, он не любил ничего афишировать, действовал сокровенно, чтобы в сокровенности рождалось настоящее. Мы обсуждали насущные вопросы любого человека, у которого мозги немножко шевелятся, обсуждали Евангелие, проблемы веры на личном уровне и на уровне наших небольших общин, которые он объединял. Это происходило достаточно регулярно в том составе, который предложил отец

Александр, и с какой-то периодичностью он приезжал к очередной группе, общался, поднимал какую-то тему.

— Как Вы запомнили день гибели отца Александра? Как получили весть о его убийстве?

— О, этот день запомнился. Это был страшный шок. К сожалению, с утра это был не мой служебный день. И в то воскресенье я куда-то уехал. Приезжаю вечером, открываю дверь, а там мой приятель выходит с таким лицом, по которому я понял, что случилось что-то неместимо ужасное. И он тихим голосом сказал, что убили отца Александра.

Чувства были разные: и ужас, и естественное желание переспросить, и так далее... То, что, наверное, обычно бывает с людьми. Это затронуло, может быть, даже более глубокие струны души, чем некогда смерть моего родного отца.

А потом что? Потом слезы, молитвы и понимание того, что много упущено, многое недоспрошено и нужно жить самостоятельно.

— Особенно в 90-е годы в значительной степени духовные чада отца Александра воспринимались в Церкви как особый круг, стояли особняком. Ситуация была достаточно конфликна вокруг имени отца Александра. Как Вам кажется, с чем это было связано и остается ли это по-прежнему так?

— Думаю, потихонечку это сглаживается. Один из мотивов - по-человечески объяснимый. Почти все мы были тесно связаны и с отцом Александром и для всех нас это была трагедия. Для кого-то эта трагедия и шок длятся до сих пор не потому, что этот человек любил его больше других, из-за такой психологической системы. Но это не соответствовало замыслу и духу отца Александра. Нужно было вставать на ноги и действовать.

Можно это объяснить и оправдать растерянностью: у кого-то звучали чуть ли не еретические возгласы, что нет отца Александра и некому теперь верить и Бога нет. Но это тоже простительно и объяснимо, потому что вокруг отца Александра были люди, которые, может быть, впервые в жизни испытали, что такое любовь к ним, понимаете?

Их душа была задета так глубоко, они настолько почувствовали свою ценность и веру в себя, чего никогда не было в их жизни, что смерть отца Александра стала для них страшным ударом.

Может быть, это будет несправедливо и для кого-то обидно, но, на мой взгляд, много было амбициозности в наших кругах и такого самомнения - сами себя делали избранными, особыми. Сами на себя навешивали некое превосходство над другими, что совершенно не соответствовало духу отца Александра и порочило, честно говоря, его имя. Но по глупости, по неразумию, по амбициозности долгие годы этот дух царил среди нас и, конечно, людей смущал и искушал. Глядя на его детей, думали, что же это за отец Александр такой! Это никак не культивировалось отцом Александром. Просто он не успел немножечко понизить уровень нашей амбициозности, нашего самомнения, которое до сих пор живо. Все это было вызвано не нашими объективными преимуществами, а субъективным нашим мнением о себе. И, думаю, отцу Александру там до сих пор больно и неловко за нас.

А теперь мы все стареем, и эти споры не так громко звучат. Не знаю,



поумнели ли мы за эти 20 лет, которые прошли со дня его гибели, или нет, но стали потише, -- может быть, и по естественным процессам. Знаете, когда кругом болячки и наступающая немощь, тут уже не до драк. А первые годы, конечно, было даже стыдно слышать, как, например, радио «Благовест» ругалось с радио «Радонеж».

Сегодня я говорю, что это человек, которому было дано вместить дух Вечности и остаться в облике человека. Это была особая гармония, и то же время он этим, может быть, многих и искушал, потому что человек, священник, протоиерей, должен иметь особый вид, внешний лоск, а он был как бы просто одним из нас — и одновременно в нем жило великое чувство благоговения и трепета перед Богом. Чувствовалось иногда, что он, как апостол Петр, ревниво стоит на защите имени и чести Иисуса Христа - так он Его любил.

Это действительно был человек, который может еще очень-очень многим помочь не просто прийти к Богу, а стать людьми. Как он всегда говорил: «Сначала, друзья мои, нам надо стать людьми и остаться ими».

*Интернет-издание «Татьянин День».
9 сентября 2010 г.*

Музыка памяти пастыря

В Московском Международном Доме музыки 9 сентября Хор Академии хорового искусства под управлением Владимира Спивакова исполнил «Всенощное бдение» Сергея Рахманинова.

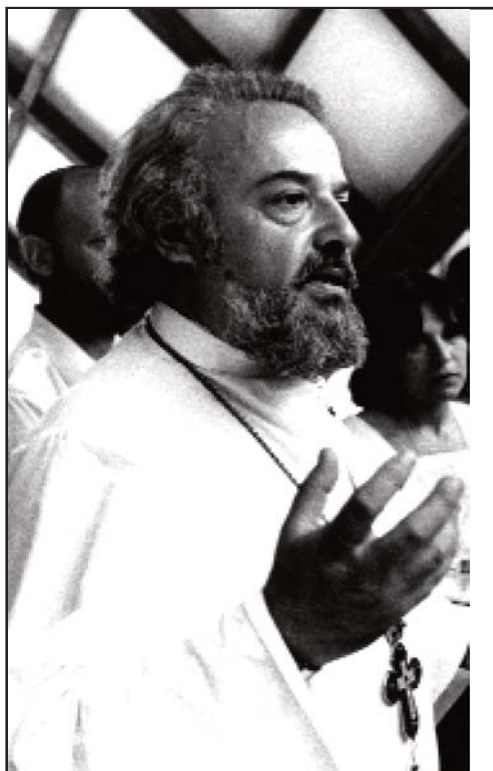
Со сцены Светлановского зала прозвучало самое светлое и возвышенное творение русской композиторской школы – «Всенощное бдение» Сергея Васильевича Рахманинова. Впервые исполненное в концерте Синодального хора в 1915 году, это произведение стало одним из символов соборности, единения русских людей в тяжелое для страны предреволюционное время. И по сей день соприкосновение с этой великой музыкой, исполненной любви, надежды и веры, дарует минуты духовного просветления и вознесения над суетностью мира.

Исполнение «Всенощного бдения» маэстро Спиваков приурочил, как это было уже не раз, к 20-летию со дня смерти выдающегося богослова, священника Русской православной церкви Александра Меня (1935–1990), проповеди и книги которого стали истинной путеводной звездой и духовным завещанием каждому из нас.

ЧЕЛОВЕК ТАКОЙ

«Протоиерей Александр Мень и его время».

V Мeneвские чтения



V Мeneвские чтения открылись 9 сентября, в 20-ю годовщину гибели протоиерея Александра Менья, в Культурно-просветительском центре «Дубрава», неподалеку от дома, где жил священник. Открытию чтений предшествовало знаменательное событие: митрополит Крутицкий и Коломенский Ювеналий освятил храм прп.Сергия Радонежского, построенный на месте гибели пастыря. Для ежегодной научной конференции, посвященной его памяти, в этом году выбрана тема «Протоиерей Александр Мень и его время».

Впервые за всю историю мемориальных конференций и чтений по осмыслению наследия о.Александра свое официальное приветствие прислал участникам Патриарх Московский и всея Руси. В тексте, который зачитал митрополит Ювеналий, говорится о тех возможностях, которые открываются перед Церковью в нынешних условиях «подлинной религиозной свободы». Далее Патриарх Кирилл считает важным напомнить, что протоиерей Александр - «известный апологет, проповедник и миссионер» — «жил и трудился в совсем иных условиях». «Но как пастырь, осознающий ответственность за Богом порученное дело, он многое сделал для того,

чтобы благая весть о Христе Распятом и Воскресшем была доступна современникам. Благодаря его просветительским и катехизаторским трудам, живому и вдохновенному слову многие люди обрели веру, стали активными членами Святой Церкви», говорится в послании. Благословляя открытие V Мeneвских чтений, Патриарх Кирилл отметил, что этот ежегодный форум «вносит свой вклад в сохранение благодарной памяти об усердном слуге алтаря Господня, приснопоминаемом протоиерее Александре».

В своем выступлении на открытии чтений митрополит Ювеналий также сказал об условиях, в которых работал о.Александр, когда «возможности церковной деятельности были минимизированы и советским законодательством, и самими условиями жизни в стране». Несмотря на это, священник, будучи «одаренным человеком», «горел желанием участвовать в церковной жизни, заниматься просветительством, оказывать пастырское попечение не только своим непосредственным прихожанам, но и многим другим, желавшим приобщиться к сокровищам православной веры». Говоря о пастырских качествах о.Александра, митрополит Ювеналий подчеркнул, что, окормляя множество духовных чад, священник «вовсе не имел образа какого-то замкнутого в себе старца». В связи с этим выступавший «по аналогии» вспомнил выдающегося иерарха того времени митрополита Никодима (Ротова). Это был «открытый, веселый, общительный, обладавший искрометным чувством юмора человек; таким был и отец Александр».

Сын погибшего священника Михаил Мень, традиционно выступая на открытии чтений, откликнулся на дискуссию в блогосфере: через 20 лет после смерти о.Александра не прекращаются споры о том, была бы его деятельность широко востребована в условиях свободы или он бы «работал на узком сегменте». По словам М.Меня, отец всегда был открыт всему новому; он уверен, что сегодня он оказался бы в числе священников-первопроходцев интернета и вообще — «был бы в авангарде Русской Православной Церкви».

Кроме того, М.Мень решил впервые обнародовать содержание последних

бесед с отцом в 1990 г., в которых они касались и перспектив развития России. По словам сына, о.Александр «с очень большим воодушевлением воспринимал перемены, наступившие в стране». Понимая все сложности переходного периода, священник считал, что «обязательно реальные демократические изменения произойдут». Сын оппонировал отцу, «сомневаясь, что демократические институты приживутся в России». «Наш спор не завершен до сих пор», — заключил губернатор Ивановской области.

Протоиерей Александр Борисов представил обзор трудов о.Александра Менья, в которых затрагивается тема взаимоотношений светской и духовной власти. Докладчик подчеркнул, что о.Александр был сторонником решительного отказа от государственной религии, «которая имеет столько аналогий со сталинизмом». «Он был сторонником светского государства, равноудаленного от всех конфессий, понимая, что создание привилегий ослабляет работу пастыря», — отметил о. Александр.

О том, как относилась к самому о.Александру Менью советская власть, дают представление документы Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ), директор которого, профессор Сергей Мироненко, выступил с докладом. По его словам, основной массив документов, связанных с оценкой властью деятельности священника, следует искать в архивах КГБ. Однако и те пять документов (с 1969 по 1983 гг.), которые удалось обнаружить в архиве аппарата Уполномоченного по делам религий, достаточно красноречивы. Так, в докладных вышестоящему начальству чиновники инкриминировали о. Александру «работу среди молодежи по обработке ее в религиозном духе», а также «грубое искажение политики партии и государства». Не раз в донесениях упоминалось о том, что о.Александр принадлежит к «экстремистской группировке Левитина, Эшлимана, Краснова, Якунина» и «тщательно конспирирует свои противозаконные действия». «Очевидно, что власть рассматривала о.Александра как врага, как экстремиста», — подытожил историк. Согласно воспоминаниям друга о.Александра, протоиерея Алексия Злобина, также выступившего на открытии чтений, о.Алек-

сандр незадолго до гибели признался, что в последние полгода его «через день вызывали на Лубянку».

Историк Алексей Беглов (ИВИ РАН) исследовал пастырскую практику о.Александра в широком идейном, социальном и политическом контексте. Опираясь на свидетельства духовных чад священника, историк выделил ряд особенностей, отличающих стиль душепопечительства новодеревенского священника. Так, он считал необходимым воспитывать своих духовных чад «в библейском сознании», «погружая их в осознание Священного Писания», благословляя ежедневное чтение Слова Божия по разработанной им схеме. Большое значение он придавал совместной молитве со своими чадами — очной или заочной. Важно, что о.Александр «был далек от стремления монополизировать духовное руководство человеком», он поощрял стремление своих прихожан исповедоваться у разных священников. «Гуруизма в нем не было ни на грош», — привел автор доклада воспоминание Марины Журинской. Как отметил далее А.Беглов, священник, далекий от «всепрощеньства и благодушия», осуществлял «деликатное, бережное и очень терпеливое душепопечение, чуждое обличению, неся на себе кресты своих чад, даже до крови». Кроме того, благословляя создание малых евангельских групп, о.Александр поощрял установление «горизонтальных связей» между своими прихожанами, что выстраивало живую связь поколений и «прививало молодым живое, осязаемое чувство Церкви».

Далее с докладами выступили: журналист Сергей Худиев («Протоиерей Александр Мень и библейское учение о творении мира»), протоиерей Владимир Архипов («В «малом остатке» — свет Истины любой эпохи»), поэт Юрий Кублановский, который говорил о роли о.Александра в своей судьбе.

V Мeneвские чтения проходят 9-10 сентября. Во второй день в программе конференции — доклады священников Вячеслава Тулупова и Льва Шихлярова (Сергиев Посад), Афанасия (Селичева) (Юрьев-Польский), профессора славистики Ива Амана (Париж), директора ВГБИЛ им.Рудомино Екатерины Гениевой, сотрудника ВГБИЛ Евгения Рашковского, искусствоведа Ирины Языковой и других. Материалы чтений будут опубликованы.

Юлия Зайцева. Благовест-инфо

Международный круглый стол памяти о.Александра Менья

Что такое «новый гуманизм» в эпоху глобализации? Какое отношение к этому явлению имеет протоиерей Александр Мень? Возможно ли в принципе соотносить духовные ценности тысячелетий с гуманистическими эстафетами современной мысли, науки, культуры? Над этими вопросами размышляли участники международного круглого стола «Протоиерей Александр Мень и проблемы нового гуманизма», который состоялся 13 сентября в Овальном зале Всероссийской государственной библиотеки иностранной литературы им.Рудомино (ВГБИЛ). Мероприятие с участием российских и зарубежных ученых, священнослужителей, духовных чад о.Александра Менья было проведено в ознаменование 20-летия со дня мученической кончины священника. Круглый стол прошел под председательством известного французского ученого, биографа о.Александра Менья, профессора Ива Амана.

Все формы гуманизма, о которых говорил библеист, исто-

рик, заведующий сектором религиозной литературы ВГБИЛ Евгений Рашковский, ставят во главу угла вопрос о свободе, однако он по-разному решается в различные исторические эпохи. В новой духовной ситуации, с которой столкнулось современное человечество, подлинной свободы невозможно достичь «без глубокого, внутреннего переживания духовного преемства». Так, по словам выступавшего, неоднократно говорил и писал о.Александр Мень. «Без возделывания души невозможно достичь свободы — таков основной урок о.Александра», — сказал Е.Рашковский.

В основе «нового гуманизма» — идея «человеческого человека», который должен прийти на смену «homo esopomikus». Так считает профессор Мюнхенского университета Гюнтер Делльбрюггер. Он убежден, что грядущее «расцементирование мозгов», преодоление «экономического человека» «родится из духа подлинного христианства». О.Александр Мень

стремился показать людям «живую всеобъемлющую идею Христа», поэтому немецкий ученый считает возможным называть православного священника «передовиком гуманизма».

Это определение с воодушевлением приняла директор ВГБИЛ Екатерина Гениева. По ее словам, лучшие умы Евросоюза и ЮНЕСКО сегодня озабочены преодолением «катастрофического сознания современного общества», поиском таких фигур в истории, которые могли бы олицетворять «новый гуманизм». Имена двух таких «столпов духа и гуманизма», чьи судьбы неразрывно связаны с Россией, Е.Гениева назвала сразу — это о.Александр Мень и «святой доктор» Фридрих Гааз. О том, какие плоды дает связь этих двух имен, как духовными чадами о.Александра возрождаются в современной России традиции милосердия, заложенные доктором Гаазом, рассказал на круглом столе президент фонда Гааза Андрей Лихачев.

Детский психолог Елена Бургименко предложила осмыслить тему круглого стола в сугубо практическом ключе. По ее словам, сегодня почти 90 % детей рождаются с проявлениями физиологической незрелости, мозговой дисфункции и т.д. В этих условиях все прежние подходы к обучению детей должны быть пересмотрены. Психологи и педагоги, решая эту нелегкую задачу, могут опираться на работы о.Александра Менья, в которых можно обнаружить не только чрезвычайно ценные с педагогической точки зрения размышления об особенностях молодежи, о трудностях взросления, но и конкретные элементы новой «антропотехники».

Социолог религии Сергей Филатов говорил о «возможной политической роли гуманистического потенциала трудов Александра Менья». По его словам, наследие священника необходимо широко «пропагандировать» для достижения межрелигиозного и межкуль-

турного диалога в России и других странах.

На круглом столе выступили также: издатель альманаха «Христианос» Наталья Большакова, игумен Иннокентий (Павлов), профессор-химик Владимир Хрустов, журналист Владимир Ойвин и другие. Своеобразный итог дискуссии подвел священник Виктор Григоренко — настоятель храма прп.Сергия Радонежского, построенного на месте гибели о.Александра Менья. По мнению о.Виктора, суть всех гуманистических доктрин можно выразить евангельскими словами: «Возлюби ближнего как самого себя». Поэтому определение «передовик гуманизма», считает он, неприменимо к о.Александру. Лучше назвать мученически погибшего священника, который привел ко Христу тысячи людей и продолжает это делать через свои книги, «одним из лучших представителей христианства».

Юлия Зайцева. Благовест-инфо

НЕ УМИРАЕТ

«Смерть – это главное событие в жизни человека», – услышал я от отца Александра Меня весной 1981 года, при первом знакомстве, в очень важном для меня разговоре. В ноябре 1980 года умерла моя мама, после чего я пережил обращение в веру, в январе крестился. Я почти ничего не знал, не понял даже, что меня причастили после крещения; сейчас мне кажется, что я о причастии вообще услышал только от отца Александра – продолжал ведь жить все в том же кругу, далеко от православия. Но мне необходим был разговор со священником о некоторых моментах, связанных с маминой смертью. В дружеском семействе меня взялись познакомить с отцом Александром. И те слова, с которых я начал свои записки, как раз и стоило мне услышать. Помню, однако, что при всем их значении для себя, показались мне эти слова как бы «слишком яркими». Но нетрудно представить, как часто я вспоминал их после смерти отца Александра и как лишь горестно дивился тому, сколь подходящими оказались они для него самого.

Мученическая кончина отца Александра примирила с ним нашу Церковь. Похороны состоялись 11 сентября, в день Усекновения главы Иоанна Предтечи. Незабвенно яркое солнце тех дней и сухое золото высоких берез над храмом. Незабвенно то верное чувство покоя...

Узнали вечером в воскресенье 9-го, звонили друг другу, не могли успокоиться и перезванивали. В понедельник 10-го я поехал с друзьями в Новую деревню к пяти часам вечера, а, может, к шести. Должны были привезти из морга тело отца Александра, и состояться первая по нему панихида. Когда приехали, храм был еще пуст, и было удивительно тихо. Понемногу прибывал народ, а тело все не привозили. Вот привезли, наконец, и все внутренне словно ринулись к гробу, и стало всем трудно на сердце, очень трудно, будто в воздухе что-то встало. Разобрались где стоять, служба началась. Певчие вначале петь почти не могли. Пели, пели, и не сбились, но все ведь чувствовалось. И вдруг, – нет, не то чтобы вдруг, постепенно, незаметно, – а вдруг и заметно стало легче! Такое можно пережить только в Церкви. Пели уже без труда, голоса расправились. Помню, как шли, уже в темноте, пешком до станции, через родное знакомое поле, с этими деревьями вдалеке, стоящими разреженно, так что сквозь них всегда видно небо. И было несказанно легко, будто и не было всей той тяжести ни вчера, ни пару часов назад, будто и не умирал отец Александр. Много раз впоследствии вспоминал я первую панихиду, и особенно рад был тому, что успел повидать лицо умершего отца Александра. Ибо на следующий день его отпевали, как и полагается, с закрытым ликом. А был он спокоен, так спокоен, что вспоминались слова Жуковского о лике только что почившего Пушкина. Вспоминалось и то, как на литургии стоял отец Александр за алтарем и как смотрел, бывало, на нас. Никогда не бывал он так исполнен нет, не столько любви, сколько глубочайшего мира, глубочайшей уверенности, что паства его – в руке Божией.

Осенью 1990 года стали с нами, его подопечными, происходить удивительные события. В.Ш., мечтавший жениться и сто раз влюблявшийся, но столько же раз охладевавший, наконец-то женился, по неложной любви. В.Л., тяжело болящий, просветлел и ободрился вдруг так, как никогда с ним ранее не бывало. А я, давно потерявший работу в вузе и перемогавшийся в школе, оказался вдруг – в университете, пусть и педагогическом. Приятель, вспомнивший обо мне, рассказывал, как в сентябре 1990 года стал он почему-то неотступно думать, что надо обязательно позвать меня к ним на кафедру.

Знакомые, знавшие, что я был в приходе отца Александра Меня, досаждали мне вопросами об убийстве. Собираясь в гости к таким-то, я уже знал: обязательно спросят. Собираясь к другим, знал: не только спросят, но и станут намекать, клонить в известную сторону: мол совсем не КГБ это нужно было... А один православный задал вдруг вопрос: правда ли, что отец Александр благословлял принимать буддизм? Я так ошалело на него посмотрел, что этот человек поторопился дать объяснение: мол один его знакомый буддист ездил к отцу Александру и взял у него благословение... По-моему, это восхитительно: только российский человек станет считать, что является буддистом по благословению православного батюшки. Я ответил: «Знаете, прекрасно все представляю. Он приехал, отец Александр не прогнал его, а поговорил доброжелательно, вот и все». Тут нельзя не вспомнить и другую, уже совершенно достоверную историю. Отец Александр вместе со своим знакомым поехали к общему другу уговаривать его отказаться от эмиграции на Запад. Сидели на кухне, говорили, наверное, два часа. Приходит жена того человека, и он восклицает: «Вот, дорогая, два ангела пришли благословить наш отъезд!». Такова цена тем мнениям и тем вооду-

шевленностям, которыми отец Александр был, противно сказать, облеплен.

А к нему ничего не приставало. После смерти он ото всего стал свободен, да и при жизни был. Вызывают его в отделение КГБ г. Пушкино и серьезно так спрашивают: «А знаете ли Вы, что Вами интересуется иностранная разведка?» Отец Александр отвечает: «Разве я военный завод?» Приступаешь к нему с какой-нибудь своей неотвязчивой мыслью (общезначимой, как полагается). Он посмотрит и скажет: «Бросьте Вы это, Андрюша, бросьте». И такое освобождение! Никогда не забуду, как я пристал к нему (не могу по-другому выразиться) с самой главной неотвя-

зчивой мыслью: о свободе. Наверное, писал ему и письмо. Наконец, дождался возможности поговорить. И вдруг он так горячо и так сердечно: «Ну какая свобода, Андрюша, ну какая свобода?! Если есть у Вас близкие, есть те, о которых Вам надо заботиться, то при чем тут свобода? Христос на кресте был свободен?» Помню, как не хотелось ему навязывать свое мнение. Я увлекался рок-оперой Э. Уэббера и Т. Райта «Иисус Христос Суперзвезда». И не раз, при возможности, спрашивал отца Александра, а как ему эта опера (тем более что он использовал музыку из нее в своем слайд-фильме «Свет миру»). Он уходил от ответа, то так, то иначе, но уходил, священники это умеют. Наконец, уже некуда было отцу Александру деться, надо было сейчас отвечать. Он ответил так: «Музыка гениальная, а текст бредовый. Знаете выражение: бред сив кэбл? У них там Христос прогоняет нищих! Разве это могло быть?» Отговорил меня от стихотворчества (точнее сказать, рифмоплетства), самое верное слово сказал: «Бросьте, это все камуфляж. Другое дело проза!» Поэзию знал при этом и очень любил, и поэту – ни за что бы так не сказал. А меня освободил, никогда не забуду. И еще один случай, важнейший в моей личной жизни. Чтобы рассказать о нем, я должен признаться, что (даже с детства) был склонен придумывать себе увлечения. Не совсем искусственно, не беспочвенно, но – натянуто. И потом носиться с этим, и уж, понятно, выстраивать многое. А что делать тогда священнику? Не «младостарцу», а деликатному? По поводу одного долговременного и, как казалось мне, «судьбоносного» увлечения отец Александр меня выслушивал и не говорил ничего. И вот как-то весной мне случилось с друзьями по приходу принять участие в работе по уборке территории дома отца Александра в Семхозе (чему я был несказанно рад). Не смогу, не получится у меня рассказать, как он принимал нас, как опекал нас после работы, как подавал еду... Стали прощаться, подошла моя очередь, и отец Александр вдруг говорит мне на ухо: «Это все мертворожденное, мертворожденное!» – я сразу понял, о чем он. И сколько тепла в его голосе!

Это вообще в нем было главное: не яркость (пресловутая), а тепло. Он был православным теплым батюшкой. И когда говорил о себе, что он деревенский священник, то, конечно, «преувеличивал», но в этом не было и тени кокетства. Надо было видеть, как он выслушивает простых деревенских бабушек, как разговаривает с ними, как они расположены к нему. Надо было видеть, как он служит. О подобных впечатлениях говорить очень трудно. Священник предстоит перед Богом, и когда ты видишь его во время богослужения, то порою многое чувствуется – да как же об этом расскажешь? Выразительно все: и спина, и осанка, и жест. И все – перед Богом. Почему-то мне особенно помнится, как стою я там, в новодеревенском храме Сретения, в закуточке, где у них канун, народу немного, будний зимний день, я смотрю на сутуловатую спину отца Александра в черном подряснике, он служит панихиду. Ничего особенного, он привычно, негромко, басовито поет: «Покой, Спа-асе наш...». И такое чувство: все правильно! И чистый день за окном, и свечи, и мирное, хорошее отношение к смерти. В самой обыденности недолгой красивой службы – такая спокойная, крепкая вера, как бывают отношения в крепкой семье, без лишних слов. А как рассказать о том вдохновении, с которым он служил литургию? Никакой экзальтации, ничего привносимого лишнего, вдохновение естественное – он иначе не мог. А в некоторые моменты охватывало меня сильнейшее смущение: когда чувствовалось в отце Александре сокрушительное смирение перед Богом, «раба, ничего не стоящего». Раз он так, то, значит, так и надо... так и надо предостоять перед Господом, но у меня же точно так не получится!

В праздничные дни двор перед храмом был полон народом. Выходил из храма отец Александр, в белом одеянии, так помнится, самом подходящем к нему, потому что как только выходил, все менялось. Не то чтобы все к нему бросались, все могли оставаться стоять своими

Нам было нетесно

Андрей Мановцев



компаниями, могло быть и так, что даже совсем никто не преграждал ему путь. И тогда он тем легче не шел, а словно летел. Походка была у него такая, не то чтобы очень уж быстрая, но спорая и удивительно легкая, словно летящая. И все менялось, как только он появлялся, он сам был радостной вестью.

Что же смотреть ходили вы? Что хотели услышать? Как одна мне женщина сказала: «Мы с мужем ходили вчера на Меня». От лекций отца Александра у меня бывало порой впечатление, что ими, так сказать, утешались. Радость получали, а вести – не слышали.

Его сделали фигурой и чуть ли не знаменем, не совсем понятно только, знаменем чего? К его имени сторонние Церкви люди всегда примешивают оттенок пафоса, с прозрачным смыслом: противопоставления отца Александра Церкви. Я не стану касаться здесь критики взглядов отца Александра, отошло читателя к известной книге протоиерея Максима Козлова «400 ответов на вопросы...», он там говорит об этом и справедливо, и трезво, и очень благожелательно. Вот и отец Александр – был исполнен благожелательности. Он чурался хулы. Он хотел научить нас видеть, отыскать – и в другом человеке, и во взглядах какого-либо философа или религиозного деятеля – то, что достойно внимания. Тут было бы уместно переиначить шутку Козьмы Пруткова о петухе, который «алмазов кучу разгребая, нашел невозное зерно». В данном же случае – наоборот... У отца Александра и Бердяев, и Рерих, и даже Блаватская – все получались достойными внимания. И о протестантах, и о католиках говорил он – только хорошее. Что ж поделывать, такова была его установка! И я не могу не рассказать об одном разговоре с ним. Была весна 1988 года, приближалось празднование 1000-летия крещения Руси. Отец Александр был специально приглашен на квартиру одной из наших прихожанок для беседы в связи с этой датой. И вот, я уже не помню, в каком контексте, говорит вдруг отец Александр: «Свобода – только в православии. Это только кажется про католиков или протестантов, что у них, мол, там демократично. Если к ним попадешь, то тебя – построят». Помню, как я удержался, чтобы не возопить: «Что ж Вы, батюшка, никогда об этом не скажете?!» Да, он говорил о христианстве «вообще», делая акцент на том, что всех христиан объединяет – вера в Спасителя. И если она не лукавая, Господь тебя примет, к какой бы конфессии ты ни принадлежал, такой мне представляется его мысль. Вот и последняя лекция отца Александра называлась «Христианство», она состоялась 8 сентября, за несколько, можно сказать, часов до кончины. «А на вершине – крест», – сказал он на этой лекции, не подозревая, что сам уже – на вершине... Его главное слово было – о Христе, а о главном пропускали мимо ушей, считали его само собой разумеющимся, верующий и должен, мол, так говорить.

Потребовалась смерть отца Александра, чтобы его весть и нами, его подопечными, была услышана вправду, всерьез. Ничего ведь нет серьезней, чем смерть. А пока он был жив, мы (так вспоминается, не совсем, конечно, справедливо, да и люди все разные) хотели только «малое время порадоваться при свете его». В сердцах наших было непросто, от воодушевленных помыслов – шумно, и в сущности – тесно. А «в нем» нам было нетесно. Принадлежность к приходу отца Александра Меня сознавалась нами как нечто особое – вроде того, как в древности адресаты апостола Павла считали: «мы аполлосовы». Это было натянутым, мертворожденным, в общении же с самим отцом Александром, если можно так выразиться, начинало дышать в нас лучшее, шелуха сознания слетала, и становилось легко, хорошо. Сам он чурался собственной значимости. «Да если б я думал о себе, – сказал он как-то, – что я вот какой-то исключительный, меня б придавило! Нет. Поедешь в Москву, прочитаешь себе лекцию и поедешь домой. Он ведь как считал (это чувствовалось): ему есть чем поделиться и совершенно не жалко это сделать!

Мне думается, что отец Александр был человеком конца 1980-х годов, чтоб не прибегать к бессмысленному термину «перестройка». То, с чем мы столкнулись после крушения советской власти, было еще далеко. Еще верили в Запад, «за глаза» любили Америку.33

Ни позорной российской демократии, ни свободы как непотребства, ни нашествия инославных, ни бомбежек



Югославии – ничего еще этого не было. Было время надежд. И когда я вспоминаю, с какой надеждой смотрел отец Александр на будущее России, то не могу не думать: вовремя взял его Господь. Много было б для него слишком тяжело. Так Достоевский непредвиденно и скоропостижно скончался за месяц до гибели царя Александра II; он не перенес бы того. Подобных примеров много. Возвращаясь же к отцу Александру и его настрою в последние месяцы жизни, надо сказать: он верил в Россию. И когда говорил о «нравственном потенциале страны», то говорил не голословно, а имея в виду множество открывшихся ему сердец.

Поражает то, как Господь дал ему просиять – в общедоступных лекциях с лета 1988 года до 9 января

1990 г. Моя знакомая работала в библиотеке иностранной литературы и не помышляла о вере. Стала ходить на лекции отца Александра и поверила в Христа. Говорит: «Просто до этого я никогда не встречала такой любви». Все, знавшие отца Александра, испытывали это на себе. И каждому из его подопечных казалось, что отец Александр любит именно его и должен на все откликаться. Помнится, как мы обижались: наших знакомых не дает привести, а человеку, подошедшему после лекции, предлагает придти к нему. А как он мог ему отказать? Мы-то уже «никуда не делись бы», а тут откажешь – что станет потом с человеком? Впрочем, любовь отца Александра не была «всепримлющей»: он пресекал общение, если чувствовал праздный интерес. Но если речь шла о вере

(пусть о «восьмушке» таковой), его любовь была великодушной и щедрой, без меры. И все его ошибки – это ошибки любви.

Расширение деятельности к 1990 году становилось трудным для отца Александра. Время сжималось. Последний раз я видел его на Успение Пресвятой Богородицы. В праздники, связанные с Божией Матерью, он тепло, с какой-то особой, глубоко запрятанной, проникновенностью, говорил о Ней. И я не сомневаюсь, что Пречистая сердечно заступилась за него.

Интернет-издание «Татьянин День».
9 сентября 2010

Открытие центра «Преображение России»



Открылся юбилейный, 350-й по счету центр организации «Преображение России» имени отца Александра Меня, который расположился в большом новом доме в деревне Докукино недалеко от города Подольск. Помимо трехэтажного дома, на территории центра находятся летний дом, роскошная застекленная беседка и гаражи. На сегодняшний день здесь проживают 16 мужчин, 3 женщины и два сотрудника (руководитель и его помощник), но дом рассчитан и способен принять на социальную адаптацию в три раза больше.

Официальное открытие состоялось 7 октября 2010 года. На украшение мероприятия было подготовлено 480 разноцветных больших и 704 маленьких шаров, несколько больших баннеров, множество блюд для фуршета из красной и белой рыбы, блюда сербской кухни, свежие фрукты и шампанское (для гостей и тех, кто давно прошел реабилитацию). Мероприятие посетили более 50 человек, в их числе: вице-президент организации «Преображение России» Сергей Васильевич Кабанов, руководители центров «Преображение России» в Москве и Московской области, настоятель храма Космы и Дамиана в Шубине, близкий друг отца Александра Меня протоиерей Александр Борисов, клирик Троицкого собора в городе Щелково иерей Андрей Фазов, уполномоченный по правам человека в городе Подольск Жученко Михаил Вячеславович, член попечительского совета уголовно-исполнительной системы, советник председателя комиссии по борьбе с коррупцией Сенкевич Михали Васильевич, Боровикова Татьяна Михайловна – председатель совета сообщества, всероссийская общественная организация сообщества многодетных и приемных семей России «Много деток – хорошо!», представители московских СМИ и другие.

Многие приглашенные выступили с поздравительной речью. Затем отец Александр Борисов освятил дом и провел молебен. По окончании молебна состоялся фуршет и праздничный концерт с участием музыкального коллектива организации «Преображение России».

Самый большим парадоксом раннехристианской церкви является тот факт, что в годы самых страшных гонений на христианство, во времена правления Римской империи, когда быть верующим во Христа приравнивалось к добровольному подписанию собственной смертной казни, именно в эти годы христианская церковь не только не прекратила своего существования, но и разрослась. По всему миру открываются новые общины, все больше и больше людей принимают водное крещение.

Для организации «Преображение России» сегодня тоже не легкий период. Хотя, конечно же, сравнивать «Преображение России» с первохристианской церковью, все равно, что сравнить мышшь с динозавром. Но тем не менее. В Новосибирске происходят известные события, во время которых бывшие сотрудники, отделившись от организации, прихватили с собой

часть преображенского имущества, в Петербурге ряд депутатов пишут на имя губернатора кляузу в адрес организации, опираясь на вымышленные факты, своего рода гонения происходят и в других городах и регионах России. Именно в это время в Подмосковье открывается, не какой-нибудь, а 350 центр организации «Преображение России». При этом он несет на себе имя известного святого отца и проповедника Евангелия Александра Меня. Это имя было выбрано не зря. Александр Мень – это тот человек, который нашел в себе силы идти против всех предрассудков и, казалось бы здравого смысла. В те годы, когда жил и работал Мень, проповедь Евангелия, мягко сказать, была не принята, государство жило во власти советского атеизма. Несмотря на это святой отец проповедует и проповедует очень успешно. Он собирает залы и лекционные аудитории, издаются его книги. Ему угрожают, а затем убивают. Но, несмотря на это его дух продолжает жить среди верующих людей. Александр Мень стал символом победы над безнадежностью, отчаянием по средствам веры и Божьей силы.

Так же и наши ребята, которые приходят в центр на реабилитацию. На них все давно поставили клеймо неисправимых наркоманов, подонков, алкашей. Но наша задача сломить в них этот ярлык, заставить поверить в успех вопреки всем общественным утверждениям. Святой Дух с каждым из нас, более того, Он живет в каждом человеке. Свет внутри человеческих сердец неугасим, он подарен нам свыше. Поэтому у каждого всегда есть возможность обрести внутреннюю свободу и будущность, воззвав в покаянии к Духу Божьему и скинуть со своих глаз пелену мрачного неведения.

Утром центр оживился непривычно рано. Как и любой другой праздник, церемония открытия началась с суеты. Дел было настолько много, что все поднялись с первыми лучами солнца и сразу же после утренних процедур и завтрака взялись за выполнение обязанностей. Братья вышли с метлами убирать двор, сестры мыли полы в доме. Каждая мелочь не осталась без внимания, все четко расставили по своим местам, протерли, вымыли, вымели. Затем приехали из фирмы по украшению шарами – оформили фасад дома, забор и вход на территорию.

Большие чудеса происходили на кухне. Тут орудовал повар-профессионал, вырезая двумя остро-наторченными ножами из овощей и других продуктов блюда с непонятными названиями – сатрица, урнобес, фильдеперсовы конструкторы из фруктов, а затем все это красиво раскладывал на блюда. На самом деле этот повар тоже из числа преображенцев, но преображенцев очень «старых». Его зовут Леха, он пришел в организацию четыре года назад с тяжелой формой наркотической зависимости. А когда избавился от разрушительных пристрастий, тут-то и выявились таланты и масса положительных качеств. Леха оказался не только профессиональным поваром, но и великолепным рок-гитаристом, чем приносит большую пользу организации и приходящим в нее людям. На самом деле, таких людей обращается за помощью не мало. Вначале ужасный грязный наркоман или алкоголик, а через месяц оказывается наиталантливейшим специалистом с множеством серьезных образований, навыков и уникальным жизненным опытом в своей профессии. Таких примеров в «Преображении России» много и их число приводит к серьезным размышлениям на эту тему: «Почему в России пьют и начинают колотиться такие образованные и, нередко обеспеченные люди? Что им не хватает в жизни? Что, или кто толкает их на это безумие?» Вывод однозначен – уже давно пора бить в тревожный колокол, потому что русская нация идет к вымиранию. И если мы сегодня не сможем помочь этим людям вновь обрести смысл и ощутить свою востребованность в обществе, как долго протянет наш народ до полного исчезновения? Через пару столетий слово «русский» будет стоять в учебниках истории в ряду вымерших видов и народов человечества. На серьезность проблемы указывает так же и количество реабилитационно-восстановительных центров, ни один из которых не пустует. При минимальных усилиях каждый центр в любом регионе и городе России наполняется двумя-тремя десятками нуждающихся в избавлении от наркомании или алкоголизма людей. Поэтому открытие 350-го центра для нас одновременно и праздник, и показатель трагической обстановки в нашей стране и острая необходимость в открытии еще трехсот пятидесяти.

НЕ ОБЛАДАЕТ

Вскоре начали съезжаться гости. Первое время обстановка напоминала государственный музей – в каждой комнате можно было встретить группу из нескольких человек с любопытством что-то рассматривающих. Все ходили с этажа на этаж как на экскурсии, расспрашивая подопечных: «А тут у вас что? А это зачем?» Повсеместно, а особенно возле гирлянд с разноцветными шарами, вспыхивали вспышки фотоаппаратов. Репортер из православного телеканала «Союз» настраивал свою видеокамеру, а представитель пресс-службы «Преображения России» по прозвищу Феллини «подкручивался» на кухне, делая вид, что снимает репортаж про повара. Музыканты подключали аппаратуру и тестировали микрофон: «Раз, два, раз, два...».

Представительные гости прохаживались по думу в компании руководителей, интересовались происходящим, планами организации на будущие и возможными путями для сотрудничества.

Центр был задуман как образцово-показательный для Москвы и Московской области. Мы надеемся, что так оно и будет, что это место, освященное православными священниками, намоленное искренними молитвами посетивших открытие людей, облагороженное руками находящихся тут подопечных организации, принесет в конце концов богатый плод из десятков и сотен трезвых граждан России, избавившихся от своих смертельных пристрастий и активно участвующих в строительстве светлого будущего нашей страны.

Текст и фотографии Феллини (Дмитрий Родионов) пресс-служба «Преображения России», город Москва.



Благотворительная организация «Преображение» официально зарегистрирована в 2001 году и на сегодняшний день включает в себя 350 учреждений разной социальной направленности, действующих в 200-х городах Российской Федерации, а также имеет филиалы за рубежом. В 2008 году организация получила общероссийский статус с наименованием «Преображение России». Ежедневно в организацию обращаются за помощью тысячи людей, находящихся в противоречии с моралью общества и оказавшихся в трудной жизненной ситуации.

Организация является некоммерческой, внебюджетной, неполитической, обладает идеологической и хозяйственной самостоятельностью. Будучи самобытной, организация имеет российские корни и не является преемницей каких-либо структур, а также не ведет совместной деятельности и не финансируется иностранными юридическими и физическими лицами. Деятельность организации основана на принципах конституционного устройства Российской Федерации, и не зависит ни от каких светских, политических или религиозных структур. Организация сотрудничает с органами государственной власти и местного самоуправления, а также с общественными, политическими, религиозными объединениями, другими частными или юридическими лицами, преследующими созидательные для России общественно полезные цели: социального, культурного, образовательного или благотворительного характера.

Цели организации – социальная поддержка и защита граждан, которые в силу жизненных обстоятельств не способны самостоятельно реализовывать свои права и законные интересы. Развитие благотворительности и милосердия в России, популяризация Христианского сознания и ценностей в обществе, а так же противодействие пагубным и чуждым движениям и тенденциям, разрушающим Российское общество.

Для осуществления своих целей организация в установленном законом порядке проводит акции и мероприятия, создает бесплатные восстановительные центры, социальные гостиницы и другие учреждения стационарного типа.

Внутреннее восстановление проблемных людей достигается путем смены мировоззрения и привития им здравого смысла и добрых нравов, основанных на Христианской морали. Человек меняя негативный круг общения, попадает в морально устойчивую среду, ведет упорядоченный образ жизни, придерживаясь принципов и норм поведения, принятых в Центре.

Внешнее восстановление человека выражено в предоставлении первой доврачебной и санитарной помощи; в предоставлении крова, одежды, пропитания; в урегулировании отношений с правоохранительными органами; в юридической помощи; в восстановлении отношений с родственниками; в специализированном медицинском обследовании и по-

мощи в прохождении лечения; в восстановлении документов; в привлечении к активному участию в деятельности организации.

Результат реабилитации – обретение человеком навыков, качеств и способностей, делающих его личностью положительно воспринимаемой обществом. В человеке вырабатываются моральные принципы и нравственные нормы поведения, а также способность влиять на людей находящихся в пороках и помогать им измениться в лучшую сторону. Человек не просто восстанавливается физически и духовно, не только обретает отношения с близкими и устраивает свою личную жизнь, но и проявляет активную гражданскую позицию, участвуя в созидании и оздоровлении общества.

Общероссийская благотворительная организация «Преображение России» оказывает помощь людям, находящимся в зависимости от наркотических веществ и алкоголя, а также освободившимся из мест лишения свободы и участникам боевых действий. Упрощенный прием и бесплатная реабилитация в восстановительных центрах России. Время пребывания неограниченно, соблюдается принцип анонимности. Возможность отправки в другие регионы.

С юбилеем поздравляем!

Сокровенный человек



«...Мифологически – ржал саксофон»
(Е.Б. Рашковский)

40 лет назад шёл я по улице Жданова (ныне Рождественке). А навстречу мне русский интеллигент – революционный демократ с баскетбольной сум-

кой на плече. Свернул через дорогу и зашёл в учёное здание со странной вывеской ИВАН (Институт востоковедения Академии наук СССР). Мне он запомнился простодушно разумным обличем, смертельно оскорбляющим зверей и дураков.

Дня через два на семинаре Юрия Александровича Левады ожидался знаменитый Евгений Борисович Рашковский с докладом о Тойнби. И он пришёл – загадочный пешеход, плакатный интеллигент. Микрофон попросил скрыть, чтоб не мешал. К нам обращался академически почтительно: «коллега Виткин», «коллега Седов»...

Позднее мы нос к носу столкнулись в Новой Деревне. Он подпевал на литургии с безукоризненным старомосковским произношением, неуместным в церковнославянском языке: «Святый Боже, святый крепкий»... На Пасху шли бок о бок со свечами.

Меня знал его и любил.

Через годы профессор Рашковский затащил меня в «Ковчег» – школу для нервных детей –

учить их журналистике и искусству музыкальной импровизации. Сам на уроках рассказывал о Пушкине и Ветхом Завете. Как-то из распахнутой двери класса донеслось: «Это была небольшая крепостца...» (о том, как начинался Иерусалим). Дети слушали, затаив дыхание. Одну книгу всё же «коммуниздили», как изволил выразиться Евгений Борисович...

Ему на днях сравнялось 70. Груда написанных книг: историография, поэзия, православная культура. Плеяда учеников. Наш храм. Семья. Религovedческий центр в крупнейшей российской библиотеке. Библейские переводы... Любит польскую поэзию и джаз.

Помню, как он вернулся из Америки и на мой вопрос: «Ну как?» – сокрушённо ответил: «Влюбился». И добавил застенчиво: «Но умереть хочу на Родине».

Я счастлив, что живу в одной стране с Рашковским.

Владимир Ерохин

Евгений Рашковский

Стихи из «нулевых»

Кавказ

В какие-то заоблачные выси
боевики уходят из Панкиси,

уходят навсегда... И каждый их уход
оплачен кровью нб сто лет вперед...

И предрассветный час так холоден и скуден...
А там – горят леса и сиротеют люди,

и плачут Ангелы, и рушатся дома.
В дыму не видно гор. Одна густая тьма.

30.11.02

La vita nuova

Изгладится вражда «формаций» и племен,
изгладимся и мы, и наше время злое,
и тени наших тел под тяжкою землею...
А что произрастет? Цветущий сад времен?

Но, может, строй времен воистину таков,
что хрипы и тоску – преодолает Слово,
что флорентийский дух и строки «Vita nuova»
преодолают кровь и мелочность веков?

Обушково. 13.11.05

У стен Новодевичьего

Я хочу видеть этого человека!
Есенин

Тонкий стан. Застенчивая улыбка – нон-стопом.
Только вот – никак не припомнится мне:
где же я видел этого эфиопа?
В Ерусалиме? В Торонто? Иль, может быть,
просто во сне?

Ну – а если вокруг – времен взбесившихся топот, –
я еще не потерял в мире, и мир не потерял во мне.
Я хочу видеть этого эфиопа.
В Ерусалиме. В Торонто. Иль, может быть,
в пушкинском сне...

Даже в моей угоревшей от злобы стране –
я хочу видеть этого эфиопа.

29.04.06

На исходе мая

Ветер –
синий такой,
прохладный,
чаемый мною
давным-давно.
Помолодевших
берез гирлянды
бьются и бьются
в мое окно.

Столько вёсен
пересчитать
да столько
авторучек изгрызть...
За пропащими днями
прячется день лучезарный.
Как я люблю
ускользающую эту жизнь!
Посох незримый –
в руках.
И душа –
благодарна.

28.05.06

Стихи им. Радищева

Если живешь, окружен людским
торжествующим лаем, –
перемогая тоску, – помни всегда и везде:
что мы, пиявицы алчные, после себя оставляем? –
То ли следы на песке? То ли круги на воде?

А приглядевшись попристальней
к этой радищевской теме,
было б неплохо вспомнить – хотя бы
в последний час:
в нашем подлунном мире, в нашей «экосистеме» –
даже живого воздуха не остается от нас...

12.06.06

Поэтика

Когда безмолвие и тьма, –
то ищет голоса и крова,
чтоб не сойти вконец с ума, –
в себя глядящееся слово.

И воздвигаются вокруг
таких четверостиший стены,
что есть очаг, вино и друг
и горстка мыслей неразменных.

05.12.05



Клоун. Автошарж Е. Рашковского

Счастья, радости желаем!

В Звенигороде с Рашковским

Павел Проценко

С Евгением Рашковским мы познакомились в 1994 г. в изумрудном маленьком Звенигороде. На дворе стояли первые годы новой эпохи. Сейчас 1990-е подают в СМИ сугобо утрированно, как время смуты, чуть ли не уголовщины, поднявшейся со дна, сгустившегося над родиной мрака. На самом деле первые годы перемен были полны и надеждами, и ожиданием невиданных открытий и новых горизонтов. Говорю в данном случае даже не о своем опыте, а об общей атмосфере. Все без исключения слои бывшего советского общества вдруг обнаружили себя в новом качестве. Обитатели номенклатурных заповедников оказались ничем не отмеченными гражданами, советская интеллигенция вдруг очутилась без твердой идеологической узды, передовые квалифицированные рабочие шагали уже не в авангарде классовой борьбы, а скорее в авангарде зарождающегося предпринимательства и накопительства. Всем требовалось осмотреться, вздуматься в происходящее и у большинства для этого не было ни сил, ни времени, ни привычки к духовной рекогносцировке. Перебивались, как правило, обрывочными, высмотренными в телятичках, идеями, расхожими общими мыслями по поводу времени перемен, в которое, как известно, лучше не родиться. Действовали скорее на ощупь, чем сознательно.

Для меня и моей маленькой семьи перестройка принесла неожиданное избавление от преследований. Последние советские годы стали временем раскованной свободной работы, для, как думалось и чаялось, Церкви и России. Но после «Преображенской революции», когда опали запретительные скрепы советских законов, стали рушиться, как ни странно, и связи со старыми друзьями, стали увядать и распадаться робкие зачатки прежней независимой общественности (независимой в пору всеобщего «одобрямса» и серости). Вдруг я обнаружил себя в чуть ли не полной пустоте – не встроенный в прежний советский мир; непонятный и чужой для формирующейся на его обломках новорусской действительности. Я упорно продолжал собирать крупницы исторических свидетельств о времени ГУЛАГа, о судьбах замученных и странных людей в эпоху коммунистического рабства. Нигде официально не работавший, не числившийся, не участвовавший в громкой политике, не мелькавший ни на демократических мероприятиях, ни в новом официозе.

Ко всему вдруг выяснилось, что дочка подросла и что ни разу мы не проводили время вместе в сезон летнего отдыха (я порой отсутствовал чуть ли не круглый год, пребывая «на фронте»). Так летом 1994 года началась у нас «пятилетка» дачной жизни. Наши милые электростальские друзья, супруги-врачи Антошкины, разорвали свой прежний уклад и переехали в Звенигород, начав строить там дом. Вместе с ними мы сняли в то лето какой-то полуразрушенный домишко на Посаде. Наше времяпрепровождение здесь здорово скрашивало соседство с отрядом из детей и взрослых из необычной московской, школы «Ковчег», разместившимся в помещениях бывшего пионерлагеря.

«Ковчег» был одной из школ нового типа, организованный сообществом родителей, чьи дети имели определенные проблемы в психологическом развитии. Отличительной ее особенностью была атмосфера доброжелательного и терпеливого внимания со стороны взрослых к своим питомцам. На лужайках между корпусами устраивались театральные постановки, игры и даже съемки любительского фильма с сюжетом из истории Киевской Руси. Здесь-то я однажды и увидел Евгения Борисовича и его сына Борю (ровесника нашей Ксении), прикативших на велосипедах со стороны Звенигорода, где находилась их съемная дача. Евгений Борисович со своей серебряной бородкой имел вид старинного

университетского профессора, немного рассеянного и одновременно отзывчивого и радушного.

Сразу обращала на себя внимание тяга к нему взрослой ковчежной публики: то один, то другой затевал с ученым велосипедистом беседу. Чуть ли не в тот же день, ближе к вечеру, стихийно образовался лекторий, в котором Евгений Борисович что-то объяснял из реалий Древнего Израиля, увязывая их с практикой современной Церкви и проблематикой нынешней жизни. В дальнейшем он неоднократно выступал в небольшом зале перед дачной публикой то со своими стихами, то с импровизированными лекциями о культурных, церковных и политических проблемах.

И учителя и родители из «Ковчега», постоянно имея дело с отклонениями от т.н. нормы в среде своих чад и воспитанников, самими обстоятельствами постоянно принуждались к поиску разрешения различных непростых проблем: педагогических, семейных, медицинских, духовных. И в отыскании возможного пути существенным для них было общение с «человеком знания», которым, несомненно, являлся Евгений Борисович. Эта тревога и забота о детях, витавшая над лагерем в звенигородском Посаде, это стремление взрослых украсить каждую минуту общения с детьми каким-то общим делом, интересом, взаимным открытием чего-то нового делало тамошнюю атмосферу незабываемой, насыщенной чувствами, нервами и энергией любви.

Еще раз подчеркну, с внешней стороны взрослая ковчежная публика состояла в своей массе из представителей позднесоветской интеллигенции, кое-что читающих, немного интересующихся театром и искусством, озабоченных материальными проблемами. Но бросалась в глаза потребность в чем-то более возвышенном, более духовном, чем обычная интеллектуальная пища, проступал в этой публике какой-то голод по новому знанию, которое должно же было содержаться в медленно поднимающихся во времени неясных очертаниях новой послесоветской реальности. Казалось, что все прежние имена, названия и знаки для этих людей нуждаются в переосмыслении, переименовании, переоткрытии. Евгений Борисович как раз являлся тем человеком, который, в силу своего научного пути и личного развития, понимал необходимость освящения нового мира, переименования его составляющих, — для освобождения творческой энергии и дальнейшего свободного развития. Году в 1996-м в Иностранной библиотеке в Москве состоялся доклад Е. Рашковского на остроумно сформулированную им тему — «Как расплавлялась сталь», о неизбежном конце советского миропонимания. Хотя у меня имелись принципиальные возражения по частностям, в целом нельзя было не согласиться с основными выводами докладчика. И прежде всего с тем, что российское общество, впервые после 70-летнего беспамьяства, возвращается в реальность первозданных смыслов, где, к примеру, мужчина и женщина, это, прежде всего, муж и жена, а не товарищи по партийной борьбе.

В те срединные и бродильные 1990-е годы Евгений Борисович имел возможность делиться опытом с благодарными слушателями и через свою преподавательскую деятельность в «Ковчеге», и в православном институте имени Иоанна Богослова и в импровизированных аудиториях дачного Звенигорода. К сожалению, время неумолимо сужало дары открывшейся свободы, ограничивая эти встречи небольшими залами и не подпуская в теле- и радиостудии.

1990-е годы характеризуют, в частности, различные педагогические эксперименты, ставящие своей целью воспитание деидеологизированного раскрепощенного человека, умеющего овладевать знаниями. Характерно, что руководители этих

педагогических площадок порой имели тенденцию к вождизму и авторитарному лидерству, иногда тесно переплетавшуюся с меркантильными интересами. Одно имя Виктора Столбуна с его скандальными опытами по излечению и перевоспитанию больных и трудных детей с помощью электростимуляции анального отверстия красноречиво говорит о многом. В частности, о нашей потерянной родительской среде, постоянно ждущей чуда над своими болящими чадами от очередного (пусть и местного масштаба) вождя или самозваного целителя. Надо сказать, что Евгений Борисович, чуждый всякого учительства или «младостарчества», руководствовался в своем педагогическом поприще лишь стремлением передать опыт и знания, накопленные десятилетиями смиренных ученых штудий. Прекрасный специалист в области истории научного знания на окраинах современной цивилизации (Восточной Европы и Азии), он прекрасно сознает всю сложность пути к познанию в мире несвободы, а подчас и всю трагичность обретения там личностью настоящего опыта.

Хотя автор этих строк был человеком совершенно из других, чем востоковед Рашковский, сфер, однако сила притяжения последнего сделала эту разность незаметной и помогла нам сблизиться. Евгений Борисович с присущей ему чуткостью как-то очень быстро разглядел мои сокровенные интересы, связанные с опытом сопротивления и выстаивания перед лицом насилия. Он не отстранялся с недоумением, а то и с враждебностью, характерной для советских и, к сожалению, послесоветских людей, от тех, кто постигал знание посредством тюрьмы и сумы, потому что и это важная часть правды под земными небесами. Уже через год (1995) в международном журнале философской мысли «Путь» вышла его статья о моей первой книге, первый серьезный, равнодушный и вдумчивый отклик.

Позже с удивлением и радостью я наблюдал, как моя двенадцатилетняя дочь из подмосковной Электростали каждую неделю упрямо ездила в «Ковчег», чтобы побывать на пушкинском семинаре Рашковского и обжигать глиняные поделки в классе рукоделия. Заработало, заработало притяжение культуры и красоты!

Статьи, книги, стихи и рисунки Евгения Борисовича, с того времени периодически оказывающиеся в моих руках, каждый раз помимо своего конкретного содержания всегда напоминают о месте нашего знакомства. Звенигород, Успенская церквушка на горе с рублевскими горящими красками настенной росписи, узкая веселая нить реки, белеющий монастырь св. Саввы Сторожевского, Посад, озорной говор детишек на берегу, свет их безудержных улыбок в закатном солнце.

В основательности, неспешности и тщательной формовке мысли Рашковского мне каждый раз видится что-то и от чистых красок звенигородской палитры. Есть люди, пронзенные умиротворенностью звенигородской природы. Когда Александр Солженицын впервые попал в окрестности Звенигорода, он, покоренный увиденным, дал себе слово построить здесь храм. Это верный признак наследника звенигородской атмосферы. К таковым относится, конечно, и Евгений Борисович Рашковский. Человек четко, по-западному, организованный, человек широкого кругозора, он умеет в нескольких формулах обозначить проблему, актуальные грани действительности, красками мысли и слова примирить раздробленную историческую данность с надеждой на лучшее. В дни его юбилея хочется пожелать ему подольше радовать нас картинами слова и мысли, согретой теплыми тонами звенигородского наследия. И пусть будет всегда светло и у юбиляра на душе, и в наших помыслах, и на нашей земле, где пребывает опыт нежного, сердечного Звенигорода.

Больных исцеляйте...

Мне помогает любовь к людям

20 лет назад я обратился к отцу Александру Меню с просьбой принять больных непосредственно в храме после службы.

Принимать в храме, конечно, бесплатно; там много бедных людей. Но самое главное, что врачевание ограничено лишь телом человека, но не исцеляет душу и её высшую часть — дух. Священники же спасают душевное и духовное здоровье людей. Мне казалось, если священник и врач будут работать совместно, они будут исцелять всю сложную сущность человека, что особенно важно в наше злобное время.

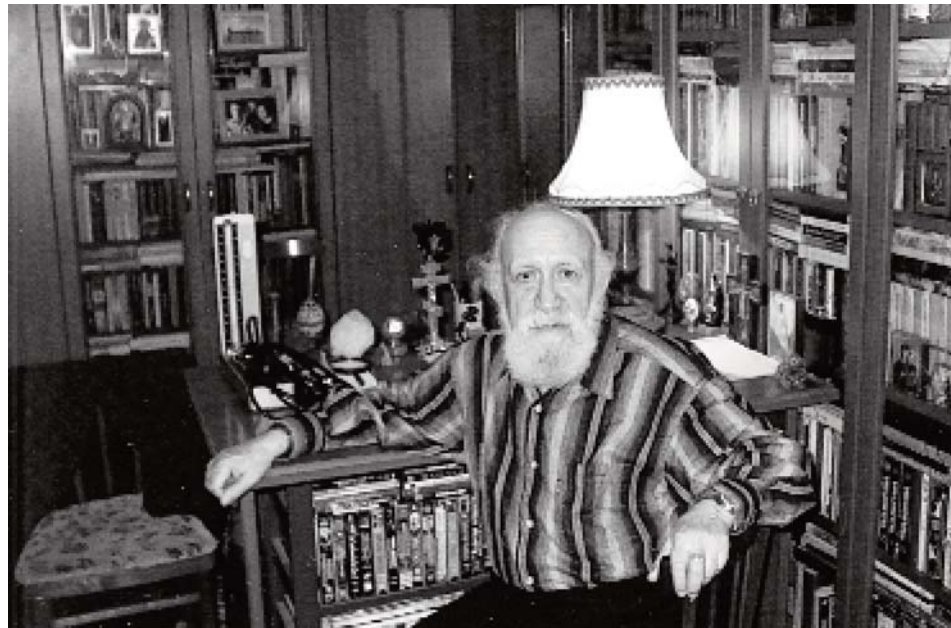
Через несколько дней после моего обращения к о. Александру его убили.

Через много лет мне удалось осуществить свою мечту — мне дали в храмовом доме большую комнату, я купил на свои деньги электрокардиограф, всё нужное оборудование...

Я считаю, что это счастье — вместе со священниками лечить человека. Когда я смотрю больного, из окна моей врачебной кельи видна колокольня, внизу трепетно поднимаются в храм прихожане, а сверху под колоколами — окна кельи нашего духовного наставника — отца Валентина.

Я многому учусь у священников. Мы, врачи, склонны к автоматизму, механичности, бесконечному собиранию анализов. В результате множества обследований у больного нет основного врача, нет полноценного лечения, хаос. Недостаточно внимание к личности больного.

Вниманию к больному я учусь у священников, наблюдая, как они ведут исповедь. Ведь лечить душу, дух священникам труднее, чем врачам тело. Облегчая телесные страдания, врач помогает священникам.



Мне хочется сказать, что легче лечить того, кто любит не только себя и свою семью, но свою страну, город, в котором живёт. Легко лечить пожилую женщину, живущую со своими детьми, внуками. Очень трудно лечить пожилых, у которых все уехали, и тут без священника не обойтись.

Мне кажется, что в моей работе мне помогает любовь к людям, а к концу жизни (мне 77 лет) я всех люблю

Феликс Крайко

ВРАЧ МОЕГО СЕРДЦА

«Дайте руку! Вот грудная клетка. Слушайте, уже не стук, а стон; тревожусь я о нём, в щенка смиренном львёнке...» (В.В. Маяковский)

Над городом моим стоял тяжёлый дым. Ночью накатило удушье. Ещё подумалось: вот так и умирают. На рассвете мой друг отец Михаил с матушкой Анной отвезли меня, сердечного, к своей прихожанке в прославленный кардиологический центр. Медики изучали меня с ног до головы, сканировали, запихивали в какую-то трубу. (Вспомнился Некрасов: «Всё худо! Его продевали три раза сквозь потный хомут, спускали родимого в пролубь, под куричий клали насест... Всему покорялся, как голубь, — а плохо...») Предложили высокотехнологичную операцию: надрезается пах, в вену запускается катедер, добирается до правого предсердия и убирает там всё лишнее. Потом до левого и выжигает остальное. «Если операция будет успешной...» — сказала докторица. Искоркой мелькнуло: «А если неуспешной?..» Но стал готовиться: разжижать кровь учёными зельями, измерять давление, записывать в тетрадку, сколько выпил воды за сутки, сколько отлил...

Павел, мой друг и коллега, усомнился: «Там нашу сотрудницу дважды резали и всё без толку. Содрали кучу денег. Предлагают третий раз... Советую не торопиться». — «А что же делать?» — «Идите к Феликсу Семёновичу. Он лекарствами вылечивает». — «Да к нему за полгода записываются». — «Ступайте в воскресенье прямо в храм на Красносельской. Он обязательно примет».

И вот я у доброго доктора. Видом он — Николай Угодник и Сергей Радонежский в одном лице. И на о. Сергея Желудкова похож. Маленький, крепкий, с небесными глазами. На голове врача скуфья — повседневный головной убор православных духовных лиц всех степеней и званий. Учёным собратьям сокрушённо подивился: «Надо человека лечить, а не изучать». Послушал меня, посмотрел и заявил с игуменской прямоотой: «Владимир Петрович, надо в больницу. Я тут бессилен. У вас сердцебиение и мерцательная аритмия. Моими средствами вас не спасти. И поезжайте сейчас же прямо домой». Почуял: собираюсь двинуть по

делам. Но я послушался. А он через час домой звонит. Да не меня зовёт, а Раису, мою жену: «Вызывайте скорую» — настойчиво и твёрдо.

Вызвали. Увезли. В больнице тоже начали готовить к операции, но уже другой: на груди моей решили произвести электрический разряд и усмирить тем самым аритмию. «Если операция будет успешной»...

Морг был напротив — вековое здание обветренного тёмного кирпича. Я бродил вокруг него после капельницы и осмотра.

В первый же день в мою палату привезли двоих из реанимации — после такого же электрошока. Один мужик постоянно ходил под себя, а по ночам зычно призывал бабу — не в целях сокопления, а санитарку-уборщицу. Другой, бывший научный работник, все дни молчал, как овощ, и лупил глазами, как рязанский гриб.

Сердцебиение моё вернулось к норме. А от разряда я мягко, но твёрдо отказался. И снова к Феликсу Семёновичу. Услыхав о маразматике-соседе, доктор сказал: «Я такой разряд много раз делал. Но надо сперва разжижить кровь, нельзя сразу. А у него образовались тромбы и забили мозг».

В давние, советские ещё времена в «Комсомолке» был напечатан очерк «Подвиг врача». Феликс Крайко служил тогда судовым врачом на рыболовецком флоте. Было это в Тихом океане на Камчатке. Одна из обработчиц рыбы на морозильном траулере затеяла рожать. Доктор Крайко не акушер, но роды принял. Капитан, как сказано в газете, пожал ему руку и произнёс: «Вы настоящий моряк». «А на самом деле он сказал: „Если ещё кто-нибудь родит на судне, я тебя выгоню“», — смеётся доктор.

Он и на Чукотке с энцефалитом сражался, и в Гурьеве с холерой. Работал в научной экспедиции в Якутске. А до мединститута трудился нефтяником в Уфе.

Родился в Майкопе. Отец военный, мать рабочая.

Защитил две кандидатских диссертации — по медицине и по биологии: про ферменты и про то, как лекарства влияют в организме друг на друга. Написал и докторскую, но защищать не стал — времени нет: чредой идут больные.

В его приёмной блещут стёклами грамоты — благодарности настоятелей и старост четырёх московских храмов.

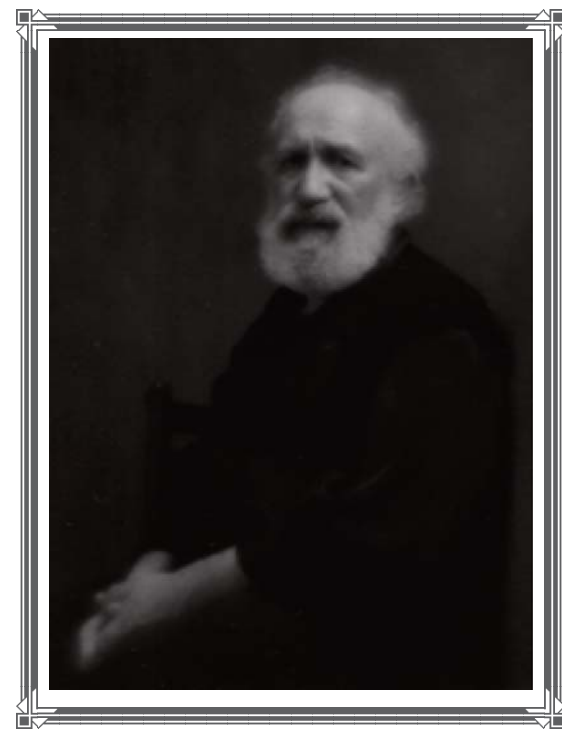


Фото Георгия Колосова

Житель подмосковного Пушкина, Крайко начал служение церковного врача в Новой Деревне у о. Александра Меня. Лечил священника и его родных; потом батюшка выделил ему в сторожке кабинет для приёма прихожан. Но через неделю отца убили. Пережив беду, Феликс Семёнович разыскал его друга, о. Александра Борисова, и начал служить у нас в Столешникове переулке — больных исцелять. Да когда стройплощадку на подворье создавали, снесли все ветхие сарайчики, где молитвенные группы собирались и где доктор сердечников лечил. Но стройка что-то застопорилась. Больных принимать стало нелегко.

Наш брат во Христе протоиерей Валентин Асмус, услышав об этих трудных обстоятельствах, пригласил доктора к себе в Покровский храм. Теперь и наши сердечники ездят на приём туда, на Красносельскую.

Доктор Крайко многих спас. И грешного аза в том числе: зафиксировал на днях выздоровление. Моей жене звонит по телефону: «Ваш муж — симулянт. Передо мной сидит здоровый молодой человек». Лекарств мне доктор поубавил. А ехать в Крым не разрешил. И бегать тоже: «Зачем вам бегать?» — «А купаться зимой?» — «Дождёмся зимы».

По воскресеньям Феликс Семёнович помогает священнику в алтаре Покровского храма. В его лечебном кабинете на стене висит стихарь.

Владимир Ерохин

ДОЛГОСТРОЙ

Шесть лет назад патриарх Алексий благословил идею строительства надвратной колокольни и храмового дома церкви свв. бесср. Космы и Дамиана, что в Столешникове. Храм, кажущийся таким большим внутри, совсем не виден с улицы. Нередко, рассказывая людям об этой церкви напротив здания мэрии на Тверской, слышишь вопрос: а где же там церковь? Будущая колокольня не оставит сомнений — вот он наш замечательный храм!

О том, как воплощается эта идея и как продвигается работа, рассказали настоятель храма протоиерей Александр Борисов и председатель приходского совета Наталья Федоровна Григоренко-Мень.

О. АЛЕКСАНДР:

— Наш храм остро нуждается в помещении для той большой работы, которая ведется с самого начала его открытия вот уже без малого 20 лет. По проекту инвестор строит два дома: свой, выходящий фасадом в Столешников переулок, и второй, внутри двора, для нашего храма. Оба дома примерно равной площади с подвальными складскими помещениями. Таким образом, пожертвовав частью дворовой территории, мы обретаем возможность разместить классы для занятий воскресной школы, евангельских групп, катехизации, психологической помощи и консультирования, групп анонимных алкоголиков («12 шагов»), анонимных наркоманов, склада для работы службы помощи беженцам, кормления бездомных и т. п.. Сейчас вся эта очень важная социальная работа проводится в храме, где буквально нет свободного уголка.

— *В какой стадии проект находится сейчас?*

О. АЛЕКСАНДР:

— Проект существует, он оплачен инвестором, но пока строительство тормозилось по не вполне ясным причинам; с прежним мэром последнее согласование и корректировка проекта были в феврале. Летом была проведена важная работа по подведению новых коммуникаций (канализации, водопровода) к месту строительства, а сейчас мы в ожидании. С приходом нового руководства города мы надеемся на то, что дело начнет двигаться.

— *Каков Ваш самый оптимистический прогноз по этому поводу?*

НАТАЛЬЯ ФЕДОРОВНА:

— Мы надеемся, что с приходом нового мэра города работа по строительству получит новый импульс и ускорится. Ведь у нас есть и проект (в прежнем и скорректированном виде), и заинтересованный инвестор, и



проложенные современные коммуникации. А это уже немало. На мой взгляд, нет оснований затягивать столь важное и необходимое для прихода дело. Осталось лишь получить разрешение московского правительства на продолжение строительства. Мы в ожидании, инвестор готов хоть завтра приступить к работе, и все надеются на позитивные сдвиги в этом направлении.

О. АЛЕКСАНДР:

— Мне кажется, что завершение стадии согласования проекта может занять полгода-год, и года два займет само строительство. Я сужу по истории строительства здания Российского библейского общества: 5 лет шло согласование и 3 года — строительство. Будем молиться и просим молитв наших прихожан, чтобы это очень важное для храма дело было успешно продолжено и завершено. Нужно набраться терпения, не смущаться нашими стесненными сейчас обстоятельствами, не горевать. Как говорил о.Александр Мень «хуже, когда храм есть, а народу в нем нет». У нас, слава Богу, есть замечательный храм, множество прихожан и большие перспективы развития той большой социальной работы, которая все эти годы проводится в нашем храме.



*Беседу вела Ольга Папуова
Фото Николая Мандрыкина*

Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа!

Вот, дорогие мои, сегодня день нашего храмового праздника в честь святых бессребренников и чудотворцев Космы и Дамиана. Церковь в литургических чтениях (отрывок из апостольского послания, из Евангелия) предлагает нам поразмышлять о том, что же является главным в нашей христианской жизни? Из христианского богословия мы знаем, что в христианстве главное — это богочеловечество, соединение во Иисусе Христе истинной человеческой и истинной божественной природы и схождение Бога в наш грешный мир для его спасения от духовной смерти. Для того чтобы мы могли иметь пример, чтобы мы могли иметь благодать, чтобы могли действительно восходить от человеческого состояния, дикарского, падшего, страшного состояния. Как Иоанн Златоуст говорил, чтобы мы не были, как рыбы, которые поедают все друг друга, а были именно как люди, Господь приходит к нам. И во святых Своих Он являет Свои удивительные дарования.

И когда мы размышляем о святых Косме и Дамиане, то, прежде всего, обращает на себя внимание то обстоятельство, что как много в Москве храмов, посвященных именно этим святым. Я знаю, по крайней мере, четыре храма в Москве еще, кроме нашего. Это означает то, что в древности люди очень ценили бескорыстие, бескорыстную помощь, когда человек, имевший дары молитвы, дары исцеления, не пользовался этим для обогащения, что так характерно для нашего времени. Мы, прожившие еще в советское время и знавшие еще бесплатную медицину (ну, немножко хуже, немножко лучше, может, совсем где-то плохую), вошли в то время, когда нередко бывает так, что медицинская помощь оказывается просто невозможной из-за той непомерной, астрономической платы, которая взимается за ту или иную операцию. Мы еще в советское время слышали, что да, где-то в Грузии, в Азербайджане привозят человека по скорой помощи, и его не оперируют, пока не придут родственники и не станет ясно, сколько они заплатят. А теперь мы это знаем по собственному опыту, что люди остаются часто без медицинской помощи, а уж если человек не прописан в Москве, уж если человек случайно оказался здесь, если он лишен жилья, то он вообще оказывается никому не нужен. И вот Церковь исторически нам напоминает об этом даре бескорыстного служения, то есть служения, которое без всякой награды, без всяких денег.

И, конечно, у нас возникает вопрос: ну, как же, мы все, точнее сказать, почти никто не имеем таких даров исцеления. Мы, конечно, молимся о наших ближних, о тех, кто тяжело заболевает. Иногда Господь нам показывает такую милость, что мы действительно видим ответ на наши молитвы. Молились, у человека действительно было подозрение на какую-то страшную болезнь. Человек прошел анализы, и оказывается, что опухоль доброкачественная, и человек оказывается рядом с нами по-прежнему. Но, конечно, мы размышляем о том, ну, как же вот, не каждый имеет дар исцеления, и не всегда Господь нас слышит.

И вот в сегодняшнем апостольском чтении нам предлагается великое утешение в ответ на этот наш вопрос. Апостол говорит о том, что «вы — Тело Христово, а порознь — члены». () Мы не какие-то люди, отдельные от Космы и Дамиана, (они настолько высоки, что мы не имеем к ним никакого отношения) — нет, мы принадлежим, и они, и мы, и другие многочисленные святые, и многочисленные грешники, — мы все принадлежим к одному Телу Христову, «а порознь — члены. И иных Бог поставил в Церкви, во-первых, Апостолами, во-вторых, пророками, в-третьих, учителями...» Мы не сетуем, что мы не апостолы, не пророки. «...далее, иным дал силы чудодейственные, также дары исцелений, вспоможения, управления, разные языки.» И апостол далее говорит нам в утешение: «Все ли Апостолы? Все ли пророки? Все ли учителя? Все ли чудотворцы? Все ли имеют дары исцелений? Все ли говорят языками? Все ли истолкователи? Ревнуйте о дарах больших, и я покажу вам путь еще превосходнейший.» () Апостол называет самые главные служения: апостольское, учительское, служение пророческое, исцеления — что может быть больше! Но он говорит о служении и о пути превосходнейшем. И говорит, что «Если я говорю языками человеческими и ангельскими, а любви не имею, то я — медь звенящая или кимвал звучащий. Если имею дар пророчества (прекрасный дар, который позволяет человеку говорить волю Божию, слово Божие и о настоящем, и даже о будущем), и знаю все тайны, и имею всякое познание и всю веру, так что могу и горы переставлять (не то что болезни исцелять, а переставлять горы), а не имею любви, — то я ничто. И если я раздам все имение мое и отдам тело мое на сожжение, а

любви не имею, нет мне в том никакой пользы.» (). Следовательно, самое главное в Христианстве — это именно любовь. Я могу иметь множество даров, но если это будет мною подаваться свысока, как нечто горделивое, как одолжение: ну, ладно, так и быть, давай, что-нибудь тебе сделаю, — то никакой цены это иметь не будет. А имеет значение только вот это удивительное движение сердца, которое называется известным очень словом «любовь».

А как нам стяжать эту любовь, если в сердце нет ее? И древние, и современные учителя Церкви говорят очень просто: поступать так, как если бы ты имел любовь. И тогда она будет возрастать в твоём сердце, по крайней мере, будет все время уменьшаться твоя нелюбовь к тому или иному человеку. И наоборот, если ты будешь поступать по путям своего злого сердца, проявлять недоброжелательство, проявлять гнев, осуждение, злорадство, пренебрежение, равнодушие (многие очень говорят: мне нет до него никакого дела, пожалуйста, пусть живет, как хочет, то есть фактически если мы говорим: если бы человек умер, мне все равно; ну, может, это я утрирую, может, мы не желаем смерти, но у меня нет к этому человеку никаких чувств, я к нему равнодушен) — это тоже, на самом деле, отсутствие любви. Я думаю именно из-за этого многие у нас и болеют, и плохо себя чувствуют, и погода влияет — именно из-за того, что у нас атмосфера любви совершенно недостаточная. Потому что когда человек чувствует, что его любят, что его ценят, когда он доверяет этому и сам испытывает эти же чувства, начиная с себя, а не с того, что «ага, меня не любят, и я не буду любить», когда он начинает первый любить, и он получает вокруг себя ответ, он создает эту атмосферу в Теле Христовом, которое есть Церковь.

И далее апостол Павел говорит драгоценнейшие слова о том, что же такое любовь, как следует себя вести, чтобы эту любовь в сердце своем возвращать. Потому что если мы не будем этого делать, если мы будем поступать не по любви, то в нашем сердце будет расти ненависть, а не любовь. А если будем поступать по любви, стараться, даже тогда, когда не хватает нам в сердце любви, но мы знаем, как надо делать по любви, то, во всяком случае, нелюбовь у нас точно будет уменьшаться, а любовь возрастать. И дальше Павел говорит, что же такое любовь. Нам всегда представляется, что любовь — это когда нам что-то нравится: какая-то вещь, какой-то человек, здание, мелодия, книга, стихи — вот, нравится — мы любим. А Павел говорит совсем о другом.

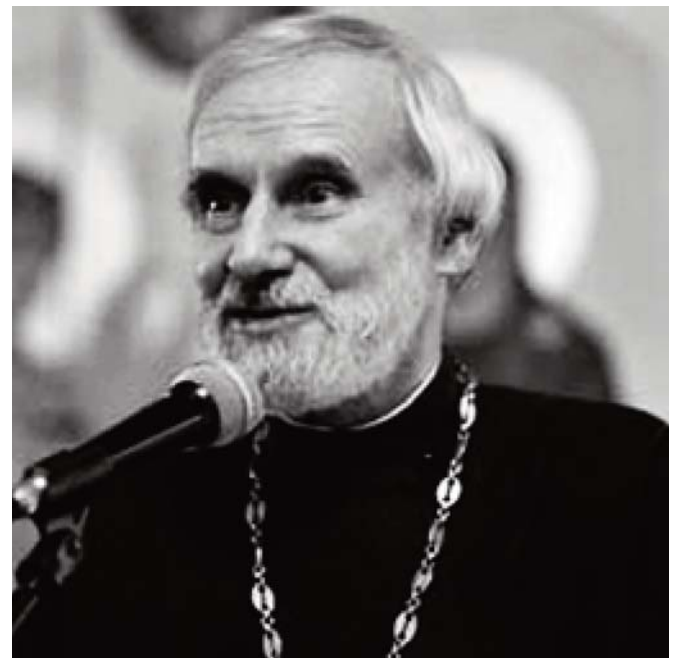
«Любовь долготерпит», прежде всего — долготерпит, не раздражается по всяким пустякам, не теряет сразу терпение, как только мы потеряли терпение, мы уже будем поступать не по любви.

«Милосердствует», то есть оказывает милость, не по заслугам человека поступает, а по милости. Вот все мы здесь стоим, мы когда-то на своем жизненном пути встретили Господа не по своим заслугам, не потому что мы такие хорошие, замечательные, а по милости Божией. Господь нам открыл этот путь любви, открыл канал любви, который коснулся нашего сердца, канал веры, и мы идем по этому пути.

«Любовь не завидует», любовь не смотрит: у кого-то больше, у кого-то меньше, у кого-то так сложилась жизнь, а у меня — иначе. Человек всегда может сказать себе: да, для меня Господь избрал вот такой путь, если бы я имел то, что имел другой человек, но оказался бы не в Царстве Божием, а где-то далеко от него, то едва ли все это мне принесло бы пользу и радость. «Какая польза человеку, если он приобретет весь мир, а душе своей повредит?» (Мк. 8:26). Это Господь избрал для меня, это предназначил, значит, я иду по этому пути.

«Любовь не превозносится, не гордится», что такое гордость? Гордость — это когда мы считаем себя лучше других, когда мы унижаем других, когда мы превозносимся над другими, когда мы считаем, что мы много чего делаем в жизни, а другой делает какую-то чепуху. Я лучше всех делаю. Тут не надо себя оценивать; я делаю то, что могу, и сам этот процесс служения, он мне приносит радость. Если нет — тогда плохо, тогда я делаю для похвалы, тогда я делаю для того, чтобы меня заметили. И как говорит Господь о тех, которые лицемерно, на виду долго молились, они уже получили награду свою.. Когда нас слишком уж захваливают, мы рискуем тем, что награду свою уже получили, а в Царстве Небесном награду можем потерять.

«Любовь не бесчинствует», Как часто бывает: и в семьях, и в общении друг с другом люди срываются на какой-то крик, какие-то оскорбления, начинают вспоминать прошлое. Как много таких печальных примеров мы видим вокруг себя, а Павел говорит: любовь не бесчинствует.



«Любовь не ищет своего», это самое печальное, потому что бывает так, что человек и в служении Церкви ищет своего. Апостол Павел говорит такие печальные, грустные слова в одном из посланий: «все меня оставили, все ищут своего, а не того, что нужно Иисусу» (Флп 2:20-21). Когда мы ищем своего, мы тоже поступаем не по любви, а по эгоизму, по эгоцентризму. Мы забываем о том, что происходит вокруг нас, и только сосредотачиваемся на том, что нам чего-то недодали, нам чего-то не хватило.

«Не раздражается», как легко мы на все раздражаемся, на любой пустяк, вместо оправдания человека. Ну, человек сделал так, наверное, какие-то были причины, мне не известные, почему он так сделал, и нечего мне раздражаться.

«Не мыслит зла», когда мы желаем зла какому-нибудь человеку, то это — самое печальное, потому что часто приходится слышать на исповеди о том, как действительно в жизни бывают такие вещи, которые кажутся совпадением: человек только подумал, а другому плохо, а не дай Бог, что-то такое сказал, и с ним плохое действительно совершается, с тем, человеком. А потом человек живет с этим грехом, еще много лет носит в себе эту тяжесть и думает: как мне от нее избавиться? — Не говорить, не желать зла. Господь говорит: «Мне отмщение, и я воздам» (Рим 12:19, Втор 32:35). Оставь действие для Божьего наказания, а не выступай сам в роли экзекутора.

«Не радуется неправде, а сорадуется истине», действительно, тому, что правда, тому что истина.

«Все покрывает, всему верит, всего надеется, все переносит». Всему верит. Что значит: верит? Между людьми часто бывают такие отношения, какое-то недопонимание: ну, пошел мой друг куда-то в гости, а меня не пригласил. Я, значит, буду на него обижаться: ага, он меня не позвал, ему те люди дороже, ему на меня наплевать и так далее. Можно по-другому к этому подойти, сказать: ну, да, наверное, он решил, что туда мне, может быть, не нужно, может, он забыл, может быть, был чем-то занят. Ну, вообще: нет — так и нет, ничего страшного. Я всему верю, верю в его дружбу, в его хорошее отношение, в его любовь ко мне. И то, что он меня куда-то не позвал, что-то не сказал, чего-то не сообщил, чего-то такого, что мне хотелось бы, не сделал, — это не оттого, что он ко мне плохо относится. Ну, почему-то не получилось. Может, забыл, может в суете какой-то, на чем-то другом был сосредоточен. Вот это означают эти слова, что любовь всему верит, а не ищет любой повод для подозрений, для обид, для всяких оскорблений и всего прочего. Замечательные слова, которые нам хорошо бы прочитывать почаще.

«Любовь никогда не перестает», нельзя сказать, что я любил, и все прошло. Значит это не была любовь. Любовь настоящая не перестает.

«Хотя и пророчества прекратятся, и языки умолкнут, и знание упразднится.»

Нам дается путь, который доступен каждому человеку. Не каждый из нас имеет дары пророчества, исцелений, чудотворений, но каждому открыт путь, который превосходит все упомянутые. Потому что это путь Божий. Потому что Господь явил нам Свою любовь тем, что «отдал Сына Своего Единородного, дабы всякий верующий в Него, не погиб, но имел жизнь вечную» (Ин 3:16).

Аминь.



Святые Косма и Дамиан трудились как врачи, не беря за это денег, трудились, соединяя врачебное искусство, почерпнутое из греческой науки от Гиппократ и Диогена, с верой в Бога, с пламенным горением евангельской правдой. И это соединение врачебного искусства с верой сделало их труды особенными. Это давало им удивительные силы.

Мы знаем, что и потом, в наши дни, были такие врачи, как святитель Лука, архиепископ Симферопольский и Крымский, который, идя по стопам этих древних святых, покровителей нашего храма, тоже трудился, соединяя современное ему медицинское искусство, медицинскую науку (он был профессором и автором книг по гнойной хирургии), с пламенной верой и чистейшим исповеданием православия, с тем особым евангельским путем, с той особой верностью евангельской дороге, которая отличает христианина.

Сущность подвига святых Космы и Дамиана выражена прекрасно в сегодняшнем евангельском чтении, когда Сам Господь наш Иисус Христос говорит своим ученикам: больных исцеляйте, прокаженных очищайте, мертвых воскрешайте, бесов изгоняйте. Даром получили, даром давайте.

Свет великий, благодать, полученную от Бога даром, они даром и раздают людям вокруг. Они исцеляют больных. И я призываю вас, братья и сестры, задуматься над тем, а что значит само это слово – исцеляйте? Оказывается, это не просто лечите. Нет, это – заботьтесь, опекайте, берегите. Это прежде всего – служите! Господь призывает не просто лечить больных, но именно служить людям, которым плохо, поддерживать их, относясь к ним уважительно и с любовью. Вот что значит слово исцеляйте.

Может быть, нам с Вами и не дан дар исцеления, но дар относиться к страдающим людям с любовью и уважением, дар служить им – дает нам Господь. И как важно, братья и сестры, чтобы мы могли пользоваться эти даром.

Прокаженных очищайте. Страшная болезнь проказа разрушает человека, он заживо сгнивает, он заживо превращается в труп, он становится безобразным внешне, он становится злым и уродливым внутренне. Очищайте прокаженных – говорит Господь. Как трудно служить больному человеку, когда он так безобразен, когда он так зол, когда он так полон всяких дурных мыслей по отношению ко всему миру, к нам. А Христос говорит – очищайте прокаженных. Сейчас нет проказы, но служить людям, которых какие-то разные сегодняшние болезни обезобразили и снаружи, и внутри, – вот к чему зовет нас Господь: служить даже самым обезображенным болезнями и страданиями людям. И мы должны идти по этому пути, потому что на этом пути мы встречаем Христа, на этом пути Бог открывается нам во всем своем великолепии, во всей своей славе.

Мертвых воскрешайте, – говорит Иисус. Нам не дано этого дара, но нам дан другой дар, наверное, не менее важный. Мы должны помогать друг другу избавляться от страхов, от страха перед смертью, прежде всего. И от всех прочих, от всех других страхов. И вот этот дар – помочь тому, кто рядом со мною, избавиться от страха – это тот удивительный дар, который дает каждому из нас Господь, братья и сестры, чтобы мы пользовались этими дарами.

Бесов изгоняйте, – говорит Господь Своим ученикам. Бесов изгоняйте, – говорит Господь святым Косме и Дамиану. Бесов изгоняйте, – говорит Господь каждому и каждой из нас. И хотя нам не дано какого-

то особого дара, но то, чем действует в мире, прежде всего в нас Слово, и дает Господь. Господи, от чего Ты нас избавляешь Сам и от чего мы можем и должны помогать избавляться друг другу. И это и будет тогда следование тому пути, которым каждого из нас ведет Господь; следование тому пути, по которому прошли святые бессребреники и чудотворцы Косма и Дамиан и многие другие святые, древние святые и святые нашего времени, святые XX-го века, мученики и исповедники, прославленные в августе нынешнего года на архиерейском соборе православные.

Больных исцеляйте, прокаженных очищайте, мертвых воскрешайте, бесов изгоняйте – вот она, та удивительная программа, которую предлагает нам Господь. Давайте с вами трудиться, сообразуясь со святым нашим Небесным Учителем, трудиться так, как трудятся христиане уже почти 2000 лет. Потому что в этих трудах мы становимся принадлежащими к этому Священному Преданию, которое соединяет нас, христиан, православных, с разными поколениями разных эпох, разных народов и стран, разного цвета кожи в одну Церковь Христову, которую не одолеют врата адавы.

Давайте и об этом подумаем сегодня. Но откуда взять сил? Их нам остро не хватает. И об этом на тоже говорит сегодня Господь во время Божественной Литургии. Апостольское чтение, слова святого апостола Павла, который говорит нам сегодня о любви. Апостол говорит о том, что есть такой удивительный дар от Бога, который делает нас другими, который изменяет нас. Это любовь, которая долготерпит и милосердствует, которая не завидует, не превозносится и не гордится, не ищет своего, не раздражается и не мыслит зла, не радуется неправде, а сорадуется истине. И любовь эта, говорит святой апостол Павел, никогда не перестает.

Если мы будем жить в любви, если мы будем стараться дарить друг другу любовь, то тогда и те силы, которые необходимы, чтобы пройти по этой дороге, что начертана Господом в Евангелии от Матфея, что читалось сегодня во время Божественной Литургии.

Итак, будем всегда жить в благодати Господа, тогда, как и великие святые, память которых празднуем мы с вами, увидим Свет Христов и будем жить в Его радости. Да хранит, да благословит, да укрепит вас Господь!



ХРАМОВЫЙ ПРАЗДНИК



ЗАБЫТЬ НЕВОЗМОЖНО



Год 2009. (Фоторепортаж А. Кремлёва)

Уже не один год, как я слышал о Великорецком Крестном ходе. Я читал о нём в книгах В.Н.Крупина, а потом начали рассказывать о нём и участники этого Крестного хода, в том числе — Семёнов Константин и Георгий Колосов — наши прихожане.

Этот Крестный ход имеет свою, как утверждает местное предание, 600-летнюю историю, о чём я подробно рассказ.

А сейчас хочу сделать отступление о возрождении Крестных ходов с 90-х годов до нашего времени. До сих пор не изгладилось из памяти впечатление о Крестном ходе 1990 г. Тогда были возвращены Церкви мощи Преподобного Серафима Саровского. Они были доставлены в Москву и выставлены для поклонения в Патриаршем Богоявленском Соборе. Затем Крестным ходом на руках благоговейных поклонников были перенесены из Москвы в Дивеево. Так исполнилось пророчество самого Преподобного о Серафима.

Было также несколько Крестных ходов по благословлению Святейшего Патриарха Алексия по Москве. Примечательно, что светские кураторы Крестных ходов вынуждены были отсекал часть крестоходцев в связи с затруднениями дорожного движения, а также, как утверждала милиция, по условиям безопасности. Эти Крестные ходы собирали до 20 тысяч человек. Сколько было бы собрано людей, если бы не ограничения, сейчас уже трудно сказать, но наверняка многие десятки тысяч. К сожалению, традиция Крестных ходов по Москве не имеет того развития, которое бы показало всю мощь стремления русских людей к оживлению духовной жизни. Также можно отметить такие общественные явления современности, как Всемирный Русский Собор и Общеобразовательные Рождественские чтения. К сожалению, в последние годы вынужденная «зарегулированность» этих мероприятий в условиях столичного мегаполиса не может полностью выразить нужды православной общественности в необходимом общении.

Но, к счастью, Москва — это ещё не вся Россия. И во многих регионах России процессы духовного возрождения приводят к активизации Крестных ходов. Следует упомянуть Борисоглебский Крестный ход в Ярославской Епархии, Иринарховский Крестный ход, Белогорский Крестный ход в Пермской Епархии, а также Царский Крестный ход из Екатеринбурга от бывшего дома Ипатьева, места убийства царской семьи до урочища Ганина Яма, места сокрытия убийцами царских останков. Этим кратким перечислением даже в малой степени не исчерпывается процесс возрождения этой удивительной традиции русского благочестия.

Вернёмся к Великорецкому Крестному ходу. В этом (2010 г.) он собрал не менее 40 тысяч крестоходцев со всей России, ближнего и дальнего зарубежья. Я сам видел участников из Англии и Германии. Слава Богу, властям Кировской (Вятской) области ещё не пришло в голову ограничивать число крестоходцев. Конечно, книги В.Н.Крупина явно поспособствовали популярности этого Крестного хода, но не В.Н.Крупин воодушевил крестоходцев, а желание послужить Богу верных чад нашей Церкви.

Я отправился в Крестный ход в группе своих близких друзей в составе трёх женщин и четверых детей. У большинства из них не было ни опыта длительных Крестных ходов, ни опыта туристического, поэтому мы не избежали многих искушений, связанных с необходимостью должной дисциплины, собранности и взаимовыручки, но уроки, полученные в процессе Крестного хода, как свидетельствуют участники, всем пошли на пользу. Крестный ход отличается от туристического похода ясно выраженной и осознанной целью путешествия: желание получить помощь Божию в своих делах, для себя и своих близких, укрепиться в вере. К этому добавилось то, что участники Крестного хода увидели, насколько они не одиноки в своих упованиях. Конечно, единовременное прохождение по сельским и лесным грунтовым дорогам десятков тысяч людей создаёт некоторые объективные затруднения, но они оказались вполне преодолимыми для всех участников. По прошлым годам было известно, что некоторые участки Крестного хода труднопреодолимы — это лесные болота, ручьи и речки, но в этом году была оказана явная помощь со стороны администрации края. Размытые и топкие места были укреплены с применением серьёзной дорожной техники. Крестный ход сопровождал отряд работников МЧС, также была помощь со стороны милиции и медиков. На крупных стоянках заботой властей работали поле-

вые кухни и крестоходцы могли поддержать свои силы горячей кашей, кипятком и даже супом. Но самая главная помощь оказывалась жителями деревень и посёлков: люди выходили на дорогу, предлагая крестоходцам колодезную воду, фруктового отвара, и хлебушка, как и в древние времена. Существует поверье, что каждый, кто позаботился о крестоходце, становится и сам участником Крестного хода и по праву может просить милости Божией.

Начало Крестного хода в Кирове (Вятке) было ознаменовано Божественной Литургией в Успенском кафедральном соборе Трифонова монастыря. По населённым пунктам маршрута служились молебны в церквях и часовнях. Многие крестоходцы шли, читая акафисты Святителю Николаю, каноны, пели церковные песнопения, читали Псалтирь. Остальные шли и благоговейно слушали их. Маршрут Крестного хода сотни лет назад был проложен через деревни и сёла вятского края. Сейчас мы идём по дорогам лесным и только кое-где видим руины исчезнувших деревень, а в большинстве случаев о существовании жилья по ходу маршрута можно судить только по характеру местности и то, лишь в тех случаях, когда бывшие крестьянские поля ещё не успели зарости разнотравьем. В общем, картина типичная для всей нашей многострадальной матушки Руси. Когда я сам проходил мимо бурьянов и развалин, я вспоминал один из рассказов писателя В.Н.Крупина, уроженца вятского края. В рассказе женщина изложила свой плач по родному краю в виде нескладного, но щемящего сердце стихотворения, даже поэмы. Сюжет таков: павшие смертью храбрых воины Великой Отечественной войны отпущены Ангелами из райских чертогов на побывку в родные края. Идут солдаты и диву даются, где их родные сёла, где засеянные хлебом поля, где их потомки, благодарные солдатам за избавление от страшной фашистской угрозы? Дивуются солдаты, и говорят друг другу, кто же разорил наши поля, Гитлера мы отогнали, может быть, ещё какой Мамай прошёл по нашему краю, превратив его в пепелище и руины...

Описывать весь маршрут, думаю, не обязательно. Есть сайт Великорецкого Крестного хода. Есть великоленные, проникновенные книги В.Н.Крупина. Хочу рассказать об одном из главных впечатлений Крестного хода. В храмах мы привыкли видеть людей определённого склада. И, хотя прихожане православных храмов России сильно помолодели, всё же узнаваем и привычен образ прихожанина, как смиренного созерцателя. К сожалению, редко встретишь в храме простых тружеников, рабочих, студенческую и рабочую молодёжь. Среди крестоходцев молодёжи много больше, чем в храмах, и молодёжь другая. Много мужчин, и мужчины тоже другие. Привлекают внимание крепко сбитые, коротко подстриженные, нестарые мужчины. Многие из них не в дорожной или туристической одежде, а приспособленных для путешествия рабочих спецовках. Умиляют и восхищают молодые люди, идущие всей семьёй: у папы на закорках трёхлетний малыш, в коляске — полуторогодовалый и рядом беременная мамаша на значительном сроке. Шли хоругвеносцы с хоругвями и знамёнами Российской империи, молодые люди, хорошо экипированные с заметной спортивной выправкой. Кроме церковных песнопений звучит: «Боже, Царя храни!». Идёт хроменькая бабуся в резиновых сапожках и перевязанными сумками через плечо. Много священников. Идут люди, углублённые в свои молитвы, а также группы, вдохновлённые своим единством.

Классическая литература и искусство даже в 19 веке даёт нам очень мало образов наших Крестных ходов. У меня на памяти единственное произведение искусства: «Крестный ход в Курской губернии» кисти Репина. Художник даёт образ уважения, недоумения и немного иронии. Возрождение Крестных ходов, среди них и Крестный ход «кисти Репина» в том числе — феномен нашей духовной жизни, ещё не до конца осознанный не только нашей русской интеллигенцией, но и нашей церковной интеллигенцией. Чтобы осознать это — «лучше один раз увидеть, чем семь раз услышать».

Православные! Ходите в Крестные ходы, участвуйте в паломнических поездках. Если вы ещё достаточно молоды, и «есть порох в пороховницах» не сидите на месте, воспользуйтесь возможностью иметь полную видения духовной жизни православия. Эта полнота недостижима без возрождающихся ныне Крестных ходов.



Во Христа облекостся...



Из архива.
Интервью 1993г

В.Е. — Чем характерны христианские общины — с Вашей точки зрения?

о. Ал. — Надо сказать, что Христос пришел основать именно Церковь, Церковь, состоящую из общин. И первая Церковь, первая община — это были двенадцать учеников вокруг Христа. Это ядро, а вокруг этого ядра были еще и другие люди, семьдесят апостолов, женщины, которые помогали, служа от имений своих и своими руками. Словом, уже был какой-то более широкий круг, и я думаю, что земная Церковь реально существует именно в виде общин, как частей тела Христова, как клеточек, из которых состоит это огромное тело вселенской Церкви. И роль общины, конечно, очень важна. Недаром у нас не только в нашем храме, но и в других, возрождается именно это слово «община». Не слово «приход», которое само по себе как бы содержит намек на то, что человек приходит и уходит, постоял, помолился и ушел, а «община», когда люди общаются, и это именно то, с чего начиналась и первая Церковь. *«Имейте общение между собой, имейте братскую любовь»*. И первая Церковь в Иерусалиме тоже была именно община, где люди помогали друг другу, где люди опекали бедных, кормили голодных, продавали имения, вносили деньги, словом это был образ жизни, где скажем работа и семья были уже не центром, а скорее включались в эту общую сферу их жизни, в общину.

В.Е. — А с чего начиналась наша община?

о. Ал. — Видите, я думаю, что точно определить момент рождения общины трудно. Я думаю, что община — живое явление. Пьер Тейяр де Шарден считает, что каждое явление живое это не факт, это не точка, это срез с каких-то волокон, каких-то нитей, которые уходят в прошлое. Вот в этом срезе, который можно датировать 14-м июля 1991 года, присутствовало много этих пучков, которые исходили откуда-то из предшествующих лет. Они восходили из разных мест. Ну, наверное, основное это Новая Деревня, это приход отца Александра Меня, который служил там с 1968 года, может быть я ошибусь, но что-то близко к этому. И вот именно новодеревенская община была таким началом. Это не значит, что мы как-то себя противопоставляем, я всегда считаю, что мы всегда имеем как бы двойное гражданство. С одной стороны каждый член нашего прихода он и прихожанин или член общины в Новой Деревне и каждый, кто ездит в Новую Деревню из Москвы или бывает там, чтит память отца Александра, он всегда желанный брат или сестра в нашей общине, так что здесь противопоставления никакого нет. Но вот тут был еще другой восходящий пучок из церкви у Речного вокзала, где я служил дьяконом 16 лет, а потом немногим более года священником. И там заметное ядро сложилось в результате воскресной школы для взрослых, которая имела место быть вот за предшествующий год. Это был конец 89 — начало 90 года. Там по субботам была воскресная школа для взрослых, несмотря на очень неприязненное отношение со стороны руководства той церкви, но тем не менее как-то запретить было уже неудобно, и она существовала. И вот целый ряд людей из той воскресной школы, где кто-то готовился к крещению, кто-то расширял свои уже имевшиеся познания, здесь тоже пришло порядка 15-20-30 человек, мне так кажется, трудно оценить точно. Да, там было порядка 35 человек, ну не все здесь вот так укоренились, кто-то перешел в другой храм, кто-то реже ходит по тем или иным обстоятельствам вообще в Церковь. Кому-то может быть по причине, что далеко ехать, тут разные есть соображения, но какое-то вот оттуда ядро тоже вот пришло. А вот сама идея возникновения вот этой общины — она началась с трагического факта убийства отца Александра 9 сентября 1990 года. Сразу буквально на следующий или через день у многих людей явилось четкое осознание необходимости продолжения жизни общины не только в Новой Деревне, но и в Москве. И стали подыскивать храм, и я помню эту осень 90-го года, ноябрь-декабрь, когда я ходил по своему Замоскворечью, присматривал один храм, другой храм. Этот вроде маловат, до этого неудобно идти. Был храм за Домом Правительства на Бережковской набережной, храм на Большой Шаболовке, который был приспособлен для клуба хотя все в общем было реально, но как-то не было определенности. И вот одна из членов нашей первой двадцатки Екатерина Юрьевна Гениева. Она оправдала свою фамилию тем, что ей пришла аналогичная ее фамилии идея просить именно вот это здание. Понятно почему ей эта идея пришла, потому что до того, как здесь была типография, здесь была Библиотека иностранной литературы, а та типография, которая была здесь 30 лет, она имела свое определение в Библиотеке иностранной литературы, где Екатерина Юрьевна занимала должность исполняющего обязанности директора или зам. директора или что-то в этом роде. Так что она выступила с такой, как мне тогда казалось, абсолютно невозможной, абсолютно умопомрачительной инициативой — просить именно этот храм. Вместе с Татьяной Сергеевной, нашей старостой, они тогда написали Лужкову письмо и ответ был положительный. Уже в мае следующего 1991 года вышло Постановление Правительства Москвы о передаче этого здания общине вновь организованной, куда уже назначен был я настоятелем в марте 1991 года. Так что вот община начала свою жизнь, но пока еще на бумаге.

Следом за этим речь шла о том, чтоб хотя бы какое-то небольшое помещение в этом здании было предоставлено для общины. И вот это помещение, которое может быть многие хорошо знают и было нам предоставлено. И я должен сказать, что вообще-то, как я сейчас оглядываюсь назад, дирекция типографии к нам отнеслась благосклонно. На примере других храмов я вижу, что дело было совсем не так. Директор типографии сразу говорил о том, что, конечно, здание должно быть передано. Но другой вопрос — сделать это так, чтобы не разрушить типографию как производство. И начали поиск здания для типографии. Между тем эта комната была освобождена для нас, и на том, где-то в начале июня 1991 года, я уехал в отпуск. И вот в отпуске, это было в Крыму недалеко от Феодосии, мы с друзьями заходили в храм вновь открывшийся. Кто был в Коктебеле, наверное, знает — там на повороте греческая церковь, на ее барабане было написано «Ваня плюс Маня», и вот она, как говорили добрые языки, была передана, и там, дескать идет служба. В один прекрасный день мы поехали в этот храм, конечно там никакой службы не было, но рядом в обычной избе, служба действительно была. И там мы увидели комнату гораздо меньшую, чем та, которую дали нам, она была перегорожена просто простыней, за простыней был стол, который представлял собой алтарь, жертвенник со всеми необходимыми принадлежностями, был батюшка с кадилом, а

по другую сторону простыни были бабушки, дедушки, столик с ведрами для водосвятия, столик для запивки. И все это меня натолкнуло на мысль, что вполне реально возможно в том помещении, которое нам выделили, также организовать вот такое же помещение для богослужения. Сначала это все выглядело, довольно скромно: просто стол, покрытый бархатной скатеркой, на нем две иконы, очень красивые, к сожалению сейчас их у нас нет, но об этом позже, и на нем мы просто положили Евангелие и служили всенощную, служили обедницу. Это было уже начало, которое в день престольного праздника свв. бесс. Космы и Дамиана 14 июля 1991 года было положено.

И сам день, назначенный для молебна с приглашением благочинного отца Владимира Дивакова, настоятеля храма Большое Вознесение — для меня казалось очень чем-то дерзким, такое, знаете, неподготовленное место, да кто еще соберется, да будут ли петь и как все это получится. Но на удивление все было очень хорошо, было стройное пение, так что отец благочинный даже весьма был удивлен: «Откуда вы взяли таких певцов, такого регента, так все было замечательно». Народа было много и с крестным ходом обошли, хотя и не весь храм, но, во всяком случае, значительную его часть. Так что все удалось в этот день. Ну и в последующие недели была всенощная под воскресные дни и была обедница в субботу утром, и вечерня с акафистом в воскресенье вечером. Вот такие шли службы, и первыми нашими действиями была организация киоска. Просто со столика продавали Детские Библии, продавали и другие книги из Библейского общества, которые нам были предоставлены поначалу в кредит, так что это заложило первый камень в фундамент финансового состояния.

В один прекрасный августовский вечер, когда к нам приехал из Нью-Йорка мой старый друг отец Михаил Аксенов. Он уехал из России в 1972 году, когда я ушел из Академии Наук, поступил учиться в Семинарию. Он сейчас по окончании Свято-Владимирской духовной академии служит в Нью-Йорке, и здесь он был как раз на Конгрессе соотечественников. Впервые после 72 года почти 20 лет спустя он вернулся в Россию на очень короткий срок, неделя или две у него было. Он был здесь вечером, это было под Преображение, была вечерня, потом было какое-то дружеское общение со свободной молитвой о всех наших нуждах, пока это все носило еще такой свободные неканонический характер, и он был приятно удивлен и обрадован: «Смотри-ка, они у тебя молятся и все участвуют в службе и все поют, как замечательно, какой прекрасный теплый город Москва, какая прекрасная атмосфера вокруг, как все чудесно, как замечательно вы живете, как хорошо и радостно». Ну действительно было радостно. А на следующее утро эта радость подверглась некоторому сомнению. Помню я проснулся довольно рано. Хотя был праздник Преображение, но я должен был ехать в Собор для чтения Акафиста перед ракой с мощами преподобного Серафима Саровского, перед шествием в Дивеево. И мне помнится это утро, и я был страшно раздосадован, что с самого утра, чуть ли не с шести или полседьмого утра какие-то соседи страшно громко включили радио. Какая необходимость включать радио так рано и так громко? Но это скоро нашло свое объяснение, мне позвонил один мой близкий друг и сказал: «Как ты относишься к тому, что происходит?» Я говорю: «А что, собственно говоря, происходит?» — «Как, ты ничего не знаешь?» — «Нет, ничего не знаю.» — «Ты радио слушаешь?» — «Да нет, я ничего не слушаю, какие-то соседи на полную мощность его включили, но я не разбираю пока что, что там говорят.» — «Танки в Москве, захват власти и вообще смещение Горбачева.» Ну это был, как вы поняли, августовский преображенский путч, а мы тем временем продолжали осваивать наше помещение. Помню прекрасно, как в этот день я должен был взять ключи, заказанные дополнительные копии от нашей комнаты, так сказать процесс потихонечку шел. Этот день прошел трудно, тяжело — полное смятение. Хотя уже вечером, не без моего участия, в Моссовете было принято обращение от Президиума Моссовета ко всем солдатам, которые находятся в Москве, что это очередная попытка использовать армию со стороны руководства партии для возвращения себе руководства страной и что ни в коем случае не следует на это поддаваться. Призыв заканчивается, конечно, словами «Не убий». А на следующий вечер от Российского библейского общества мы ездили с автобусом, некоторые прихожане, а точнее прихожанки нашего храма, тоже принимали в этом самое активное участие, и раздавали Евангелия и вот эти воззвания от Моссовета, а также воззвания президента Ельцина, раздавали войскам в центре Москвы. Это все проходило беспрепятственно, поскольку депутата Моссовета со значком да еще в рясе пропускали по всем направлениям, и за этот вечер было роздано около 4000 Евангелий. И не только тем ребятам солдатам, которые на танках, бронетранспортерах пришли в Москву, но также и защитникам Белого дома. Вот такая была акция как раз накануне той ночи, когда погибли эти трое юношей в подземном переходе. Вот такие воспоминания с тем днем. На следующий день, когда в ночь погибли эти юноши, мы, во второй половине дня к вечеру, с нашим хором, некоторыми нашими прихожанами, соорудив крест из двух досок направились на то место, где они были убиты, задавлены этими бронетранспортерами. На этих местах еще была видна кровь, лежали свежие цветы, доски, бревна, которые огораживали эти места, чтобы по ним не ходили, и на этих местах мы служили панихиду, еще даже не зная имена этих погибших. После этого мы были допущены на балкон Белого дома. Было это за полночь, Белый дом окружали многочисленные толпы людей, и там тоже говорили Слово и служили панихиду с балкона Белого дома, и вся эта огромная толпа в молчании участвовала в молитве. Так что этот день был отмечен какой-то скорбью и в то же время какой-то значимостью единства, и политического и духовного единства сотен тысяч москвичей.

Затем мы участвовали в похоронной процессии, когда хоронили погибших юношей. Это было на той же неделе, в субботу. Сами похороны, конечно, также были таким моментом и скорбным, и в то же время очень важным. Важным моментом, объединяющим людей и в противостоянии этому диктаторскому режиму прошлого, в нежелании жить и подчиняться атеистической диктатуре партии со светлыми надеждами на будущее. Сейчас говорят, что они не оправдались, но я думаю, дело не в том, что они не оправдались, просто людям тогда было еще неясно, что этот путь трудный, и что завтра после того, как сменится правительство, все проблемы не решаться по щучьему велению, а необходима трудная кропотливая долгая работа.



А.С. — Отец Александр наши библейские семинары начались еще до того, как мы переехали сюда в храм. Мы еще и не знали, что у нас будет свой храм. Тогда, когда сначала нас было мало, мы собирались с чаепитиями, с трапезами. Потом нас становилось больше. Хотелось бы услышать Ваше мнение об этих семинарах, какое значение имеют эти семинары сейчас вот для построения нашей общины, для нашей христианской жизни?

о. Ал. — Я очень рад тому, что эти семинары у нас вообще существуют. Я полагаю, что кроме канонического общения за богослужением, важно общение в неканонической, неформальной обстановке, обстановке малых молитвенных групп, либо семинаров. Но всегда конечно важно, чтобы это строилось вокруг Слова Божия, чтобы всегда была какая-то такая интенция изначальная, которая определяет весь круг вопросов, все течение этого собрания, чтобы это не был разговор так просто ни о чем, чтобы это всегда было направлено к большому познанию и возрастанию в познании Господа. Это всегда лучше достигается тогда, когда люди собираются какой-то группой, число групп может быть разное, это зависит от целей. Семинар может быть большим по численности, как у нас было тогда и сейчас. Но молитвенная группа едва ли должна превышать 10-15 человек, хотя может быть и значительно меньше, 4-5 человек, и это очень важно, потому что многие места Священного Писания, многие вопросы религиозной жизни разным людям видятся по-разному. Каждый человек есть уникальное творение Божие. И я вот часто говорю, что если даже у нас у каждого пальцы имеют разный рисунок на коже, вообще-то признак совсем не существенный, то тем более такие существенные вещи, как внутреннее устройство, образ жизни, образ мышления человека. Конечно, все это совершенно уникально у каждого, и то, что видит один, может совершенно не замечать другой. И в таком общении это становится общим достоянием, мы через это обогащаем друг друга. Мы становимся не колонией, где собраны клетки случайно, которые легко могут существовать одни независимо от других, а мы становимся организмом, в котором духовные ценности перетекают от одного к другому. Образуются живые реальные связи между людьми,

Этот семинар действительно тогда начался чаепитием, потом беседой. Жалко, когда я сейчас вспоминаю, что многих людей сейчас как-то в общине нет. Ну может быть это наша вина тоже и важно понять, в чем она. Однако эти встречи продолжались. И замечательно, что это — библейский семинар, поскольку мы там главным образом сосредотачивались именно на Ветхом Завете, как части Библии наиболее трудной и наименее знакомой, что он продолжается в настоящее время. Тогда, я помню, мы также читали Евангелие от Иоанна, тоже одно из трудных по сравнению с синоптическими. Продолжение семинара очень важно, потому что приходят новые люди, кто-то уходит, кто-то возвращается вновь, словом, всегда есть место, куда люди могут придти для того, чтобы как-то присоединиться реально к жизни общины.

У нас появляются новые элементы в этом нашем собрании, появляется пение. Пение не только наших канонических молитв — Царю Небесный, Отче наш — но и пение тех песен, которые здесь стали складываться за время существования нашего прихода. Оказывается, у нас есть замечательные поэты и композиторы и очень хорошие песни, которые включают в себя, иногда даже без изменений, буквально цитаты из Священного Писания. Я думаю, что в таком нашем объединенном быту очень важно, чтобы христиане, собравшись вместе пели не «Подмосковные вечера», а пели те песни, которые они ну разучивают, а потом повторяют вновь и вновь на этих собраниях, потому что пение, оно всегда располагает сердце к восприятию другого человека, располагает к какому-то отторжению обычной, мирской суеты, вот, забот дня с тем, чтобы вот то небольшое время, на которое мы собираемся, мы могли посвятить Богу и друг другу в том общении. Поэтому я полагаю, что вот это направление, оно очень важно. Очень хорошо, что у нас существует не один этот семинар, у нас существует еще и четыре семинара по числу Евангелий. Это инициатива общины Осанна, которая является частью нашего прихода, частью нашей общины. Я очень рад ей и человеку, пришедшему впервые, всегда могу предложить: вот походите туда. Вы обретете там друзей, какое-то наставление, вы сможете услышать об опыте жизни в Церкви и жизни с Богом других людей, которые прошли ваш путь ранее. Так что я буду счастлив, если это будет продолжаться и расширяться по своей даже форме, потому что, я думаю, форма малых групп может все время изменяться, потому что мы живой организм, и мы должны естественно в своей жизни живо откликаться на вот естественную ситуацию роста, может быть через год доминирующими будут какие-то другие вещи внутри этих малых групп. Но конечно всегда остается Слово Божие, всегда останется молитва, молитва друг о друге. У меня по этому поводу есть некоторые мысли, но потом, они, я думаю, реализуются уже в жизни. Сейчас пока мы о них говорить не будем.

А.С. — Отец Александр, когда Вы венчаете, что Вы чувствуете?

о. Ал. — Ну, вы знаете, я должен сказать, что я чувствую какую-то очень большую радость. Радость, потому что люди входят в какую-то очень важную жизнь, особенно конечно, не буду скрывать, тогда, когда венчаются люди, которые только-только начинают совместную жизнь, потому что они очень много для себя будут открывать. Ну и, конечно волнение за них, потому что я, к сожалению, предвижу, и это, наверное, естественно, что будут и какие-то трудности, будут и какие-то размолвки, ссоры. И очень всегда хочется, чтобы люди, которые вступают в брак, запаслись прежде всего огромным терпением, терпением друг к другу, к недостаткам каждого, и чтобы всегда помнили, что, если Господь будет с нами вот в нашей семье реально, духовно, незримо присутствовать, то все это будет преодолеваться. Как бы ни казалось трудно, вот надо... всякие искушения...поставить на этом крест и начать какую-то новую другую семью — важно остаться. Важно остаться даже в самом трудном случае. Вот почему всегда большое волнение за них и радостное и тревожное.

А.С. — Отец Александр, скажите, пожалуйста, что-то о крещении и какие слова вы говорите крещаемым, вновь приходящим в нашу общину.

о. Ал. — Ну знаете, я не буду повторять все то, что я говорю, потому что это более или менее вещь повторяющаяся. Я хочу только сказать, что всегда большое желание, чтобы человек, войдя в жизнь Церкви, не остановился, а шел дальше, хотя у многих бывает какой-то интервал между крещением и действительно вхождением в Церковь, христианскую полноценную жизнь. Но, наверное, лучше, чтобы этот интервал был короче или чтобы его не было вообще, чтобы крещение было

именно вхождением, вхождением в жизнь Церкви, как действительно жизнь и полнота. Вне этого, когда человек говорит: «Ну я могу как-то и без Церкви», вне этого — какие-то протраты, какие-то провалы в жизни и по времени, и по весомости этих периодов жизни. А вот с Церковью это всегда полноценное использование времени, отпущенного нам Богом.

А.С. — А сейчас у меня будет вопрос к Вам, отец Александр, и к брату Владимиру. Вы ведете воскресную школу, вот расскажите нам о воскресной школе, как она создавалась, как приходят ребята, какие ребята приходят, какие возникают сложности, трудности. Ну и конечно, какие радости от этой воскресной школы?

о. Ал. — Главная радость — то, что она все-таки существует и то, что есть немало детей, где-то наверное около 15-ти или 20-ти, которые еще с Речного вокзала, которые там тоже участвовали в воскресной школе, которая встречала еще больше сопротивления, чем взрослая, потому что проводили в том же помещении, где проводили крестины. И твесь персонал на Речном вокзале боялся, что что-то поломают, попортят, в общем это каждый раз было такое суровое испытание для ведущего воскресную школу. Ну а дети как-то с радостью ходили туда, и им особенно было приятно, и родители об этом говорили, что очень важно, что это не где-то в помещении каком-то светском, а именно в храме. И вот многие детишки даже те, которые поначалу себя плохо вели... Я помню двух братишек, которым я замечание такое суровое сделал тогда, они как-то шалили там в храме, еще там, на Речном вокзале, ну они до сих пор остаются в нашей воскресной школе и ходят, это совершенно замечательно. Радостно то, что есть эта вот удивительная возможность, которой в общем-то не было раньше, о которой мы всегда мечтали, передавать детям то, что мы получаем от Господа, передавать наши знания от Господа, стараться им в этом отношении помочь. И каждый раз, конечно, возникают трудности. Потому что, я должен честно сказать, для меня урок воскресной школы требует напряжения гораздо больше, чем служение Литургии, проповедь и исповедь и все прочее. Потому что перед тобой аудитория, которая не будет особенно стесняться, если ей неинтересно, которая не сможет подавить зевоту, если ей будет скучно. И тут уже нужно, чтобы все это было по-настоящему живо, и в общем-то всегда некое такое волнение — и как это все будет удаваться. А, главное, что, как всегда, со временем плохо, значит готовиться начинаешь где-то уже накануне, уже где-то в 1-м, во 2-м часу ночи. Но то, что дети тем не менее ходят и как-то им, видно, не очень скучно, это всегда утешает, значит, как-то это удастся.

Я себя, конечно, укоряю за то, что в сущности мы не даем детям комплекс знаний, такой информации, которую они восприняли бы в течение этих лет, собственно уже третий год закончился для многих, а кто-то пришел только в этом году. Но наверное важно то, что дети ходят, что им интересно, и мы передаем им может быть что-то не менее важное, наше христианское настроение, нашу христианскую веру. Мы стараемся заразить их своей верой и своим видением, своим мироощущением, чтобы они вот с этим продолжали свою жизнь. В этом у меня, конечно, очень много помощников: вот Наталья Алексеевна, вот последний год — Владимир Ерохин, Арина Ардашникова и это очень важно. Вот помощь Володи очень важна, потому что он передает детям христианское настроение: вместе с детьми поет песни, занимается церковным чтением, то есть происходит живое непринужденное вхождение детей в жизнь Церкви, жизнь общины. Вот может быть Владимир сам немножко поделится своими впечатлениями, выскажет свои пожелания, пожалуйста.

В.Е. — Должен сказать, что до того, как я стал заниматься с детьми в воскресной школе, я детей боялся и старался по возможности избегать общения с ними. Я их не понимал, и когда отец Александр предложил мне вести уроки, уроки музыки, православного пения и просто религиозные песни, я воспринял это как послушание, взялся за это без особой надежды на успех и приходил поначалу на занятия в какой-то панике просто невероятной. Но дети запели сразу, как-то проявили большой интерес, и мне лично общение с ними и вот эта деятельность дают огромную радость. Я ощущаю, что мы действительно под Богом ходим, когда вместе с детьми мы молимся, поем, обсуждаем какие-то вопросы, скажем, как выглядят ангелы, и дети правильно отвечают: «Никак, они невидимы и прочее». Чувствуется, что мы не зря существуем, что мы будем продолжены во времени, потому что есть малыши, которые нас переживут и дальше будут нести импульс Христа, импульс христианской радости. И что, наверное, самое главное, мы ведь их учим правде, правде Божией. Я часто вспоминаю слова, написанные Аркадием Гайдаром, он говорил так: «Когда-нибудь историки скажут: были такие хитрые люди, которые называли себя детскими писателями, а на самом деле они готовили красноречивую крепкую гвардию». Но вот надеюсь, что остатки этой гвардии и попытались прорваться в дни Преображенского путча, а мы передаем детям действительно истину, радость, любовь, и эта радость, эта любовь, эта истина возвращается к нам. Возвращается глазами, сердцами, устами наших воспитанников.

о. Ал. — Я должен еще сказать, что я очень благодарен по-прежнему такой нашей покровительнице Екатерине Юрьевне Гениевой, и за эту замечательную идею с этим зданием храма и за то, что она щедро предоставляет нам замечательный Овальный зал в особняке рядом с Библиотекой иностранной литературы для всяких наших собраний. Уже два года подряд в мае месяце мы делаем выпускной вечер для нашей воскресной школы. Очень важно собраться в старинном особняке среди прекрасной обстановки, среди замечательных книг, в атмосфере, пронизанной культурой хорошей библиотеки. И что там есть угощение, концерты, самодеятельность нашей страны. Ну тем не менее для детей это очень важно и интересно. И мне вспоминается один такой вечер, когда я как бы старался уяснить для себя, понимают ли дети то, о чем мы говорим, Я как-то подвел беседу к понятию греха и задал им вопрос: «Дети, ну что такое грех, какие вы знаете грехи?» Ну и тут, конечно, посыпались разные ответы. Первое — не слушаться родителей, обижать слабых, видимо, мамы уже внушили, так сказать, теоретическое понятие. Потом нашли такие более жизненные грехи — дергать девочек за косички, рвать бумажки, бросать, щелкать кошку по носу, скажем, или в речку бросать палки, ну в общем разные такие. Я увидел, что действительно дети соединяют понятие духовного греха со своей реальной жизнью. Для какого-то мальчика действительно проявление такого бунтарства человеческой натуры, осознав и вспомнив об этом, это, наверное, какое-то тоже свидетельство очень важное и интересное его внутренней жизни. Так что наши дети, конечно, нас радуют, но только меня не покидает чувство должника по отношению к ним, что, наверное, можно занятия сделать более

ЖИТЬ БРАТЬЯМ

интересными, более какими-то значимыми. Ну будем надеяться, что Господь нас будет укреплять и присоединятся новые прихожане к этой работе и будем надеяться, что в предстоящем учебном году занятие будет не менее интересное и будет собираться достаточное число детей.

Сейчас у нас около 60-ти ребят вот в течение этих двух зим ходило, это было два класса. Теперь надо, чтобы что-то придумалось более основательное для тех, для кого это будет уже четвертый год обучения, что-то дать им уже более серьезное, но тем не менее столь же привлекательное. столь же интересное. Потому что дети, повторяю, это аудитория безапелляционная, с ними все можно, кроме скуки.

В.Е. — Ну это поэзия наших дней, хотелось бы коснуться и прозы. У нас были трудности технические, даже, может быть, геометрические, когда воскресная школа вынуждена была заниматься в бывшей регентской — большое число детей в тесном помещении. Разыгрывали мистерию на лестнице. Люди, вновь пришедшие, думали, что это особого рода шик, авангард, а это была вынужденность, больше нигде было.

Сейчас стало просторней, у нас, как мы знаем, появилось много интересных дел, инициатив, работает группа милосердия, есть другая деятельность и хочется спросить Вас, отец Александр, о проблемах и как нам их решать, то есть в каком направлении нам двигаться дальше.

о. Ал. — Ну, проблемы, наверное, можно разделить на 2 естественные части: на проблемы чисто хозяйственные и проблемы уже такой собственно церковной жизни, проблемы вот нашей духовной молитвенной жизни. Первое здесь, как это ни грубо звучит, всё упирается в деньги, причем деньги достаточно большие, которые, вероятно, не могут быть собраны за счет пожертвований, хотя пожертвования важны, это то, из чего мы платим за электричество, это все сейчас выливается в значительные суммы. С трудом себя содержим: торговля книгами с некоторой торговой наценкой, хотя говорят, что у нас самые дешевые книги по сравнению с другими торговыми точками в Москве и храмами. Конечно, важен поиск, как сейчас называют, «спонсоров». Некоторую помощь нам оказывал и Моссовет. Лужков Юрий Михайлович нам перечислил довольно значительную сумму. Директор нашего Тверского территориального управления, Пашинцев Борис Николаевич, помогал и обещал в дальнейшем сводить нас с различными людьми, которые могут жертвовать. Ну это главная, так сказать, уже забота и головная боль нашей старосты Татьяны Сергеевны Птушкиной, это действительно проблемы, тяжелая постоянная забота, чтобы было и на что сделать ремонт, причем очень часто начинаем, не имея чем заплатить, заключаем договор, но потом как-то удается находить, пока во всяком случае это удавалось, будем надеяться, что и в дальнейшем так будет. Потому что... Вот расчистить стену в южном приделе стоит миллион, провести вентиляцию в эти наши комнаты — регентскую и прочие — стоит 2 миллиона, ну вот всякое действие, оно исчисляется вот такими шестизначными, семизначными числами. Ну надеюсь, с Божией помощью мы эти вопросы как-то решим. Самое, конечно, важное, чтобы мы духовно не остановились и чтобы мы росли, и мои здесь пожелания такие, вот в отношении малых групп. Мне хотелось бы в принципе, чтобы все прихожане так или иначе участвовали в той или группе, чтобы была кроме богослужбной жизни жизнь общинная.

В отношении самого богослужения, тут, наверное, есть наши недочеты, особенно в воскресные дни, когда люди приходят с детьми. Детям, конечно, трудно спокойно стоять, наверное, надо организовать какую-то помощь с нашей стороны, какую-то детскую комнату, где по очереди прихожане могли бы детей занимать, может быть в эту комнату провести трансляцию, чтобы кто находится в ней могли слушать богослужение, что происходит в храме в этот момент.

Ну наверное и родителям пожелать, чтобы они не чувствовали себя свободно от своих чад во время службы, а как-то за ними все-таки присматривали. Потом, конечно, оставляет желать лучшего внешний вид прихожан. Я может быть многих огорчу, но скажу, что меня все-таки больше радует, когда прекрасная половина человечества в косыночках и в юбках, а не в брюках. То, что я молчу и об этом не говорю — я просто надеюсь, что люди по мере своего возрастания, вхождения в Церковь начнут все это понимать на другом уровне. Еще одна вещь. Мне бы хотелось пожелать, я уже как-то об этом говорил и наверное тоже многих огорчу, чтобы нам все-таки освободиться от таких вещей, как, скажем, курение. Конечно те, кто курит много, для которых действительно проблема, понимают, что это действительно порабощение. И чем меньше этих порабощающих моментов в нашей жизни, тем больше будет места в нашем сердце для благословения от Господа. Ну и конечно, понятно, это самое относится и к винопитию.

Я даже не говорю о болезненном пристрастии, это очевидно и само собой понятно, но даже такие трапезы, дружеские и прочее, я думаю, они должны обходиться минимальным количеством спиртного. Потому что вновь пришедших это может смущать, но и даже для нас самих это не должно быть каким-то отдыхом от тяжелой работы, это должно быть как Апостол говорил: *«Все мне позволительно, но не все полезно, все мне позволительно, но не все назидает..... но ничто не должно обладать мною»*. Сейчас совершенно другое время, мы должны все свои силы направлять на духовный рост, на духовную работу, а молитвы, духовное состояние противоположны всякому опьянению. *«...Не упивайтесь вином... но исполняйтесь Духом...»*, — говорил Апостол. Вот такое пожелание. И что касается нашего богослужения, конечно хотелось бы, чтобы было и больше благоговения в Храме и после богослужения. Сейчас у нас, слава Богу, народ вял, и между причастием и целованием креста после службы уже такого шума нет, всех благодарю сердечно за такое внимание к нашим словам, но хотелось бы, чтобы и после, потому что служит священник панихиду, служит молебен, а такой гул в Храме. Это понятно, что людям хочется пообщаться друг с другом, у людей есть какие-то общие темы, знакомства, но нужно соблюдать какой-то этикет, можно перейти в южный придел, который огорожен, как-то в центральную часть придела куда-то зайти, словом, помнить о том, что еще не закончено богослужение. Если мы причастились, подошли к кресту, поцеловали, это не значит, что уже все закончилось и считаться, посмотреть вокруг себя. Это церковная культура определенная. Ее я желаю для всех нас, чтобы мы воспринимали Церковь, как Дом молитвы, где вот такое поведение как в клубе, вот после, вот причастились так сказать, роль Церкви как молитвенного дома закончилась, теперь уже начнется что-то другое. Вот чтобы этого, конечно, не было, чтобы мы не дискредитировали себя в глазах тех, кто приходит к нам впервые или

кто приходит из других храмов. Чтобы вот это чувство благоговения к храму, оно тоже будет созидать наш Храм и созидать нас самих, чтобы оно в нас и возникало и росло. Вот это то, что касается пожелания, а вообще я очень доволен, всех вас люблю, всех вас поздравляю с этой второй годовщиной существования нашей общины, существования нашего Храма. Я с первого до последнего дня воспринимаю его как чудо, как дар, и все время только молюсь о том, чтобы этот дар Господь еще сохранил для нас, для наших сердец, друг для друга. Надеюсь, что эти молитвы будут услышаны. И прошу Вас молиться о том же. Спасибо.

А.С. — Отец Александр, вот мы уже провели вместе в общении три Пасхи с Вами, как с нашим духовным отцом. Из этих трех Пасх вторая для нас была самая неожиданная, самая радостная, как раз это была та Пасха, которую мы наверное никогда не забудем. А вот что Вы можете нам о ней рассказать, и как это так произошло, что Вы решились на такой акт, как сломать двери в нижнем храме, ну среди станков служить?

о. Ал. — Я в этот день, накануне Пасхи, просто был в страшном беспокойстве: как это все удастся провести в этой нашей комнате наверху, 36 кв. м. И я даже просил людей не приходить к нам на Пасхальную службу, рассчитывая на сознательность. Но все равно беспокойство все-таки было: ну как — люди придут, праздник будет испорчен теснотой и духотой и вот как-то появилась часов в 8 мысль о том, что надо все-таки сорвать замок, войти в храм и ничего мы страшного этим не совершим. И все откликнулись с полной боевой готовностью и действительно сломали эту самую дверь внизу и вошли.

Но я должен сказать еще, немножко вернуться ко времени перед этим. Первая наша литургия состоялась 19 декабря 1991 года, на день Святителя Николая. Это было радостно, когда был дан антиминс, когда был сооружен очень быстро, буквально за две недели, алтарь, и я считаю, он очень красивый получился, и мне очень жалко, что его сейчас нет. Ну уж каждое время требует своего. Но мне он казался очень красивым, и я с удовольствием всегда о нем вспоминаю и с благодарностью вспоминаю и нашу Иру Родионову и Александра Ивановича и всех, кто принимал участие в его сооружении. Мне он очень нравился, я с удовольствием здесь всегда служил, с таким приятным ностальгическим чувством вспоминаю о службе здесь. Единственно, конечно, я всегда очень переживал за людей, которым было душно и жарко. И к тому времени, когда мы буквально выросли так сказать уже из этих рамок, когда до 120 человек стало причащаться за каждой литургией воскресной, к этому времени уже Господь дал нам возможность сойти вниз, служить там в северном приделе. Я должен сказать, что совершенно отчетливо помню, как все препятствия, их было много тогда, чтоб перейти вниз, они убивали каждый раз, когда мы договаривались поститься. Это было по понедельникам, полный пост, то есть без всякой еды, без всякой воды от ужина в воскресенье до ужина в понедельник. И всякий раз был явно ощутимый сдвиг вот в тех проблемах, которые стояли на пути нашего схождения в северный придел храма, так что я думаю, может нам тоже следует к этому прибегнуть в отношении центральной части Храма.

В.Е. — Вы произнесли загадочную фразу в начале нашего разговора о двух иконах, которые были в нашем маленьком помещении Храма, двух иконах «о которых после». Вот теперь настало это «после».

о. Ал. — Знаете, к сожалению это не две иконы, а двадцать икон, которые были похищены в ночь с 18-го на 19-е июня 92-го года, когда я придя в Храм, ну я всегда приходил и прихожу первый, открыл дверь нашей маленькой комнатки, тогда еще на 2-м этаже, вот наш теперь конференц-зал, как мы его наверное будем называть, и увидел распахнутое окно, вывороченную решетку окна, вижу отсутствие икон, сразу понял, что нас ограбили. Первое что я сделал, вошел в алтарь — есть ли антиминс, Евангелие было унесено с престола, крест престольный взят, антиминс лежал на месте. Слава Богу — самое главное осталось. Конечно, это было печально. Службы в этот день не было, потому что милиция должна была сделать фотографии, и прочее, ну конечно никого не нашли и, наверное, не найдут. Было очень трогательно, что, когда после этого буквально на следующий день я, выступая с десятиминутной проповедью по телевидению, как пример нашего печального состояния народа сейчас в России, рассказал об этом ограблении, множество людей стали нести иконы. Так это было трогательно, они были, конечно, не столь прекрасны, как те, что у нас похитили, но было очень трогательно. И пожертвования и всякие такие другие сочувственные действия. Ну что делать мы живем в такое время, «Не собирайте сокровища в этой земле, где воры подкапывают и крадут, а собирайте сокровища на небе, где воры не подкапывают и не крадут, ибо где сокровище ваше, там и будет сердце ваше».

А.С. — Отец Александр, вот мы сейчас говорим об иконах, не могли бы Вы сказать нам совсем немножко о значении вообще иконы у нас, в богослужении православном и вообще, как Вы относитесь к иконам, что они для Вас значат? Потому что я помню, что ту икону Спасителя, которая была у нас в маленьком алтаре, Вы очень любили, всегда при служении смотрели на неё.

о. Ал. — Я действительно очень любил эту икону, можно сказать, это вообще была одна из самых моих любимых икон за всю мою жизнь. Хотя я не имел никакого такого духовного опыта, связанного с какой-то кбонкретной иконой, именно такого чудесного, я имею в виду. Но, конечно, хорошая икона она всегда духовно очень помогает. Но я должен сказать, хороших икон я за свою жизнь видел совсем немного, совсем, буквально вот перечесть по пальцам, которые действительно вот «ах!», такое, что сразу обращает сердце к Богу. Но я думаю, что значение иконы весьма велико не только как культурное явление, духовное, это действительно то, что помогает нам собраться, направить свои мысли к Богу. Я должен даже сказать, что икона весьма значима для нас даже тогда, когда мы не молимся. Когда мы только что входим в храм, когда мы мыслями все еще в пути, за дверями храма, в каких-то своих суетных делах, то наличие иконы нас как-то сразу собирает, напоминает, что мы живем в мире Божиим, что мы вошли в какое-то другое помещение, в христианский дом, свой дом, к той иконе, у которой мы читаем утренние и вечерние правила, к иконе, к которой обращаемся. Иконы нас призывают собраться, проснуться, сосредоточиться, открыть наш слух и наше зрение. Потому что иконы очень важны для нас даже тогда, когда мы не молимся, потому что они ориентируют наше сознание, как магнитные силовые линии ориентируют стрелку компаса. Поэтому я думаю, что от удачно подобранных икон зависит атмосфера и настроение храма. Поэтому мне бы хотелось, чтобы у нас это именно так и было. Наверное, не нужно

гнаться за большим числом икон, а лучше, чтобы они были достаточно художественно интересны, и подобраны, так сказать, по тематике, чтобы они составляли единую композицию, представляли некое духовное и тематическое целое. Тогда, даже независимо от осознания этого целого, они все равно будут человека ориентировать и направлять к молитве и к предстоанию перед Богом. Я думаю, что тогда и человек будет иначе вести себя в храме, как в доме молитвы, когда храм именно изнутри, интерьер храма, будет оформлен вот таким продуманным с эстетической и богословской точки зрения образом.

В.Е. — Мне хотелось бы задать вопрос об особо чтимых святых, покровителях нашего храма. Это Косьма и Дамиан, это я думаю и Николай Угодник, который был сослужителем нашей первой литургии. Расскажите, пожалуйста, об алтарях и наших святых покровителях.

О. Ал. — Вы знаете, я должен сказать, что хотя о них известно очень мало, но происходит вот такое породнение. Сначала они были для меня только именами, а вот чем дальше, тем больше внутренне их начинаю ощущать. Я не думаю, что это просто какое-то самовнушение или обман, это действительно происходит за этим стоит реальное — я уже говорил о том, что удивительно, что на Руси этот чин бессеребряников был популярен. Косьма и Дамиан очень популярные святые. Ну наверное и от реальной помощи, которую люди получали, а также за ними идет этот эпитет «бессеребряники», думаю, что это очень важное слово для нашей жизни сейчас, не надо о нем забывать. А Святитель Николай, видите, он действительно ознаменовал нашу первую литургию и вот замечательную икону этого святого, довольно большую, хотя и не совсем в таком хорошем состоянии, но это легко поправимо, к нам презентовала одна фирма. Я думаю, что она после небольшой реставрации, изготовления подходящего киота займет видное место в нашем храме и украсит его и эстетически и духовно.

Дело, за которое не устанем благодарить

Это началось, едва открылся наш храм. В первой группе было восемь человек. Все они готовились к принятию Святого Крещения. Сейчас одна сестра из той восьмерки сама стала катехизатором. А сколько людей посещает теперь занятия, никто не считает; трудно.

Катехизация. Что это такое? Точный перевод — обучение. В понимании христианской Церкви — научение, наставление в вере.

У некоторых предложение прийти на занятия по катехизации может вызвать недоумение. Разве можно научить вере? Ведь вера — это не научная дисциплина. Вера — дело не головное, а сердечное. И в этом утверждении есть доля правды. Но для человека церковного очевидно, что вера не просто какое-то неопределенное сердечное чувство, а знание. Знание Бога в той мере, в которой это возможно. Понимание Его замысла о человеке и духовных законов жизни, И все это Бог открывает человеку через Библию, которая есть Откровение Божие о Себе, о мире, о человеке и о взаимоотношениях между ними. И когда человек начинает задумываться о смысле и цели своего существования в этом мире, он может попробовать прийти на занятия по катехизации. Ведь сказано: «Вера от слышания, а слышание от слова Божия». (Рим. 10.17).

Что же увидит человек, придя на катехизацию в наш храм? В первую очередь, он увидит полный храм

людей. Одни хотят подготовиться к таинству крещения, чтобы принять его ответственно, и по-настоящему войти в Церковь. Именно так это происходило в первые века жизни христианской Церкви. Другие хотят обновить свою веру, укрепиться в ней, чтобы вернуться в Церковь после долгого перерыва. Третьи — лучше узнать слово Божие, лучше понять богослужение. И все хотят духовного общения, которого так не хватает в суе нашей обыденной жизни.

Он увидит сияющие глаза настоятеля нашего храма, прот. Александра Борисова, который приветствует всех, радуясь тому, что пришло так много народа на первую лекцию, заботливо объясняет, как поставить скамейки, проверяет, хорошо ли работает микрофон.

Как уже давно заведено в нашем храме, катехизация проходит в форме лекций, которые читает отец Александр, и занятий в семинарских группах, которые проводят наши прихожане.

Итак, лекции отца Александра: вроде бы о серьезных и трудных вещах, но так просто и понятно. Вроде бы каждый год об одном и том же, но всякий раз по-новому. А главное — он свидетель истинный, который может заразить верой.

И мы — катехизаторы, понимаем, что главное в наших занятиях не столько поделиться знаниями, которые мы приобрели за время жизни в Церкви, сколько поделиться своей

верой, стать для каждого пришедшего на семинар свидетелем Божьей любви. А значит, принять каждого таким, как он есть. Проявить к каждому внимание. Постараться каждого услышать и понять, что на самом деле скрывается за его порой неудобными вопросами. Утешить тех, кто в беде. Это очень непросто, и если получается, то только с Божьей помощью.

И самое удивительное из того, что происходит в этих группах, — как меняются люди. Некоторые приходят закрытыми, зажатыми, а потом становятся такими открытыми, радостными. Люди, никогда не знавшие друг друга, становятся близкими. Это чудо, которое совершает Господь. Это Его замысел о нас — соединить нас Своей любовью.

Сейчас на катехизацию приходит немного некрещеных, но какая радость, когда принимают крещение сразу человек двадцать. Все в белом, такие взволнованные и счастливые. А мы старательно, но не очень успешно, изображаем из себя хор. Как назвал нас однажды один из братьев — «хор катехизаторов».

И каждый раз мы удивляемся, как мог Господь доверить нам такое важное служение, и благодарим Его за то, что растет наша духовная семья, что так много новых братьев и сестер входит в нашу Церковь и в нашу жизнь.

Анна Маянц



Размышления о катехизации

Я воспринимаю катехизацию, как замечательное поручение от Бога, которое дает возможность поделиться с братьями и сестрами своей верой, помочь им лучше узнать нашего Господа, научиться извлекать для себя уроки из того, что сказано в Священном Писании.

Основной наш принцип: мы не учителя, а свидетели. Это позволяет избежать поучительного тона, который может только оттолкнуть человека. Наша же задача — помочь ему прийти ко Христу, воцерковиться, обрести в Церкви новую семью. Ведь бывает, что среди приходящих на катехизацию есть люди раненные, одинокие, только что потерявшие кого-то из близких. Они нуждаются в тепле и внимании. Поэтому так много значит обстановка в семинарской группе. Мне даже кажется, что здесь не так важны знания, которые мы пытаемся донести до наших слушателей, как атмосфера в группе. Ведь то, что мы рассказываем, быстро выветривается, если не будет пропущено через сердце и собственный духовный и церковный опыт. Если дух наших встреч доброжелательный, сердечный, тогда люди, которые поначалу были настороженными, отчужденными, закрытыми, постепенно оттаивают и вливаются в семью братьев и сестер.

Мы понимаем, как важно беречь доверие вновь приходящих: прежде всего, конечно, доверие к Богу и Его Слову, но не только. Необходимо также доверие к Церкви, к храму, в который они пришли, и к нам, катехизаторам. (К сожалению, некоторые из них уже имеют негативный опыт посещения храмов и общения с церковными людьми).

Хотелось бы, чтобы те, кто прошел у нас катехизацию, приобрели важный для себя духовный опыт. Некоторые из них становятся затем нашими прихожанами, и как же бывает радостно видеть знакомые лица на богослужении! Иной раз и не припомнишь, в каком году они были на занятиях, а порой, стыдно сказать, забудешь, как зовут брата или сестру. Но все равно узнаешь их, ведь за время нашего общения (8 месяцев) они успевают стать для нас родными и близкими.

Но, наверное, еще больше это служение дает самим катехизаторам. Ведь постоянное пребывание в Слове Божьем, размышление над ним, чтение духовной литературы — все это непрерывный творческий процесс. Я уже не говорю о том, что всем давно и хорошо известно: каждый раз при подготовке той или иной темы хорошо знакомые строки Священного Писания обретают вдруг какой-то новый, более глубокий смысл. И не только это. Любые имеющиеся знания (причем, из разных областей), жизненный и духовный опыт, давние размышления — все это каким-то непостижимым образом Господь сплавляет воедино, и затем, в самый нужный момент во время семинара вдруг «вытаскивает» откуда-то из глубины сознания нужный пример, нужный образ, нужное слово, нужное воспоминание.

И какая же радость в этом служении! Радость от того, что Господь доверил нам такое ответственное поручение, радость от возможности поделиться с кем-то своими знаниями и опытом, радость видеть, как постепенно меняются лица людей, нашедших, наконец, истинный смысл жизни, обретших в Господе — Отца, Друга и Учителя, в храме — родных по духу братьев и сестер. Как часто, придя после семинара домой, хочется славить Господа, бесконечно благодарить Его за то, что нам, грешным, слабым и немощным, Он так же, как Своим Апостолам, дал «великое поручение» — пусть не «до края земли», а лишь на небольшом пространстве нашего храма, но все же нести людям Благою весть о Его любви и милосердии, о том спасении, которое Он нам уготовал.

Лидия Маянц

Наши встречи

Наши приходские встречи с выездом за город (к сожалению, мы не нашли еще места, где могут принять более 150–170 человек) — это не конференция, не проповедь, не учебный процесс. Это и рассуждения о тех или иных вопросах веры, и совместные молитвы, пение, свидетельства веры. Словом, это радостное исповедание веры перед братьями и сестрами. Ведь нам заповедано не просто изучение Писания, а именно общение в братской любви. Мы привыкли называть эти встречи иностранным словом реколлекция.

В это время каждый участник получает возможность выйти из укромного уголка своей души и поделиться с друзьями сокровенным — тем, что Господь открыл ему в момент Встречи. В часы и дни реколлекции каждый получает удивительный дар — стать апостолом, учеником Христовым; передать то, что услышал в Откровении, другим; увидеть, как работают Его заповеди, как происходит чудо единения в Господе. Увидеть что тот, кто еще вчера был, как казалось, «дальним», вдруг становится ближним, родным, братом или сестрой. Реколлекция создает поле высокого духовного напряжения, и многое, еще вчера казавшееся темным, непонятным вдруг начинает сиять истинным светом Христовой любви.

Лилия Ратнер

Май 2010.

Прощение. «Отпустить пленников на свободу».

Наш весенний выезд был посвящен углубленным размышлениям о прощении, которое часто дается нам так трудно.

Мы рассматривали прощение как освобождение, как то, о чем сказано в Писании — «отпустить пленников на свободу», и о том, как это касается нашей христианской жизни, нашей жизни в вере. Потому что прощение — это исправление того, что нарушено — и нарушено грехом.

И каждый человек когда-то оказывается перед событием, которое требует действительно, осознанного прощения. Мы обидели, нас обидели — в любом случае нанесена рана. И эти раны живут в нас, нас формируют, калечат. Как раненый зверь, делается опасным не только для того, кто его ранил, так человек, несущий в себе обиду и боль, может множить эту боль во круг себя. Образуется какая-то воронка не прощения, которая втягивает в себя всё больше и больше людей. Это очень страшно.

Но, с другой стороны, хотя бы из детства каждый из нас знает радость, когда тебя простили. Думаю, каждый знает и

радость прощать. Оказывается, правота, которую я несу в себе, потому что я хороший, а кто-то плохой, тоже груз, который приятно сбросить. Но «сбросить» — на самом деле тяжелый труд души, на который уходят годы, иногда даже десятилетия.

И есть третий момент: когда меня простили, а я не верю в прощение или его не принимаю. Мне кажется: они думают, что я хороший, а я плохой, и я даже лелею такое критическое отношение к себе. Итак, перед нами могут стоять три проблемы: простить, искать прощения и, наконец, принять прощение. Закон, данный Богом, — это закон «не мсти и не имей злобы на сынов народа твоего, но люби ближнего, как самого себя». Это древняя книга Левит. А в Новом Завете: «не суди», «милостивые помилованы будут», «прощайте и прощены будете» — повторяется многократно. Проблема прощения — не просто нравственная норма, которой противостоит наша греховность. Это глубоко христианская проблема. В стихирах Пасхи мы привычно поем: «И ненавидящим нас простим всё Воскресением». А задумываемся ли, почему наше прощение связано с Его Воскре-

К истории

Время выездных встреч прихода — весна и осень. Выбранное когда-то для их обозначения слово реколлекция предполагает собрание и обновление, пересмотр и переживание заново важных для человека вопросов. Два последних выезда были посвящены очень животрепещущим проблемам.

сением? Пока Иисус жил на земле, пока Он ходил среди людей, Он говорил: «Я пришел не судить мир. Кто поставил Меня судить и делить вас?». Да, Отец дал Ему власть быть Судьей, потому что Он — Сын Человеческий. Мы иногда думаем, это оттого, что Он нас понимает. Нет. Сын Человеческий — это «Агнец, берущий на Себя грех мира», «закланый от создания мира». Наказание за грех — страдание и смерть. Иисус берёт на себя наши грехи, проходит через страдания, через смерть. Судьей Его делает Крест. А Его Воскресение несет нам прощение. Как судья Он взял на Себя наш грех и простил. Поэтому и мы, если решили идти за Ним, «ненавидящих нас простим Его Воскресением».

Значит первое, что из этого следует: прощение — всегда жертва, которую приносит невинный. Масштабы событий, которые нам приходится прощать, разные. Где-то мы жертвуем самолюбием; где-то — самоуважением, как мы его представляем себе; бывает — принятием какой-то жизненной катастрофы, и обязательно жертвуем своей самостью.

Другая сторона прощения — его исцеляющая сила. Прощение действительно может изменить жизнь, оздоровить ее. Оно делает человека способным жить. Вспомним взятую в прелюбодеянии, приведенную к Христу? Он ее исцеляет простым словом: «Иди и больше не греши». И она сможет жить дальше и не грешить, потому что с прощением Он отдает ей часть Себя (и мы делаем то же, когда прощаем). И для тех, кто ее привел, тоже начинается исцеле-

ние. Механизм прощения: кто без греха — пусть первый бросит камень. Они разошлись, потому что каждый понял — он не без греха. От первого до последнего. Но, если подумать, то где-то между первым и последним — я, и, наверное, любой из нас.

Это третья сторона проблемы: прощение рождается от правильного взгляда на себя. Нужно трезво видеть себя, и только тогда ты сможешь увидеть и другого человека. Помните, как отец Георгий говорил: «Это всё недолюбленные». Надо это почувствовать, и тогда легче простить. К тому же при взгляде на себя, я пойму, как нуждаюсь в Божьем прощении, данном людям через Спасителя. Как я могу не простить кого-то, если Он меня прощает, если Он пошел на крест «нашего ради — и моего — спасения»? Только простив, я смогу стать ближе к Нему.

Но в нас живет протест: «Нельзя же, чтобы неправда торжествовала!» Конечно, нельзя, но не прощение не уничтожает неправды, а множит её, потому что растёт злоба, подозрительность, страхи. Но чтобы простить, надо заглянуть в себя, правдиво себя оценить, увидеть соотношение своего греха и той обиды, которую мне нанесли. Надо понять, почему так мог поступить другой человек, тот, недолюбленный. А чтобы принять прощение, надо увидеть свою вину, увидеть милость — милостыню — того, кто меня прощает; и надо унять, смирить свою самость, чтобы милостыню принять и не почувствовать себя при этом униженным, наоборот — распрячься. В любом слу-

чае истина торжествует при прощении. Прощение напрямую связано с покаянием, но эта зависимость не всегда видна.

Надо быть готовым к тому, что человек, которого я прощаю, возможно, совсем еще не созрел для того, чтобы принять это прощение. Тогда есть ли в нем смысл? Есть. По себе знает каждый, как долго после какого-то конфликта мы носим его в себе, готовим встречный счет, продумываем контрудар и не можем выйти из этого состояния. Тут правде нет места. Надо вырвать человека из этого чередования нападения и обороны, и только тогда он станет способным увидеть реальное положение вещей, свою вину и ценность полученного прощения. Так, прощая, мы исцеляем себя и открываем возможность исцелиться другому.

В отношении каких-то больших обществ это еще более явно. Группа, страна, народ, Церковь – страсти, амбиции те же самые. Механизм отношений тот же самый: либо цепочка – грех-осуждение-месть, либо – прощение. Но только всё значительно сложнее, потому что несравнимо больше гнёт ненависти, злобы, страхов, боли, общественные и частные судьбы переплетаются; та воронка не прощения, о которой говорилось вначале, здесь делается какой-то черной дырой, в которую всё может кануть. Только готовность к взаимному уважению и готовность к прощению может привести к тому, что потом, после того как эта готовность будет заявлена и осознана, может прийти признание и своей вины, и своих ошибок, и своих преступлений. Это тяжелейший путь, но другого нет, ибо так исцеляет мир Господь.

И еще вопрос – почему нам трудно прощать? Помню ответ нашей замечательной прихожанки, Марины

Винецкой, одной сестре на слова: «Вот причастилась, а мира в душе нет – «Ищи, кого не простила». Не прощение разрушительно прежде всего для того, кто носит его в себе.

Прощать нам трудно по очень многим причинам. Иногда это слишком тяжелая боль, иногда просто самолюбие, иногда осуждение, в нас много всякого. Кроме того, иногда нелегко найти того, кто является причиной потери мира. И вдруг обнаруживаешь, что вообще-то Бог передо мной виноват! Прощать-то мне надо Бога! Не будем говорить о тех случаях, которые являются результатом трагической катастрофы, которую человек не в силах нести и говорит Богу: «Куда же Ты смотрел?». Но ведь есть другие причины, и их больше, когда мы обижаемся на Бога. Разберемся честно, что это за причины. Это может быть неприятие обстоятельств, боязнь страдания, неудовлетворенное тщеславие, зависть, да мало ли чем это может окантаться! И становится ясно, что это мне надо искать у Него прощения. Кроме того, всегда ли внутренний покой является критерием того, что всё в порядке? Вовсе нет. А вдруг это моя моральная глухота, слепота? Вдруг я наношу удары, кого-то походя раню и просто этого не замечаю? Конечно, внутренний мир – это критерий; но не успокоенность, а мир «свышний», о котором в ектеньи молимся. Сказано: «Мир Мой даю вам, не так, как мир дает» – вот научиться бы его искать, его найти, и уметь чувствовать его отсутствие или подмену. Мы все страдаем от боли, которую нанесли мы или которую нанесли нам. Осознанно или нет, мы несем в себе эту рану очень часто. Иногда от слова «прощаю» до истинного прощения проходит долгое время, и мы обнаруживаем в себе, что оказывается, и не

произошло того, о чем я успокоилась, я просто закрыла дверь туда, где моё не прощение.

Но все это мы очень часто воспринимаем так: это моя личная, психологическая, житейская, иногда даже бытовая проблема. Тогда мы плачемся, бежим на исповедь, ходим к психологу. Это всё правильно, это всё нужно, но начинать надо не с этого! Начинать надо с того, что увидеть – какое прощение даровано нам. Только осознав этот дар, ничем не заслуженный, мы, может быть, научимся прощать.

Вот об этом мы размышляли, делились друг с другом своими трудностями и молились о даровании нам прощения и умения прощать.

Октябрь 2010. Мое исповеданье веры.

Эпиграфом к этой встрече стали слова апостола Петра: *«Будьте всегда готовы всякому, требующему у вас отчета в вашем уповании, дать ответ с кротостью и благоговением» (1 Петр. 3: 15)*. Часто ли мы остаемся в своей будничной жизни, чтобы продумать, в чем моя вера? Мы знаем Символ веры, но часто ли думаем, чего конкретно он от меня требует, как он меняет мою жизнь – и меняет ли? И вот нам было предложено задуматься, какая информация заложена для нас в слове *христианин* – не оценка, как мы привыкли смотреть на это слово, а именно информация. Что значит быть христианином, или скажем мягче – вырастать в христианина (совершеннолетие далеко: «доколе все придем в меру полного возраста Христова» (Еф. 4.13).

Уметь «дать отчет о нашем уповании» – дело не только полезное, это наша обязанность. Притом не только перед другими, перед собой тоже.



Поэтому вопрос разделился на два. Прежде чем говорить людям о своей вере, нам следует дать отчет себе, на чем мы стоим. Помните вопрос Бога: «Адам, где ты?» Это вопрос ко всем нам. Перед нами каждый день стоят вопросы самоопределения.

Кто я? Где я? В каких я отношениях с миром и Богом? Стремлюсь я просто быть хорошим человеком или хочу войти в новое человечество? Или это одно и то же?

В нашей главной теме было выделено несколько проблем, названных словами Евангелий, а вопросы по большей части были обращены к личному восприятию. Мы хотели подумать, насколько наша жизнь приближается к словам Завета. Каждый выбирал группу, в которой он будет работать, либо по принципу близости себе вопроса, либо по его трудности для себя. В зависимости от темы, группы шли к ответу разными путями. Потом, на общем собрании, эти ручейки слились, и стало ясно, как много требует от нас стояние в вере и как еще больше оно дает. Поистине прав человек, который на вопрос, легко ли любить Господа, ответил: «Да. Тем, кто Его любит».

Вот так определяя для себя, где я нахожусь в пространстве веры, мы понимали, что дается нам трудно, видели, что в нас сопротивляется. Познавание истины не освобождает ни от об-

стоятельств, ни от себя самих. Все остается тем же самым, каким было. Но вера освобождает нас от порабощающей власти обстоятельств, если мы со Христом. Но насколько мы с Ним? Он требует: «Сыне, отдай сердце твое Мне» (Пр. 23. 26). И все напоминало слова апостола: «не сообразуйтесь с веком сим, но преобразуйтесь обновлением ума вашего» (Рим. 12. 2).

В Ветхом завете весь закон считался невыполненным, если не исполнена хотя одна заповедь, так и в нашем исповедании веры одно не стоит без другого: христосцентризм – без Воскресенья, любовь – без связи со Христом, свобода – без любви, стояние в вере перед лицом мира – без Церкви, Церкви – без евхаристии, и ничего – без Святого Духа. Это не формальность – это целостность, неразделимость Божьего образа в человеке. Поэтому вопросы, поставленные на реколлеции, – это вопросы каждого дня. И главный вопрос: является ли для каждого из нас евангелие – благая весть – именно вестью, касающейся лично его, Новый завет – новостью, которая врывается в его жизнь, а не событием, о котором все знают уже 2000 лет.

Не хочу писать об этой реколлеции подробно, так как есть намерение напечатать все материалы в качестве приложения к газете. Размышлять же об этом необходимо каждому – и почаще.

Поэтому и было предложено продолжить разговор о поднятых проблемах на малых группах. И, возможно, было бы неплохо, чтобы такое продолжение стало традицией, ведь не все имеют возможность участвовать в такой выездной встрече.

Традиция реколлеций складывалась очень давно, не меньше 15 лет. Когда-то Марина Винецкая, наша замечательная прихожанка, мечта ла о воплощении в нашей жизни первохристианской традиции церковной общинности. За ее плечами тогда был уже двадцатилетний опыт церковной жизни, но практику общинности она только осваивала и даже в чем-то нащупывала. Это было возможно потому, что отец Александр, настоятель нашего храма, жил теми же идеями. К тому же стремились и даже были в немалой мере подготовлены духовные чада отца Александра Меня, ставшие теперь прихожанами нашего Космодемьянского храма. Все они вместе, можно сказать, «вымечтали» и малые группы, и катехизацию в том размахе, какой она имеет теперь, и группу молитвенного пения «Маранафа», и собрания прихода – или хотя бы ядра прихода – вокруг какой-то интересной и важной темы – реколлеции, или конференции. Но первая наша реколлеция прошла уже после Марининой смерти прямо в храме. И все, кто знал Марину, восприняли эту встречу, как воплощение ее мечты. Позже наши встречи стали выездными.

Татьяна Рябинина.

Умер Владимир Файнберг...

На имя Владимира Файнберга я обратил внимание, читая сборник воспоминаний об о. Александре Мене. Потом мне дали почитать книжку его прозы, после чего, увидев на доске объявлений предложение В.Я. купить его книги, я тут же позвонил ему. Договорились встретиться в Косме.

Познакомились. Я с удовольствием читал его прозу того времени, мы начали общаться, я стал бывать у него дома. (До сих пор без восхищения не могу вспоминать его домашний ботанический сад)...

Один раз я дерзнул Володе прочитать некоторые свои тексты. Он оказался замечательным критиком. Доброжелательно и бережно, потому не обидно и очень чётко аргументировано он показывал неточности, слабые места, выделял более удачные. Помню, после одного рассказа Володя, помедлив, спросил, почему этот человек поступил именно так. А я откуда знаю?! Тогда всё повисает в воздухе... Не могу же я выдумывать! Тогда брось это занятие. Понимаешь, Костя, твой рассказ мне напомнил самолёт, который долго ездил по лётному полю, усердно гудел и урчал моторами, но — не взлетел. Без подключения фан-

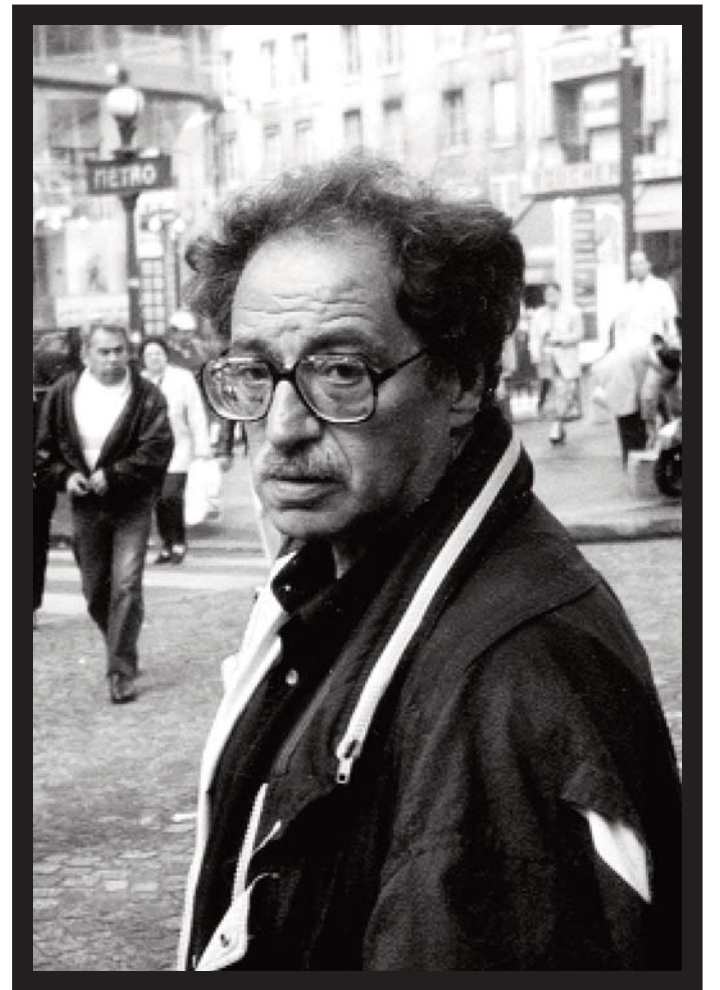
тазии тебя хватит только на наблюдения-зарисовки.

Этот разговор дал мне сильнейший импульс, толчок для дальнейшего сочинительства.

Но так получилось, что очередная Володина книжка (он мне её подарил) мне показалась намного слабее предыдущих. Я её дочитывал только из вежливости. Не дождавшись моей реакции, звонка, Володя позвонил сам и спросил: «Ну, как тебе?...». Я молчал, думал, как сказать. Лукавить не привык. Говорить, что думаю, — не хотелось, боялся обидеть. Он понял моё молчание, положил трубку, и мы после этого почти не общались. К сожалению... Когда Владимир Львович приходил в Косму, я непременно подходил поздороваться, он отвечал, любезно и — отчуждённо...

Писателя оценивают по его лучшим сочинениям, и для меня Владимир Файнберг был и остаётся хорошим русским писателем. И благодарность моя за то, что он помог мне выбраться из творческого тупика — не слабеет...

Константин Семёнов



Владимир Файнберг



МОЕ НАЧАЛО

Счастливые не от богатства,
росли мы на пыльных дворах,
всесветное

красное братство
лелея в ребячьих сердцах.

Хоть лет нам ещё было мало,
но красным клочком кумача
грядущее

нас обнимало —
вихрастых внучат Ильича.

Над карканьем толстых торговков,
как нашей мечты делегат,
всплывал,

невесом и неловок,
серебряный аэростат.

Как будто планеты прообраз,
парил он в лучах над землёй,
коммуны

высокую область
олицетворяя собой.

Рождалась,
откуда — не знаю,
горячая вера в груди,
что время нас не разделяет,
что Ленин
у всех
впереди!

1953

День без царя и без вождя —
колхозный, тёплый, хмурый.
В дырявом решете дождя
Червей клевали куры.

Укропом пахли пузыри
на огородных лужах.
О чем-то диктор говорил,
Невнятен и простужен.

Из труб стелился низкий дым
над мокрыми огнями.
Никто не знал, что будет с ним.
И вкусно пахло щами.

ПРИХОД ХОЛОДОВ

Дождь шумит
за окном во дворе.
Я смотрю
на зелёное дерево.
И зелёные струи
текут по стеклу.
Смотрю я на ржавые
мокрые крыши.
Красные струи
бегут по стеклу.
Взглянул я на серое
низкое небо —
серые струи бегут...

С градусника,
что привинчен к раме,
словно за градусом градус
падает
капля за каплей...

* * *

О, южное солнце базара!
Толпы людей
в толпе овощей.
О, персики цвета загара,
о крабы раскраски пожара,
плывущие в очи детей!

О, рыбыны моря и рек!

О, радио над каруселью,
над буйством торгов и веселья —
тоска иностранца Монтана...
О, солнце в серье у цыгана

О, рыбыны моря и рек!

Нет, не покупать, а глазеть
на свежеебиту снесь,
на фартуки всех продавцов,
всем жарким торговкам в лицо.
О, рыбыны моря и рек,
опять меня к ним потянуло —
торгового ряда разбег
под бубном базарного гула!

Зеленой обложены травкой,
чешуями рыбин горя,
трепещут на рынке прилавка
здесь солнце,
земля
и моря.



ПЛАВАНЬЕ В МОРЕ ЗИМОЙ

О, разбежаться —
броситься
в зелёный сугроб волны!
И — обжечься им,
Вынырнуть
с другой его стороны.
Увидеть
нарастающий
над головою
вал —
его собой протаранить,
чтоб новый навстречу встал.
Успеть
соленое
солнце
судорожно глотнуть

и снова нырять сквозь
волны,
а после —
в обратный путь.
...Холодное, зимнее море,
Полная солнца грудь!

СТАРАЯ ЗАПИСНАЯ КНИЖКА

В разных концах огромной Москвы
появились дома — для меня
мертвы.

Живого окна
мертвый свет.
Человек есть —
человека нет.
...В яростных разговорах
распахнутый ворот рубах,
стихов непечатанный ворох,
закладки в тяжелых томах.
Нам мама варила картошку,
ложила, усталая, спать.
Мы спорили тише немножко,
Рассвет накалялся опять.
И вновь провожали друг друга,
я сонно по солнцу шагал.
Мы жили прекрасно и туго,
весь мир был в начале начал.
Как боевые знамена,
сданные нынче в музей, —
старые телефоны
бывших моих друзей.

* * *

А я любил её всю жизнь,
Взаимностью не одарила.
Скажу: спасибо, не убила.
А я любил её всю жизнь.
За человека не считала.
И дыры нищета считала.
Подонкам отдавала тело,
любви моей не захотела.
А я любил её всю жизнь,
Теперь она в грязи, в позоре.
Я греюсь у чужого моря.

Плохой приёмник очень редко
доносит голос до меня.
Шкала частот и волн, как
клетка.
А он звучит, звучит, маня...

* * *

Марина,
одного мне жалко —
что ты залив не видишь.
С двух сторон
маяк и проблесковая мигалка
пульсируют друг с другом в унисон.
Весь звёздный сонм
над средиземной ночью
вздыхает, как мигалка, как
маяк.
Корабль какой-то
ярким многоточьем
проходит к близкой Африке
сквозь мрак.
В ночи не видны
ярусы прибой.
Но при внезапных
вспышках маяка
они видны.
Точь-в-точь, как мы с тобою
видны друг другу,
пусть издалека.
Внезапно сердце
о тебе заплачет
и чуть затихнет,
чтоб заплакать вновь.
И если это
ничего не значит,
то что же называется любовью?



ФАЙНБЕРГА

Я люблю этого человека

Я люблю этого человека. Люблю тем больше, чем дальше он уходит.

Это - общеизвестный факт. Пока Поэт жив, кажется, что все очень просто: прийти в его комнату, протянуть руку, набрать номер телефона... Пока можно смотреть в глаза, слышать живой голос, кажется второстепенным запечатленное на бумаге. Но вот настает момент, когда от Поэта остаются только строчки. И тогда мы начинаем, как археолог древние черепки, перебирать осколки его жизни...

Файнберг не нуждается в представлении в кругах, так или иначе связанных с памятью отца Александра Меня. Ему посчастливилось высказать себя. Посчастливилось иметь довольно много читателей. Может быть, не так много, как хотелось бы. Но он не стремился к публичности. Не любил этого.

В течение многих лет находились люди, которые дарили нам деньги, чтобы мы могли печатать Володиные книги. Для крупных издательств Файнберг невыгоден. Это «некоммерческая литература». Остатки тиражей лежат на складе. И мне теперь приходится изыскивать способы, чтобы распространять их, рассылать в библиотечные коллекторы, раздавать друзьям, чтобы они дошли до максимально широкой аудитории. На складе книгам Файнберга не место.

Мне хочется делиться с другими моим Володей. Здесь, в этой подборке — россыпь текстов, которые я отбирала тщательно, на свой, может быть, несовершенный и, безусловно, предвзятый вкус.

Марина Мень



Владимир Файнберг

Иные измерения

(фрагмент)

Этот человек трижды появлялся в моей жизни. С огромными перерывами. Неожиданно. И с каждым его появлением вдруг обнаруживалось, что совсем рядом существует еще одно измерение бытия...

Поздний декабрьский вечер. Накапывает дождик. Я стою в конце длинного деревянного причала, опершись о ржавый поручень. За моей спиной засыпает южный город. Чужой. Там меня ждет конурка без окна, раскладушка, электроплитка на табуретке, висящая на проводе лампочка.

Далеко отсюда, в Москве, родители, нормальное жилище, письменный стол, друзья. Сам виноват. Сознательно вырвал себя из обычного порядка вещей.

Стою в плаще с поднятым воротником. Надо мною со скрипом покачивается фонарь. Последний фонарь между сушей и чернотой молчащего моря.

Где-то напротив, в трехстах что ли милях, Турция. За ней Средиземноморье, дальние страны, Африка...

В жалком кругу света от фонаря видно, как внизу плескивает вода о замшелые, покрытые водорослями сваи причала, об узкие ступеньки ржавой лесенки. Промозгло, простудно, дождик усиливается. Как всегда, жаль расставаться со свежим запахом моря, уходить в свою нору.

Слух улавливает рокот двигателя. Вроде бы приближающийся. Стих. Потом все явственнее заплескали весла.

И вот в круг света всплывает резиновая лодка с мотором. В ней трое — клеенчатые робы, черные пилотки. Снизу смотрят на меня. Один остается на веслах, двое взбегают по лесенке.

Почему-то сразу решаю: они с субмарины, шпионы, сейчас захватят, увезут.

Один из этих двоих — большой, улыбчивый — успокоительно басит:

— Парень, не бойся. Мы с подлодки. Не знаешь, где сейчас в вашем городе можно купить сигарет?

— И выпивки, Борисыч, — напоминает второй, в косо надвинутой на бровь пилотке.

— Идемте. Доведу до «Гастронома», пока не закрылся.

Потом, ночью, долго не могу заснуть на своей раскладушке. Вспоминаю, как пришельцы из морских глубин купили двадцать пять пачек сигарет «Союз — Аполлон», три бутылки вина и пошли обратно к причалу. К своей лодке, чтобы вернуться на ждущую их где-то в темноте субмарину. Наверное, с откинутой крышкой люка, куда падают пресные капли дождя и вливается свежий воздух, где ждет команда...

Прошло лет двадцать. В Москве отдельной книгой вышло мое первое большое произведение. Почти сразу читатели начали присылать письма, звонить.

Как-то позвонила женщина. Сказала, что всей семьей прочли мой роман. Очень просит о встрече. Помню, в воскресенье она и явилась со всей семьей. С букетом роз. С дочкой-старшеклассницей, которая с порога вручила мне бутылку отборного армянского коньяка.

Муж — богатырь в синей морской форме имел на плечах погоны с тремя большими звездами капитана первого ранга. В руках он держал продолговатую азиатскую дыню.

Я принял их на кухне, кое-как устроил застолье. Отвечал на расспросы благополучного семейства. И все

поглядывал на бравого моряка. Кого-то он мне напомнил...

Наконец после второй или третьей рюмки коньяка я спросил:

— Любите сигареты «Союз — Аполлон»?

— Не курю, — пробасил моряк. — Завязал. С тех пор как дочь родилась. А что?

Я сказал — что.

Каперанг был потрясен не меньше меня. Он вспомнил тот дождливый вечер, когда какой-то парень сопровождал его и сослуживца в «Гастроном» приморского города. Жена и дочь улыбались, слушая нас.

Андрей Борисович, так звали каперанга, рассказал, что он уже давно живет в подмосковном поселке городского типа, расположенном близ большого озера. Руководит Центром управления подводного флота России.

Я изумился:

— И у вас там субмарины по озеру плавают?

— Приедете — увидите, — улыбулась его жена. — Приезжайте погостить. У нас большая квартира. Вокруг леса. Дочка покажет грибные, ягодные места. Можно половить рыбу. Отдохнете!

Я поблагодарил. Но знал — приглашением не воспользуюсь. Не люблю отдыхать, не умею.

— А вот мой сослуживец Миша Сковородников теперь тоже живет здесь, в Марьиной Роще, — сказал Андрей Борисович, — работает в Министерстве морского флота. Между прочим, в следующее воскресенье у него дома традиционная встреча. Раз в три года собирается наша компания. Все дослужились до высоких чинов. Хотите принять участие? Будут одни мужики.

— Хочу!

Я надписал им книгу. Они оставили мне номер своего телефона.

Вышел из дома проводить гостей. У подъезда стояла черная «Волга». За ее стеклами на заднем сиденье встала большая овчарка. Каперанг отпер машину, и собака ринулась навстречу.

— Что ж вы ее не взяли ко мне?

— А это мой сторож. Лучшее противоугонное средство, — сказал Андрей Борисович, пристегивая поводок к ошейнику. — Пятю минут прогуляю Джильду по вашему двору и поеду к себе.

Через неделю под вечер он заехал за мной и повез в Марьину Рощу.

Там в одном из последних оставшихся от дореволюционной Москвы деревянных домов я оказался в компании шести или семи капитанов.

Сначала я, конечно, чувствовал себя чужим на этом празднике мужской дружбы. Тем более, что они не делились несколько лет. Но очень скоро я волшебным образом ощутил себя своим среди этих открытых, мужественных людей.

А к концу вечера дощатый пол стал уходить из-под моих ног, оклеенные обоями стены расплывались в синем морском тумане...

Нет, я не напился допьяна. Я получил приглашение от одного из гостей — капитана крупнотоннажного судна — совершить кругосветное путешествие!

Через три месяца корабль должен был выйти из черноморского порта Ильичевска, направиться через Босфор и Дарданеллы к берегам Греции, потом в Италию — в Неаполь, затем в Испанию — в порт Кадис. Здесь, согласно фрахтовому договору, судно, окончательно разгрузившись, должно было загрузить в трюмы новый груз и отплыть через Гибралтар к берегам Аргентины. То есть пересечь Атлантику. После чего предстояло

обогнуть мыс Горн, выйти в Тихий океан, посетить порт Дарвин в Австралии, Йокогаму в Японии.

Обратный путь пролегал по Индийскому океану с заходом в Бомбей, порты стран Ближнего Востока. Дальше — через Суэцкий канал выход в Средиземное море к портам Египта и Турции...

— Оформим вас культторгом, редактором судовой газеты, — сказал капитан корабля. — Будете получать зарплату.

— До рейса только три месяца, — заметил Андрей Борисович. — Нужно немедленно начать оформление документов.

Голова моя пошла кругом. Все это было слишком сказочным, чтобы сбыться.

Один, никем не связанный, я стал часовым механизмом, в котором начался прощальный отсчет времени. Все прощальнее выглядела квартира, Москва, перестроечные страсти по телевизору... Я уже изучал географические атласы. Жаждал и почему-то стеснялся позвонить капитану — спросить, будут ли меня выпускать с корабля прогуляться по портовым городам, их улицам и базарам...

Но тут распался Советский Союз. И одновременно — давно налаженные внешнеторговые связи.

Рейс отменили.

Прощальный отсчет времени остановился. Географические атласы Европы, Южной Америки, Австралии и Азии я убрал с глаз долой. Уверенный, что они больше не понадобятся. Никогда. Нужно было возвращаться к действительности.

За несколько лет я написал три новые большие книги. Порой, в утешение себе, подумывал: если бы на самом деле отправился странствовать по морям-океанам, смог ли бы я так упорно работать?

Каперангу я не звонил. Зато он и его жена каждый раз поздравляли меня по телефону с Новым годом.

В 1996 году я женился. Приключение почище кругосветного путешествия! И вскоре время запульсировало, отсчитывая срок приближающегося рождения нашего ребенка.

Стоял душный московский июль. Хотя жена ни на что не жаловалась, не капризничала, я видел, что ей с каждым днем становится все тяжелее переносить духоту. Необходимо было вывезти ее куда-нибудь на природу.

Оказалось, в эту пору дачу снимать поздно. Дальновидные люди договариваются с хозяевами зимой или, на худой конец, в самом начале весны. Я впал в некоторую панику. И в конце концов объявился — позвонил каперангу Андрею Борисовичу с просьбой: не могут ли они с женой подыскать нам хотя бы избушку у своего озера рядом с грибными и ягодными местами?

— Зачем? — радостно перебил он меня. — На днях с женой и дочкой уезжаю в отпуск к родственникам под Астрахань. Квартира останется в полном вашем распоряжении! Бесплатно. Собирайтесь. Послезавтра приеду за вами и перевезу. Единственная просьба — оставим на вас Джильду. Можно?

И действительно, приехал на своей «Волге», перевез. Да еще на прощание познакомил нас с разбитым мичманом Семеном Тарасовичем, препоручил его заботам.

Утром мы проснулись одни в чужой трехкомнатной квартире. С коллекцией тропических раковин на письменном столе, кортиками, висящими поверх настенного ковра, собраниями сочинений чуть не всех классиков на застекленных книжных полках.

Снова жизнь приобрела иное измерение...

ОТЕЦ БОРИС

Утром 8 августа Борис Евгеньевич Клепарский собрался и поехал в храм на литургию. Стояла аномальная жара. Раскаленная столица задыхалась в дыму подмосковных пожаров. Тошнотворная тяжесть в груди нарастала при каждом неосторожном усилии. Запущенная стенокардия заставляла останавливаться и часто дышать густым белым дымом. Но это был Воскресный день. Борис Евгеньевич не мог пропустить Евхаристию...

В храме ему всегда становилось легче, отступала тревога, радовали сердце встречи с дорогими людьми. Привычное последование службы умиротворяло. Он причастился. Снова ощутил утреннюю тяжесть в груди, нехватку воздуха. Не пошел помогать сестрам на теплоте, не стал задерживаться на общении, заспешил, неуклюже опираясь на палку, предчувствуя насколько тяжелее будет дорога домой, когда солнце подошло к зениту...

Преодолев обратный путь, Борис Евгеньевич скончался между первым и вторым этажом своего безлифтового дома. Отошел ко Господу верный христианин, прекрасный человек, олицетворявший приходское служение кормления бездомных.

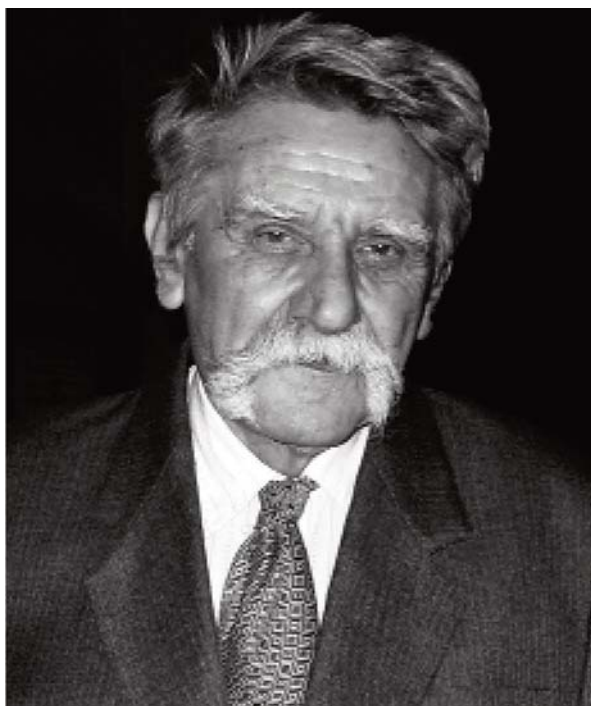
В храме его все звали «наш Боря», Боречка, многим он запомнился своей обходительностью, старомодной любезностью, готовностью помочь. И было с ним просто и надежно. Он веселил, и сам посмеивался над своими стариковскими чудачествами, а какие-то из его оборотов стали афоризмами. Незаметно прошли двенадцать лет жизни и служения бок о бок с этим незаурядным человеком. Пришло время подытожить, какой дар от Господа дан был нам.

Наше знакомство началось с казуса. В храме шла раздача бесплатных обедов. Голодные люди всякого возраста сидели за столами, а служащие сестры разносили им суп. В какой-то момент я заметил непорядок. Вместе с сестрами за супом затесался усатый дядька с тарелкой. Очень решительно я предложил ему сесть за стол. Он смутился, стал заикаться, извиняться и быстро ушел. Но в следующий раз он снова оказался вместе с раздающими еду сестрами. Я направился к нему, а он воскликнул: «Да я помогать вам пришел, а не есть!» Так в нашем служении появился дядя Боря — человек, совмещавший огромное обаяние и яркость натуры с потрясающей скромностью и тактом.

Это было время конца девяностых годов, когда служение кормления бездомных и нуждающихся только складывалось. Тогда Господь дивным образом присылал людей, которые, как яркие кусочки смальты в мозаичном узоре, занимали свое место и на много лет определили облик нашей группы.

Невозможно вспомнить, сколько сложных проблем приходилось решать. Неординарное предложение настоятеля отца Александра раздавать обеды в храме у многих вызвало непонимание и опасения. Чтобы оправдать доверие, необходимо было очень четко организовать процесс раздачи еды. А приходили люди разные, в том числе далекие от Церкви, со своими советскими, или иждивенческими, или уголовными понятиями, которым было все равно, где их кормят. За столом могла вспыхнуть драка, кто-то пьяно матерился, кто-то начинал приставать к сестрам, а какая-нибудь старушка-одуванчик без причины закатывала безобразный скандал. Боря переживал, мирил ссорящихся, выгонял из-за стола за мат, звал к совести. «Здесь храм!» — слышался непонятный многим его аргумент. Приходили люди обездоленные, несчастные, которые понимали, что их обманули, ограбили, оставили без жилья и средств к существованию, но свое негодование, агрессию они могли выместить только друг на друге и на нас. Эта разрозненность, неизбывное одиночество каждого в своей беде удручали не меньше, чем их запущенный вид. И тогда Боря предложил, как положено в Церкви, молиться перед едой...

Когда Борис Евгеньевич впервые вышел на середину трапезной и попросил всех подняться на молитву, он преобразился. У этого милого, по-стариковски суетного, застенчивого человека обнаружился богатый зычный бас, его движения были торжественны и свободны. Ожидавшие начала обеда послушно поднялись и затихли. Молится Борис Евгеньевич без микрофона, но так, что было слышно всем. Позже он совершенствовал последование молитв, стал читать благодарственные молитвы после трапезы, появился и микрофон. Но тогда все почувствовали, как



эта молитва совершила главное: в сознание большинства за-

*Борис Евгеньевич Клепарский
28.01.1932 – 08.08.2010*

пало и начало укореняться понимание, что храм это дом молитвы, дом Божий.

Да и сам Боря, хоть и открепчивался, и смущался, получил в кормящемся народе прозвание «отец Борис». Этому способствовали с одной стороны ревность о благочестии в храме, готовность строго призвать к порядку, а с другой его отзывчивость, открытость, талант выслушивать и сочувствовать. Кроме того, много лет Борис Евгеньевич выдавал очки, предлагая просящему громко читать Евангелие, чтобы убедиться, что очки подошли. А если человек начинал спрашивать о храме, о христианской вере, «отец Борис» готов был и побеседовать, и Новый завет подарить, и направить на катехизацию. Выдавал он и нательные крестики. Сам повязывал их тем, кто потерял или, вспомнив, что крещен, захотел носить. Так что его непритворно почитали, принимали, как близкого человека.

Священник Антоний Сибаров откликнулся на известие о кончине Бориса Евгеньевича так: «Отец Борис... В моей жизни было несколько старцев не священнического сана, но удивительные «батюшки» по духу. Возможно, это не реализованное их служение. Но как они реализовывали его среди обычной жизни, — это примерище!»

Как-то сам Боря поделился своими воспоминаниями об усвоенном им в детстве примере. Осажденный немцами Белгород. Он, десятилетний мальчонка, со взрослыми в храме. Иерей возглашает ектению, и все затаивают дыхание, потому что тот обязан молиться о благоденствии оккупационных властей. Но батюшка пропускает молитву о властях, молится о богохранимой стране Российской и ее воинстве. Боречка с заметным волнением описывал, какое охватило воодушевление тогда всех, как он сам пережил и запомнил: в церкви люди обретали надежду, а слово священника, звучало как обетование, как правда, неподвластная видимым обстоятельствам.

Боря сам никогда не рассказывал, что его привело на служение. Маргарита Донатовна вспоминает, как при выходе из храма ей встретился мужчина, который стал задавать вопросы. Она восторженно начала рассказывать о храме, о кормлении бездомных, пригласила прийти и самому поучаствовать. За эту первую беседу Боря особенно благодарно относился к Маргарите и называл ее своей «крестной».

Борис Евгеньевич пришел и принес себя целиком. Больше сорока лет он курил и курил много. Теперь эта зависимость его тяготила. Однажды он пошутил: «А у меня сегодня юбилей!». Все встретились — «как юбилей?» «Я уже целый месяц не курю!» — просиял Боря. Но и через несколько месяцев он признавался, что помысел о сигарете атакует его каждый день. Тем не менее, он бросил курить навсегда.

Он стал одним из самых усердных прихожан храма и оставался верен своему выбору до последнего дня. Его отличало стремление участвовать во всем. Рано-рано приходил он на службу, бегом накрывал стол и кипятил чайники для теплоты. Одновременно дожидаясь привоза супа, хлеба и сосисок для кормления бездомных. Пока позволяли силы, участвовал в разгрузке. Когда долго не было привоза, в нетерпении выскакивал на улицу, ворчал на водителя, нервничал, переживал, вдруг что-то случилось.

— А хлеба нам сегодня не привезут?! — то ли спрашивал, то ли восклицал он.

Зато уж когда привозили, Боря хватал острый тесак и азартно начинал кропать ароматные свежие буханки, потом складывал батоны по два — стремительно резал и их.

Он входил в такой раж, что потом, перерезав весь хлеб, бежал на улицу отдышаться. Когда готовили салат, требовал поскорее принести капусту, кавалерийской атакой изрубал ее (а это порядка 50 кг), по несколько раз выбегал отдышаться на улицу, и к середине утрени он уже был снова на службе, участвовал в литургии, помогал сестрам на теплоте, и тут норовя всех опередить. «Этот Боря он всегда и везде», — шутило роптали сестры. Иногда в запале он порол горячку, его торопливость и суетливость могли раздражать, но Боречка оказался необыкновенно мирным, неконфликтным человеком. С детской обидой в голосе он восклицал: «Да что ты меня ругаешь?» — и убежал с места происшествия.

После литургии по средам и пятницам все собирались в тесной комнатке. Быстро трапезничали тем, что приносили на общий стол, чтобы скорее начать подготовку к кормлению. Боря с ласковой усмешкой извлекал из потертой наплечной сумки сестринский «наркотик» — разделанную и приготовленную им селедку. Он разведаль место, где продавалась свежая малосольная селедка, ездил за ней, раздeldывал и приносил к каждому служению. «Сестры! Я вас люблю», — признавался Боречка. И его нельзя было не любить. Ему хотелось собирать воедино всех, кого он любил. Не вокруг себя — он был слишком скромн для этого, — а в семью, общину вокруг Христа, храма и служения. В быстром сплочении нашей группы его немалая заслуга.

Боря поддерживал все совместные начинания. Мы ходили в музеи, смотрели другие храмы, уголки старой Москвы, ездили в старые русские города на несколько дней. Помню Бороно участие в первой дальней поездке в Переславль-Залесский. Пока ждали автобуса в Сергиевом Посаде, Боря вдруг стал ярко рассказывать про Савву Мамонтова, строительство Ярославской железной дороги. Переславль-Залесский был тогда очень богат, известен своей торговлей. Но, когда через город хотели прокладывать железнодорожные пути, переславские купцы запросили такую цену за землю, что дорогу пришлось вести через мало развитый Сергиев Посад. Переславль остался отрезанным от дешевого пути сообщения. Купцы быстро осознали свою недалекновидность, но было поздно. Так Переславль утратил свое торговое значение, захирел, а Сергиев Посад наоборот стал крупным развивающимся городом. Тогда узнали мы, что Боря — железнодорожник. Он представлял в голове чуть ли не всю сеть железных дорог СССР, помнил истории строительства многих участков с царских времен. Посмеиваясь в усы, мог начать интересный рассказ, но почему-то все время стеснялся, вдруг осекался и бормотал: «Ну ладно, ладно, что-то я разболтался». Ему было тяжело много ходить, он быстро уставал, запыхивался, но изо всех сил старался не быть обузой, не помешать осуществлению наших планов. И выдержал ту поездку героически.

Долгое время Боря старался попадать чуть ли не на все службы, особенно Великим постом. Считал для себя обязательным участвовать во всех реколлекциях, говениях в храме, воскресных беседах, очень любил, когда их вел отец Георгий. Все эти годы каждую неделю мы встречались в группе чтения Евангелия, разбирали смысл православных служб. Боря удивлял своей эрудированностью. Эта активность, жажда разобраться в себе, понимать, что происходит в церкви, вместе с усвоенной с юности тягой к чтению позволили ему в короткое время полнокровно войти в церковную жизнь. Он решился на глубинную духовную работу, на развитие личностных отношений с Богом.

Довольно быстро все поняли, что здоровье у Бореньки сильно подорвано. Его случайно обнаруживали на улице или в каком-нибудь углу согнутым, держащимся за грудь, ловящего ртом воздух. «Ничего, ничего», — бормотал он, — «я сейчас, сейчас». Его буквально заставили ходить по врачам. Но приступы повторялись все чаще, Боре становилось все хуже, он уже и сам приуныл и не верил в успех лечения. Все очень боялись за него, переживали, усердно молились. К этому времени на обеды приходили сотни людей, зимой их число доходило до пятисот, ели стоя, иногда в коридоре. Нервная и физическая нагрузка была колоссальная. Сезон мы выдержали, наступил желанный летний перерыв. После него Боря вернулся посвежевший, бодрый. Господь ли запретил недугу, дало ли результат лечение, повлиял ли отдых, но Боречка снова был стремителен, вездесущ, незаменим. Ему было даровано еще около десяти лет жизни...

Возможно после этого Боря считал себя просто обязанным ходить на служение. Однажды зимой он появился с опозданием, невеселый, с извиняющимся видом. Куда девалась его прыть? Он был не похож на себя. В какой-то момент мы поняли, что Боречка болен, у него сильный жар. Решили не отпускать его одного. Он забился, как птица, стал отказываться, попытался «сбежать», но силы его оставили. Готовый прийти на помощь любому, он сам не принимал помощи. Стремившийся носить бремена других, он закрывался, ничего не рассказывал о себе, стеснялся своих немощей. Его нарочитая,



чрезмерная самостоятельность была продиктована боязнью быть кому-то в тягость. «Я вас подвел», — бессильно бормотал Боря. Вдвоем с Танечкой Васильевой мы под руки повели Борю из храма.

Жил он у Белорусского вокзала на пятом этаже неестественно высокой пятиэтажки. Старый дом, без лифта, квартиры с пятиметровыми потолками, ступеньки нестандартно высокие... За время нашего восхождения по крутым лестничным пролетам мы несколько раз останавливались в изнеможении и одинаково думали, что здесь недолго и Богу душу отдать. Дома у Бори нас встретила очень скудная обстановка. Он жил один. Главное богатство — книги. На кухне — никакой еды. Танечка, как будто предвидела, захватила с собой продукты. Мы уложили Бореньку, стали лечить. К вечеру температура снизилась, он повеселел, стал показывать любимые книжки. С молодости Борис Евгеньевич увлекался философией. Он был знаком с Алексеем Федоровичем Лосевым, и даже опубликовал свой труд, посвященный вопросам языкознания, как помнится, в журнале «Вопросы философии». Там он высказал несвоевременные идеи и больше не печатался. В пожелтевший экземпляр Бориной статьи были вдавлены карандашные пометки.

Как молодой, увлеченный филолог стал железнодорожником, так и осталось для нас загадкой. Окна смотрели на вокзальные пути, то и дело подходили поезда, голос из репродуктора сообщал, на какой путь прибывает такой-то поезд. «В этом доме могут жить только железнодорожники», — смеясь, объяснил Боря. Поезда идут круглосуточно, объявляют днем и ночью. Нормальный человек с ума сойдет, а железнодорожник и во сне представляет, путь и время следования объявленного поезда.

После этого посещения Боря открылся по-новому. Он нес тяжелый груз тревог и переживаний за отдельно живших жену и дочь, одиноко противостоял своим недугам, преодолевал все трудности необустроенного жилья. Но почти никто этого не знал и не чувствовал за его щедрой душевностью и самоиронией. Непропорциональная благодарность Бори за ничтожную поддержку, внимание, ласковое слово, да одержимость в работе выдавали его душевную боль. Каждый приступ стенокардии не останавливал, а прищипоривал. Он торопился жить, трудился и служил до упаду.

Года три назад врачи нашли онкологию у Бориной жены. Он стал регулярно ездить к ней в больницу. На служение приходил также первым, также стремился все успеть, но уходил раньше, был задумчив, грустил. Еще через год Господь озарил радостью его жизнь, у Бори родился внук. «Мой генерал», — торжествовал Боря. Теперь он был востребован в семье, ездил ухаживать за женой и нянчить внука, как на работу. Его брали летом на дачу. Борис Евгеньевич разрывался. Пропустить служение он считал чуть ли не предательством, а на все сил катастрофически не хватало. Весной он печально сказал Надюшке Маркиной: «Наверное, в следующем сезоне я уже не буду кормить». Надя стала утешать: «Да что ты, Боренька, ты только сбавь обороты». Но Боря не мог этого сделать, он на этих оборотах держался.

У многих из нашего служения нарастала тревога оттого, что он так безоглядно себя тратит. Хотелось его уберечь, хотелось как можно дольше продлить чудо Боренькиного пребывания среди нас. Известие о его кончине оглушило тупой болью утраты. Надюшка выразила это так: «Боря — это не просто прихожанин, участник служения, — это особое пространство доброжелательности, тепла, заботы, любви. И мы были внутри этого пространства. Теперь его нет, и все ощутили осиротелость без Бори». Как-то незаметно «отец Борис» многих усыновил и удочерил. Самые разные люди вспоминают, как он встречал, радостно приветствовал при входе в храм, признаются, что без него вдруг стало как-то пусто, очень его не хватает. На служении бездомный попросил позвать «отца Бориса», чтобы получить очки. Когда ему сообщили, что Борис Евгеньевич скончался, этот мужчина горько заплакал...

Женя Васильев посвятил Боре это стихотворение:

Певчие славили, бас призывал,
Свечи трещали, воск плавился.
Он в тысячный раз литургию стоял
И Тайной Вечере кланялся.

Среди своих сестер и братьев своих —
Грели плечи ладонями руки —
Шел он к Причастию, видя двоих:
Себя в бледном свете и в ярком Того,
Кто Своею любовью казнил врагов,

Им отдаваясь на муки.
Он не стремился у Чаши быть первым,
Последним? — не видел причин.
Был он со всеми, со всеми, со всеми...

И с Богом — один на один!

«Вот таким он вошел в мою жизнь, таким в ней и останется», — добавил Женя. И для всех, кто знал Борю, он остается в памяти сердца таким же живым, сопереживающим и любящим.

*Воспоминания скорбящих братьев и сестер
группы кормления бездомных
собрал Константин Мурашов.
Фото Анатолия Козлова.*



Какие вызовы стоят перед Русской Церковью?

Семинар в московском Центре Карнеги

«Духовно-нравственная эволюция России в XX веке: вызовы для Церкви» — доклад на такую тему был представлен 14 октября для обсуждения на семинаре в Московском центре Карнеги. Автор — сотрудник Патриаршего центра духовного развития детей и молодежи (ЦДРМ), игумен Петр (Мещеринов) поставил вопрос о духовно-нравственном состоянии современного российского общества. Тема звучала бы вполне тривиально, если бы священник не предложил новый ракурс рассмотрения проблемы: насколько адекватно Церковь оценивает состояние того народа, к которому обращено ее миссионерское слово? Насколько осознаны в Церкви те задачи, которые ставит перед ней непаканое «миссионерское поле»?

По наблюдениям докладчика, в церковной среде существует «некий соблазн отождествления сегодняшнего населения постсоветского пространства с мифическим «народом-богоносцем», с подданными Российской империи конца XIX — начала XX века» — носителями «генетического православия», которые, сбросив с себя «семидесятилетний морок безбожия», готовы к восстановлению «Святой Руси», так сказать, по определению. То, что духовное состояние народа кардинально изменилось по сравнению с позапрошлым веком, оказывается для многих далеко не очевидным.

Однако, как утверждает игумен, миссионерскую стратегию сегодня невозможно разрабатывать без учета того, что «лучшие качества русского народа оказались безжалостно растоптанными, выкорчеванными и уничтоженными; худшие же качества были культивированы и развились до крайней степени».

Последний тезис о. Петр подтверждает выводами авторитетных историков и социологов (А. Рогинского, Г. Мирского, прот. Георгия Митрофанова, Б. Дубина, Л. Гудкова), которые свидетельствуют: в XX в. в России был уничтожен «золотой фонд нации», на место «выкорчеванных традиций 900-летней национальной жизни» пришли «тотальный разрыв между мыслями, словами и делами, безответственность, идеологичность, стадность, неуважение к личности, антисолидарность, страх и т.д.». Постсоветское время не принесло ожидаемого возрождения нравственности, духовности и дореволюционных традиций, продолжает автор доклада, напротив: «вынужденный советский аскетизм» сменился потребительским бумом, усугубленным «безудержным развитием всех советских не преодоленных комплексов». «Если и предполагать некое наличие «Святой Руси» в дореволюционное время, то абсолютно очевидно, что эта «Святая Русь» в советский период была разрушена настолько, что её совершенно не осталось ни в явном, ни в каком-то сокрытом виде», — сказал священник.

С одной стороны, осмысление советского прошлого в Церкви, несомненно, происходит (автор привел примеры из интервью Патриарха Кирилла о трагедии XX века, о войне 1941-1945 гг., из высказываний митрополита Илариона о сути сталинского и гитлеровского режимов). С другой стороны, критическая позиция священноначалия по отношению к советскому периоду подвергается нападкам не только во внешней, но и в церковной среде (что было аргументировано рядом показательных текстов, а также проиллюстрировано прямо на семинаре возмущенной репликой одного из участников: «Когда вы, церковники, перестанете обливать грязью наше советское прошлое?!»), и иерархии приходится с этим считаться. В результате, по выражению о. Петра, «вопрос исторической оценки нашего недавнего прошлого повисает в воздухе», и это первый вызов для Церкви.

Но так ли это важно для церковного сознания, для содержания миссионерского слова Церкви? Докладчик уверен, что речь идет о мимикрии «советского» в «церковное»: когда советский коллективизм угнездился в церковной жизни под вывеской «соборности», общественная и гражданская пассивность стала «смирением», безответственность — «послушанием», идеологичность превратилась в «борьбу за православие» и т.д. Яркий пример такого рода, когда «идеологемы важнее Евангелия» — недавняя история с предпринимателем Василием Бойко, который принуждал своих работников к венчанию и участию в

церковной жизни. По мнению о. Петра, этот «православный» поступок — «чисто советский в своей основе, уж никакой не христианский». Однако реакция на него в церковной среде не была однозначной: известные пастыри высказывались в диапазоне от осуждения до поддержки. Последнее свидетельствует о том, что «религиозная суть Церкви подменяется секуляризмом, а Церковь превращается в субкультуру», и это, как определяет игумен Петр, второй вызов, который бросает Церкви сегодняшний день.

Третий же вызов — это «некая зачарованность народом: служение не Богу и Церкви, не долгу, не чести, не призванию, а именно народу», что также можно считать «вполне советской идеей». Докладчик отнюдь не подвергает сомнению, что Церковь должна быть вместе со своим народом, но — «служу Христу в своём народе», так, чтобы «служение народу» не превратилось в «потакание наличного состояния населения», чтобы не было выхолащено «религиозное, вселенское, наднациональное содержание Церкви».

Всё это влечёт за собой и четвёртый вызов — нравственную «нестыковку» Церкви и общества. По словам о. Петра, в обществе очевиден «острый запрос нравственной оценки современности». Церковь же по самой своей природе — единственная сила, которая должна «говорить слово правды», однако этого пока не происходит. «Российские православные христиане, разделив со всем обществом тяжкое растление советским, а затем и постсоветским временем, зачарованные идеей «служения народу», не решившись настоять на евангельской исторической оценке XX века, тем самым не аккумулировали в своей Церкви сил, чтобы дать нравственную и духовную оценку современности и явить делом противостояние духу лжи, корысти и нечеловеколюбия, который составляет сегодня основу российской жизни. Эта неспособность Церкви очень заметна людям», — сказал далее о. Петр. По его наблюдениям, в условиях «неопределённости Церкви по многим вопросам» «печалование» за беззачитных берут на себя люди, позиционирующие себя как очевидно невоцерковлённые и даже как агностики (некоторые публицисты, правозащитники и др.) Как подчеркнул докладчик во время дискуссии, «огромная историческая инерция заставляет Церковь идти вслед за общественным процессом», не позволяет ей духовно возглавить народ.

Отсюда следует и пятый вызов, который о. Петр считает самым существенным для миссии: «Церковь плохо оценивает сегодняшние общественные настроения, а они таковы: многие воспринимают Христа и Русскую Церковь как разные явления». Свое утверждение докладчик подтвердил характерными публичными высказываниями и статистикой ВЦИОМ (от 2007 г.), согласно которой большинство россиян не считают Церковь источником моральных ценностей. В результате, по мнению докладчика, можно говорить о «коммуникативной нестыковке»: ни Церковь с точностью не представляет, к кому она обращает свое слово; ни общество не готово воспринимать слово Церкви.

Свой анализ автор закончил на оптимистической ноте: он подчеркнул, что нынешнее время, которое является «благоприятнейшим для Церкви» во всех отношениях, дает все возможности для осознания и преодоления всех перечисленных вызовов.

Дискуссия по докладу о. Петра оказалась как никогда оживленной: с вопросами и репликами выступило более 15 человек — историков, религиозов, социологов, журналистов. Со своей стороны, обсуждавшие сформулировали еще несколько вызовов, которые они считают первоочередными для РПЦ. Многие пытались узнать у о. Петра, существуют ли собственно церковные аналитики, работающие над затронутой темой. Докладчик выразил надежду, что серьезный аналитический процесс будет иметь место в новых церковных институтах: Межсоборном присутствии и Комиссии по составлению нового катехизиса Русской Православной Церкви.

Юлия Зайцева
Благовест-инфо



Олег Степурко

Музыка в Царстве

И видел я как бы стеклянное море, смешанное с огнем; и победившие зверя и образ его, и начертание его и число имени его, стоят на этом стеклянном море, держа гусли Божии» (Откр. 15:1,2).

Музыка в Царстве Божиим, – разве можно об этом писать? Наверное, о том, что звучит в Царстве Божиим, мог бы рассказать апостол Павел, который был восхищен до седьмого неба, или люди, имеющие такой же опыт Царствия уже на земле, про которых сказано: *«Есть некоторые из стоящих здесь, которые не вкусят смерти, как уже увидят Царство Божие, пришедшее в силе»* (Мк. 9: 1). Ну, ещё конечно, мы можем судить о том, какое место музыка занимает в Царстве из Библии. Так в 15 главе Апокалипсиса говорится о том, что *«...победившие зверя и образ его, и начертание его и число имени его, стоят на этом стеклянном море, держа гусли Божии... И поют песнь Моисея, раба Божия, и песнь Агнца»*.

«Что это значит? – спрашивает о. Александр Мень в своих комментариях на Апокалипсис, и отвечает – это песнь избавления, когда люди божии прошли через Чёрное море, прошли через испытания, вырвались из рабства и отправились на землю обетованную. Это песнь искупления, избавления и небесной защиты».

Выходит так, что Царство – это победа, а чувство победы можно выразить только музыкой, да ещё при этом, оказывается, нужно аккомпанировать на гуслях. Мартин Лютер говорил: «Музыка – служанка богословия», значит, некоторые аспекты жизни с Богом можно только пропеть, сыграть или услышать...

В связи с этим интересно, как о. Александр Мень одной своей прихожанке во сне, через музыку, показал блаженство Царствия. Так Оля П. рассказала мне фантастический сон. После гибели о.А. плакала с утра до вечера без остановки.



На девятый день о.А. ей приснился. Он стоял в кабинете, в котором было много книг. Оля спрашивает: «Чем вы занимаетесь?» О.А. сказал: «Сейчас я тебе покажу. Видишь, я пишу «Книгу судеб детей моего прихода». И когда он открыл эту книгу, то зазвучала божественная одноголосная мелодия, эта музыка стала входить в каждую клеточку её тела, наполняя её невыразимой радостью. Тут о. А. сказал: «Слушай, про тебя здесь тоже написано, я могу показать». И когда она пошла ему навстречу, музыка из одноголосной, превратилась в многоголосную, и все эти мелодии с такой силой начали наполнять её блаженством, что она поняла, – вот сейчас я умру, – просто не выдержу этого счастья и блаженства. Тут о.А., как бы спохватившись, говорит: «А, ну да, тебе еще рано, стой на месте». Она после этого проснулась. Он пишет «Книгу судеб детей своего прихода», а радость Царства о. А. ей дал почувствовать через звуки.

Удивительный опыт Иисуса, Который учит петь, рассказала Нина Копцева, которая 10 лет работала в христианской миссии в Азербайджане. Там они опекали умственно отсталых детей, которых, поскольку они не помнят своих родителей, после детского дома отправляли навсегда, как в склеп, в инвалидный дом. И одна из таких девочек, её звали Мария, сбежала из этого дома и пришла к ним в церковь. И когда её спросили, как она стала верующей, она сказала, что узнала Бога в самом раннем детстве.

А это было так. Когда Маше было четыре года она писалась в кровать, и воспитатели каждый вечер запирали в туалете и при этом говорили: «Пока всё не сделаешь, не пойдёшь спать». Они туда её посадят, а сами пойдут пить чай и забудут про неё.

И в этом мокром, страшном, грязном туалете она сидит и плачет. И когда ей стало совсем невыносимо, она начала звать Бога: «Аллах! Аллах!» (тогда Маша только по-азербайджански говорила). И Бог к ней пришёл... и стал её учить петь. И она полюбила находиться в туалете, потому что она там сидела и пела вместе с Ним. Эта была её тайна – никто никогда этого не знал. А она любила уходить в туалет и там распевать песни, даже, когда её уже там не запирали.

И потом, когда ей уже было лет 14, появилась наша команда из Библейскогоного института с гуппомощью и чтобы открыть библейский кружок, (тогда ещё разрешали). И когда мы начали изучать Евангелие, она прибежала туда первая и совершенно обалдела, потому что узнала в Иисусе Христе... того Бога, который к ней приходил и учил её петь. И Маша стала всё читать про своего Учителя пения и до сих пор очень любит Библию.

Но у неё была мечта – петь. А кто её возьмёт петь, ведь она из дома для умственно-отсталых и всего 4 класса образования, но Божественный Учитель сделал и это чудо. И теперь Маша поёт на сцене и в церковном хоре.

Значит, получается, что если кто-то не слышит Божественного Учителя и не понимает Его музыку, не может присоединиться к Небесным гуслистам.

Мой отец вел дневник, и, уже после его смерти, я прочел в нем один эпизод, который меня сильно взволновал. В 1948 году он за сверхурочную работу был награжден буханкой черного хлеба. Этому событию он посвятил целую страницу!

После того, как Сталин нахамил союзникам и страна лишилась американской помощи, люди голодали сильней,

чем во время войны, к этому добавились разруха и обезлюживание целых областей. Но именно в этом году ЦК ВКП(б) начинает гонения на культуру. Вспомним хотя бы знаменитое выступление Жданова против Ахматовой и Зощенко. Тогда же ЦК на съезде композиторов подвергает обструкции творчество Шостаковича и Прокофьева, обвинив их в «формализме».

Удивительно, что высшие руководители страны всерьез обсуждают музыкаведческие проблемы, оперируя в докладе такими понятиями, как: консонанс, диссонанс, ритм, мелодия, доминантсептаккорд, лад, атональность, дисгармония. Наблюдается странная закономерность: после кукурузного провала Хрущев разгромил художников-авангардистов и запретил джаз, а после развала экономики Черненко накрыл «медным тазом» рок. Объяснение этому феномену можно найти в Апокалипсисе. В 14-й главе говорится о гуслистах, которые поют перед престолом новую песнь, и никто не мог научиться этой песне, кроме тех, кто не осквернился в блудодеянии, которое на библейском языке означает идолопоклонство.

И есть только один вывод: или песня обличает меня в грехе, и мне нужно покаяться, или: я хорош, а песня нет. И тогда её нужно уничтожить, чем и занялся ЦК КПСС. И не надо думать, что партийные чиновники – дураки, – нет, они шкурой чувствовали, что Прокофьев и Шостакович на самом деле написали их погребальную песнь, и они бросились её глушить, срочно выучив музыкальные термины.

Мы поем новую песню, потому что у нас есть, о чем петь, – Бог совершил новые дела! И это я отчётливо понял па службе в лютеранской церкви в Чехии, где до сих пор практикуют лютеранские хоралы. Настолько эти песнопения архаичны и насколько они утратили эмоциональный пафос «поющей Церкви», неповоротливая мелодия, гармония, как в школьных задачах, невыразительная интонация.

Почему именно новый музыкальный язык так важен для Церкви? Потому, что выросло невербальное поколение. Нынешняя молодёжь не глупее нас, может, даже умнее и что-то лучше понимает, но она не читает. Наши дети получают информацию через музыку – это другой канал, но он тоже очень сильно развивается и память, и интеллект, и сердце. Это не хорошо и не плохо – просто такое время. Какая разница, через что пройдёт Божий Дух: через слово или через мелодию? Мне кажется, это неважно. А важно для нас, поймём мы это или нет, сумеем использовать для проповеди Евангелия – или опять наша страна будет деевангелизирована и всё повторится: революции, сломы и чудовищные кровавые бани.

К сожалению, Церковь перестала быть источником идей для музыки. Последний раз это случилось во времена Реформации, когда народ превратился из объекта манипуляции иерархии в субъект литургического действия. И в Церкви родился лютеранский хорал, из которого, как дуб из желудя, взмошел Бах. И после Баха, со времени Просвещения, музыка искала источник вдохновения вне Церкви, и видно, как пагубно сказалась секуляризация на ней самой. Как постепенно от нее отходил Дух, и как она сначала разделилась на цех композиторов и исполнителей, а затем музыкант из волшебника и тайновидца, какими были Орфей и Садко, превратился в винтик бюрократической машины под названием «симфонический

оркестр», в котором – шаг в сторону от нотного текста, – и конвоир-дирижер стреляет без предупреждения. Потом, лишившись Духа, чтобы удержать внимание слушателей, начали лихорадочную погоню за новизной.

Отец Александр Мень говорил мне, что если в эпоху барокко музыканты не боялись говорить на одном языке, то сейчас каждый композитор вырабатывает свой собственный язык. «Во многом, – говорил отец Александр, – это связано с тем, что в то время не было таких средств коммуникации».

Но, может, это еще происходит потому, что музыка, потеряв связь с Источником Воды Живой, вынуждена концентрировать внимание на внешней стороне, какой является форма.

В наше время новый импульс для музыкального возрождения вышел из Церкви. Это случилось в Америке, когда там возникло евангелическое движение «второе пробуждение», которое практиковало экстатические формы молитвы и в котором участвовало черное население Соединенных Штатов. В этих Церквях возникли духовные песнопения – «спиричуэлс», на основе которых выкристаллизовался блюз.

Блюз, в свою очередь, породил джаз и рок. Именно в этих жанрах исчезло разделение на композиторов и исполнителей. В них к музыкантам вернулась импровизация, которая существовала во времена Баха.

Отец Александр Мень писал: «Высшее начало проявляется и в Аполлоне, и в Дионисе, то есть и в просветленном разуме, и в пламенеющей стихии».

И если симфоническая музыка – это аполлоническая сфера отточенной формы и гармонии, то джаз и рок – это дионисийская сфера импровизации и пламенной энергетики.

Сейчас много раздаётся голосов в Церкви, обличающих рок, как сатанинскую музыку, подрывающую нравственные основы молодежи.

Любопытно, что именно Александр Мень попросил меня ответить на письмо католического священника Жана Поля Рожембаля, обвиняющего рок во всех грехах и даже в насилии над подсознанием человека.

Когда я писал этот ответ, то отметил два основных момента. Во-первых, рок помогает подростку проходить через умирание детства во взрослую жизнь (как говорят психологи – «условная смерть»). В известной книге Пауэлла «Почему я боюсь любить» описан интересный психологический феномен: когда человек попадает в ситуацию крушения его привычного мира (узнает, например, что неизлечимо болен, или от него ушла жена и т.п.), он проходит четыре стадии. Первая – бунт, взрыв, истерика. Вторая – торг (почему – я, а не сосед?), мысленные сделки с жизнью (уйду в монастырь, перестану лгать и т.д.). Третья – депрессия. И, наконец, последняя – принятие своей судьбы, примирение. Ни одну из этих стадий нельзя миновать. И подростку необходима стадия бунта, ему нужно «прокричать», изжить эту боль, чтобы перейти к следующему этапу и постепенному взрослению. Рок – идеальный способ пройти первую стадию, и если запретить слушать рок-музыку, то они все время будут ходить по кругу: торговаться, депрессировать, опять бунтовать, а взросление так и не наступит. Во-вторых, я отметил то, что все так называемые богоборческие тексты появились в роке, как реакция на веру их отцов, «воскресных христиан», у которых жизнь не совпадает с их верой. Вот дети так эпатируют своих отцов.

Любопытно, что если на Западе рок принял богоборческую окраску, в СССР, наоборот: христианскую - ибо так могли дразнить своих отцов-коммунистов их дети. Достаточно вспомнить песню Б. Гребенщикова "Серебро Господа моего" или песню лидера группы ДДТ Ю. Шевчука "Вперед, Христос, мы за Тобой. Откроем небо добротой!"

"Не желая уступить демонам ни аполлонического Сократа, ни дионисического Эсхила, - писал Г. Федотов, - мы, христиане, можем дать истинные имена божественным силам, действовавшим и, по апостолу Павлу, в дохристианской культуре. Это имена Логоса и Духа. Одно знаменует порядок, стройность, гармонию, другое - вдохновение, вос-торг, творческий порыв."

Я думаю, что и нам не следует отдавать рок-музыку демонам, но научиться говорить на этом языке. Ибо миссионер, прежде чем идти к туземцам, должен выучить их язык. Нам же, чтобы быть услышанными нашими детьми, нужно знать их культуру, одна из составляющих которой - рок.

Интересно, что отец Александр не стал меня ломать и предложил применить свой джазовый талант в приходе. Так нам удалось создать уникальную форму христианского воспитания. Мы с детьми ставили музыкальные постановки, вдохновителем которых был отец Александр. В них ребенок из объекта манипуляции педагога превращается в субъект священной истории, который переживает ее вместе со своим священным персонажем.

Первой такой постановкой стала "Рождественская Мистерия". Поскольку все происходило в условиях подполья, то основные персонажи репетировали свои роли заранее, а второстепенные - волхвы, пастухи, жители Иерусалима - вводились сразу во время спектакля. (Этот принцип "вставных персонажей" сохранился и до нынешних дней: так, на празднике Рождества в Республиканской Детской больнице, где дети нашего прихода показывали мистирию, пастухами и волхвами были ребята отделения рака крови.) Интересно, что на премьере - в те, подпольные годы - Младенец был живой: его одолжила одна из зрительниц... Так было поставлено шесть спектаклей, но самое интересное - это то, что отец Александр, как Небесный Покровитель, уже с неба смог этот приходской опыт распространить на всю страну.

Совершенно чудесным образом два этих спектакля - "Рождественская Мистерия" и "Царь Иудейский" - были поставлены на телевидении и транслировались на всю Россию.

Случилось, как в евангельской притче о талантах: "В малом ты был верен, над многим тебя поставлю" (Мф. 25:21). И это сейчас очень заметно, что те духовные дети отца Александра, которым удалось сохранить ему верность, получают от него небесные дары. И, наоборот: те, которые от него ушли, засыхают, как смоковница.

Хочется рассказать о двух проектах, в создании которых принимал участие продюсер Игорь Королев. Двойной виниловый диск "Антология христианского рока в России", в котором приняли участие более 17 групп, и компакт-диск "Антология нетрадиционной духовной музыки в России". Знаменательно, что в него вошли песни рок-идолов России: Гребенщикова, Башлачева, группы "Калинов мост", которые перемежаются отрывками из выступлений отца Александра, посвященными Церкви и культуре.

Знаменательно также, что музыканты отдали свои песни безвозмездно в Фонд



отца Александра Меня, чтобы на сбор от диска можно было издавать книги отца Александра.

Конечно, некоторые могут сказать: «Ну как можно ввести в Церковь молодёжную музыку?» И будет прав, наверное в храмовое богослужение это не нужно делать, но вне храма эта музыка вполне уместна. Так я выступал с джазовыми ариями на рождественской молодёжной встрече, которую устроил молодёжный отдел патриархии и проходил он в паломническом центре.

На Западе Церковь не боится говорить с молодыми на их языке. Есть, например, во Франции община Тезе, где используют элементы молодёжной культуры. Их музыка — это не сквозные мелодии, а риффы — повторяющиеся мотивы, наподобие мантр, на которых построена и рок-музыка. Причём на фоне этих рифов поют солисты юбиляции, как в джазе на гармонию темы импровизируют солисты. Эффект многотысячного хора создаёт общее поле молитвы, которое уносит человека ввысь. Я не мог оторвать детей от такой молитвы, длившейся несколько часов, — значит, подростки хотят и могут жить молитвенной жизнью, только надо находить приемлемые для них формы.

Есть движение фоколаров, практикующее совместные молитвы на стадионах, где звучат не «трэш», не «хард-рок», а гармоничные формы рока. Есть множество других христианских движений, привлекающих молодёжь с помощью музыки.

Например, грандиозные стадионные фестивали молодёжной христианской музыки, которые устраивает польский рок-барабанщик Ян Будяшек. Весь стадион поёт современные песни, основанные на рок ритмах, и возникает молитвенной поле такой силы, что на этих концертах всегда бывают исцеления. Так этим летом один украинский верующий еле добрался до фестиваля на костылях, а вернулся домой на своих ногах. И один из лозунгов этого фестиваля озвучил сам Ян Будяшек:

Пространство между Богом и человеком может заполниться только пением.

Вот почему все праведники поют новую песнь победы, которую когда-нибудь мы споём вместе с ними. И пусть кто-то не умеет петь, это не страшно. Ведь у нас есть Такой Божественный Учитель пения, с Которым мы вместе споём песню Победы в Его Царствии.

(С разрешения журнала «Решение»)

Рисунки Раисы Гершон

Радостная весть: Пасху 2011 года мы будем встречать в Москве вместе с молодыми паломниками из Европы, они придут сюда с несколькими братьями общины Тэзе.

Связь между Тэзе и Россией продолжается уже много лет. Один из братьев, Кристоф, до того, как он пришел в общину, в конце войны, оказался в заключении в нашей стране. После войны он продолжил учебу и стал братом. И он сказал брату Роже: «Очень важно не забывать христиан, которые живут на Востоке». Он видел из лагеря купол православной церкви.

И брат Роже послал братьев посетить христиан в Польше, в Чехии. Это делалось тайно, у них были туристические визы.

В начале 70-х он послал четырех молодых людей (один из них потом стал братом) в Россию. С этого времени братья начали тайно посещать христиан в нашей стране.

В 1978 году брат Роже приехал сюда, был у владыки Никодима в Питере.

В 1988 году по приглашению патр. Пимена брат Роже принял участие в официальном праздновании 1000-летия Крещения Руси, побывал в Загорске. К этой дате в Тэзе с благословения ОВЦС напечатали миллион экземпляров Нового Завета в синодальном переводе и передали его в СССР в дар Русской Православной Церкви. Митрополит Филарет (Минский) приехал вскоре после этого в Тэзе с тем, чтобы благодарить общину, в

1989 г. был в Тэзе митр. Кирилл (Смоленский), он жил в доме братьев.

В начале 1990-го первые русские смогли участвовать во встречах, проводимых общиной Тэзе, в Линшопине (Швеция) и во Вроцлаве.

С 1990 года русские паломники стали приезжать в Тэзе. Молодежь из России, участвуя во встречах в Тэзе, делилась своим опытом православной веры с христианами из Европы.

Для братьев Тэзе очень важно, чтобы молодежь могла найти свой путь к приходу. Братья всегда подчеркивают: Тэзе — это не движение. Тэзе не хочет начинать группу или подворье именно Тэзе, но община хочет служить Христу через Церковь (это значит в России — православную церковь).

Брат Алоис, нынешний настоятель общины, очень хотел посетить друзей в России вместе с молодежью из разных стран Европы. И поэтому он будет вместе с несколькими братьями и молодежью на Пасху 2011 г. просто участвовать в жизни православных приходов на страстной неделе и в Пасхальную ночь.

Будем ждать паломников, чтобы вместе разделить радость Пасхи.

Семьи, которые готовы принимать у себя паломников, могут связаться с нашей прихожанкой Татьяной Мазевиной. Тел. 89163216980, эл. адрес tatamazepina@yandex.ru

Ольга Ерохина

Андрей Рублёв и мир русской культуры

С 17 по 22 октября в Калининграде, Вильнюсе и Клайпеде (Литва) проходила международная научная конференция «Андрей Рублев и мир русской культуры: к 650-летию со дня рождения».

Конференция проводилась Калининградской и Вильнюсской епархиями РПЦ совместно с РГУ им. И. Канта при поддержке Генерального Консульства Литвы в Калининграде, министерства культуры Калининградской области и финансовой поддержке фонда «Русский мир».

Открытие конференции проходило в конференц-зале Калининградского собора Христа Спасителя. Конференция началась с молебна, который был совершен в нижнем храме Собора, в молебне приняли участие духовенство Калининградской епархии, организаторы и участники конференции. В начале конференции с приветственным словом к участникам обратился епископ Балтийский Серафим (Мелконян), который передал благословение Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла, а также подчеркнул важное значение проводимого мероприятия и пожелал всем плодотворной работы.

Первый день конференции получил название «Рублевские чтения в епархии», затем чтения проходили в Калининградском университете им. Иммануила Канта. Затем 21-22 октября ее работа продлилась уже в Литве.

Целью конференции было рассмотрение духовного наследия величайшего русского иконописца преп. Андрея Рублева и его влияние на основные направления развития русской культуры от древности до современного искусства, участники поднимали вопросы развития христианской культуры не только в России, но и распространения русской культуры за рубежом. Конференция объединила историков, филологов, культурологов, богословов, искусствоведов и педагогов России и русского зарубежья.

Конференция сопровождалась выставкой «Современная иконопись и храмоустроительство», которую привезли из Москвы, а также детскими рисунками, которые привезли с собой о. Владимир Артамонов, ди-

ректор школы им. Андрея Рублева в Клайпеде. В культурной программе конференции было выступление молодых музыкантов из Москвы — три (два альты и фортепиано) «Калассика-камерата» и из Петербурга семейное трио Захаровых (литературно-музыкальная композиция на пушкинские темы).

Вот перечень только небольшой части докладов:

Кутковой В.С., д.ф.н., (Новгород). «Некоторые богословские затруднения в понимании иконы «Святая Троица» преп. Андрея Рублева».

Языкова И.К., к.культ., (Москва). «Иконописное творчество сегодня: где пролегают границы канона».

Прот. Владимир Артамонов (Клайпеда). «Роль художественного мастерства в иконописи».

Борунов Д.А., архитектор (Пенза). «Канон в храмоустроении: в поисках идеальной модели христианского храма».

Лепяхин В. В., д.фил.н, (Венгрия). «Икона и русская словесность».

Шамардина Н.В., д.иск., (Калининград). «Актуальные проблемы реставрации икон».

Артамонова М.М., (Клайпеда). «Презентация книги «Мемель. Преображенный иконостас».

Моторин А. В., д.фил.н., (Новгород). «Образ Св. Троицы и живописание видений в древнерусском искусстве».

Берестнев Г.И. д.фил.н., (Калининград). «Мифы о русских пророчествах».

Мохначева М.П., (Москва). «Братья Мусины-Пушкины в истории РПЦЗ».

Кибальник С. А. д. фил.н., (Санкт-Петербург). «Гайто Газданов и литература в ее «русском понимании»».

Сузи В.Н., к.фил.н., (Петрозаводск). «Принцип христоцентризма в русской классической литературе».

Дорофеева Л.Г., к.фил.н., (Калининград). «Образ смиренного человека в древнерусской литературе».

Гаричева Е.А., д.фил.н., (Новгород). «Преображение личности в русских житиях и повестях 16-17 вв.»

Наш корр.

Курьер Господа

Есть такая сестра в нашем приходе – Валентина Исаева. В движении «Матери в молитве» она с самого начала. Многие ее знают, а кто-то, может быть, и не знает, и потому я хочу о ней немного рассказать.

Женщина она в зрелом возрасте. Когда в очках и улыбается, очень похожа на мать Марию Скобцову. И одарена таким же мужеством переносить тяготы жизни. Имеет она немалый букет болезней, которые все усугубляются. Живет она с мужем-алкоголиком. Но после тяжелой операции на сердце, когда она выхаживала его, как дитя, он перестал пить... (до времени). Но при всем этом она не замыкается на семейных проблемах, а находится в Богу и людям.

Есть в России город провинциальный — Вышний Волочек, со своей красивой историей, с монастырями, с водоемами и каналами. Сейчас город захирел, стоит неухоженный, правда, потихонечку начинается восстанавливаться. Уже восстановлен Троицкий Храм, возрождается женский монастырь Казанской Божьей Матери, отреставрирован пока наполовину.. Работы в городе почти нет, жители обеднели, много сирот. Есть и большая женская колония областного значения.

Так вот, Валентина родом из этого города. И росла, и училась, и войну пережила. Сейчас там проживает ее слепой старший брат с семьей. Валентина приезжает туда по два раза в год (как минимум). Ездит она не только к брату, но во множество других мест, где ее ждут, любят, надеются на нее: два детских учреждения, монастырь и тюрьма — она о них радеет. Хорошее слово радеет. Это ли не патриотизм? Не в пример тому патриотизму, который зиждется на неприятии (евреев, чеченцев, татар и проч.) — бывает и такое в нашей большой стране.

Вот и в этом году уже не раз она отправлялась в свой Вышний Волочек с большими сумками, в которых подарки — книги, крестики, иконки, детские вещи, игрушки и т.д. Благо находится, кому проводить и встретить.... И вот она обходит Вышний Волочек: детский дом, тюрьма, монастырь...

Сначала — детский дом, он имеет несколько шокирующее название: «Центр для умственно отсталых детей». Чаше всего их болезни — следствие церебрального паралича. Они все инвалиды: 80 лежачих, 80 — кое-как передвигаются, кто с костылями, кто в инвалидных колясках, кто по стеночке. Им много чего надо: игрушки, раскраски, карандаши, но более всего лекарства. На лекарства деньги иногда подкидывают люди из Московских социальных служб — уж они-то знают, что это такое.

Еще одно не веселое заведение — «Дом малюток», там обитают дети-отказники до четырех лет. Зрелище не для слабонервных: у кого большая голова (очень большая), у кого грыжа на позвоночнике, так что лежать может только на животе. Дети ухожены, в палатах чисто, дежурят молодые симпатичные сестрички. Они не охают и не плачут, а деток этих называют «наши ангелы». На сей день таких «ангелов» более 50-ти. Для них самое главное — памперсы. И на это у Валентины откуда-то деньги. Мы (наша группа «Маранафа») ведь немного собираем денег. Что-то собирают другие прихожане. Иногда батюшка или староста, Наталья Федоровна дадут. Но главное происходит умножение.... милосердия?

В монастырь Валентине надо успеть до всенощной, чтобы пообщаться с монахинями. Трудно им живется, спасает корова, которую они тоже должны прокормить, просят денег на сено. Валентина регулярно им подвозит простые темные одежды. Тоже каким-то образом одежда стекается в ее квартиру, она постоянно таскается с сумками. Что называется: с миру по нитке... воистину так. Большая благодать для нее посидеть в монастырской часовне, где хранятся мощи Блаженной Любушки. Там она молится и оставляет длинный список поминаний за страждущих и благотворителей.

И вот, наконец, добирается и до тюрьмы, что на окраине города. По договоренности с начальством ее туда пропускают в определенный день и час. Уже семь лет она ездит в эту женскую тюрьму строгого режима, где женщины, не в пример другим тюрьмам, слава Богу, работают и в пошивочных мастерских, и на огороде, и выпечкой занимаются, но сердца их скорбят и о своей

нескладной судьбе, и о детках оставленных. Валентина приглашает заключенных женщин помолиться в большом актовом зале, и они приходят, и молятся, собирается там до 200 человек. Какие слова она находит, чтобы пробиться к их сердцам? Она сама — мать и участвует в движение «Матери в молитве», в котором женщины вместе молятся за своих, часто неблагополучных, детей. Это ли не миссионерство? Полгода как открылся в тюрьме храм «св. Анастасии Узорешительницы». Сколько было хлопот и труда Валентины и служащего теперь здесь священника о. Олега. Помощники Валентины покупали иконы, крестики, молитвенники, Евангелия. Валентина заказывала облачение в Москве. И вот храм действует. К сожалению, поместиться в нем могут только 50 человек.

Конечно, когда Валентина едет туда на свое служение, молитвенная поддержка идет и из группы «Маранафа», и из групп «Матери в молитве» и от других наших прихожан, которые знают Валентину.

Я тоже молюсь: «Господи, помоги рабе Твоей Валентине, да отступятся от неё тяжкие недуги, она ведь такая верная ученица Твоя!».....Он мне отвечает: «Сила Моя в немощи свершается». Значит, дана эта сила. И я, глядя на мою сестру Валентину, убеждаюсь в этом.

Когда я писала эту заметку и «интервьюировала» Валентину, она сказала только одно: «Да, да скажи, что эти бедные дети всегда нуждаются в помощи..... А я?..... Что я?.... Клянчу у вас деньги, покупаю, отвожу, я — как курьер у Господа».

Воистину, Валентина Исаева — Курьер Господа.

А вот еще один случай. Прошедшей весной случилась беда у о. Гавриила из Тверской епархии — сгорела небольшая недавно восстановленная церковь и дом, где содержались и воспитывались мальчики из дома малюток. Девять мальчиков-отказников жили в этом доме. Там было просто и удобно: стояли кровати, столы, работала столовая и кухня. Батюшке помогали местные прихожанки, о. Гавриил называет их «матушками». И вдруг в одночасье все сгорело!

О. Гавриил — человек неунывающий, всегда на Бога уповает. Стал он звонить, искать, кто поможет. И вот ему дали телефон некой Валентины Сергеевны из Москвы. Откуда, кто дал? Валя даже не спрашивала. «От Бога» — говорит она. Узнав об этих несчастьях, собрала сочувствующих после Литургии. А в следующий выходной уже принесли белье, посуду, мальчужковые одежды. Пересмотрела Валентина и свой небогатый скарб: простыни и электромясорубку можно отдать... Что-то привезли к ней домой, а что-то самой тащить надо. При этом ей нельзя таскать тяжести — спина болит. На это она говорит: «Да, нельзя, но если очень нужно, то можно». А тут реколлеция храмовая — человек 200. Матушка Нона объявила о нуждах погорельцев. Собрали более двадцати тысяч рублей.

Через неделю приехал о. Гавриил—маленький, полный, очень подвижный батюшка, долго умилялся обилием икон и иконок на стенах Валиной комнаты... Попили чайку, поблагодарил за участие: «Да воздаст вам Господь за сироток. Надо мне теперь быстрее дом строить. Страненькому семь уже исполнилось. В этом году в школу пойдет»... Верим, что построят дом и будет там частичка нашего милосердия и Валиных забот. Ведь она курьер у Господа!

И вот уже в этом сентябре, Валентина, придя на «Маранафу», с порога объявила: «У кого есть 5 метров черной ткани? Подрысник надо пошить для одного бедного юноши, который поступил в семинарию». Странно, но почему-то ни у кого не оказалось пяти метров черной ткани. Собрали деньги. И никто не спрашивал: «Кто этот юноша? Откуда?» Просто Бог его к нам послал — значит — Надо! Курьер работает!

Если вы когда увидите Валентину в храме после Литургии, она сидит или стоит в правой стороне центральной части храма, помните, что у нее всегда есть нужда в помощниках «малым сим». И вы имеете шанс поучаствовать в делах милосердия.

Валентина Юдаева

Путь к Богу

Я хотел бы представить Вашему вниманию книгу прихожанки нашего храма «Ожерелье судьбы».

Автор, Марина Трапинина, неслучайно назвала её «сказкой для взрослых». Ведь не только дети любят читать сказки, иногда именно в этом жанре или в жанре притчи удаётся рассказать о самом важном. Героиня произведения, существо из иного мира, оказывается среди людей и пытается понять смысл нашей жизни и найти её цель. Действие происходит в девятнадцатом веке. Тогда главным в судьбе женщины, как правило, было удачное замужество. Девушка пытается найти свою половинку, пытается понять, что такое Любовь, по дороге к счастью её ждут и разочарования, и открытия. Она встречает разных людей. Но самое главное, она находит свой путь к Богу. В этом ей

помогает крёстная, приютившая девушку, и монахини, оказавшие ей поддержку в самых трудных жизненных ситуациях. Сказка написана в стиле романтической литературы конца девятнадцатого — начала двадцатого века. В ней можно увидеть аллюзии на произведения Андерсена и Александра Грина. Автору удалось, на мой взгляд, образ главной героини — доброй, наивной, невинной и бесхитростной девушки. Он мог бы служить нашим современникам образцом для подражания. Эта сказка из тех, что заставляет нас задуматься, а, может быть, даже и измениться. Книга, выпущенная издательством «Волшебный фонарь», оформлена в стиле искусства Серебряного века.

Николай Мандрькин

Радуга в воде

Размышления по прочтении книги
В. Зелинского «Взыскую лица твоего»

Очень надеюсь, что тема Божьего присутствия в окружающем мире, окажется близкой кому-то еще. Таковым могу порекомендовать книгу о. Владимира Зелинского «Взыскую лица Твоего», которую я прочла на одном дыхании, поскольку нашла в ней немало созвучного своим размышлениям на эту тему. В этой книге есть замечательная мысль: Творец как бы скрылся, спрятался в Своем творении, но в то же время оставил в нем следы Своего пребывания, для того, чтобы мы искали и находили Его.

И вот я смогла в этом убедиться этим летом. Сколько раз видели мы на небе радугу — трудно подсчитать. И каждый раз она вызывает у нас радость, потому что это всегда напоминание о том союзе, который Бог заключил когда-то с человечеством. А я вот наблюдала радугу в воде. Вы можете подумать, что это было просто отражение. Ничуть не бывало. Радуга (причем вовсе не дуга, а чуть изогнутая прямая линия, удивившая в толщу воды) появилась у кормы нашего катера, когда мы плыли по Куршскому заливу, удаляясь от полосы дюн, в прекрасную солнечную погоду. Безусловно, здесь был какой-то физический эффект (не

берусь судить об этом не будучи специалистом). Однако сам по себе факт появления радуги в воде почему-то произвел на меня сильное впечатление. Удивительно было то, что она менялась в зависимости от того, как я на нее смотрела. Если взгляд был внимательным, сосредоточенным, она начинала ярко сиять всеми своими семью цветами. Если же он был поверхностным, рассеянным — она сразу тускнела. И я подумала: насколько же важно то, каким взглядом смотрим мы на мир вокруг. Ведь нас всегда окружают знаки Божьего присутствия, через которые Он подает нам весточку о Себе. Умеем ли мы их читать, понимать их? Этот вопрос давно волнует меня. Потому видимо так легла мне на душу эта радуга в воде. Этот вопрос волнует и о. Владимира Зелинского, написавшего замечательную книгу «Взыскую лица твоего», в которой он так ненавязчиво учит нас всматриваться в Божье творение, и учиться видеть в нем Лик Творца. Так давайте же будем просить Господа о даровании нам этого взгляда, проникающего через внешнее во внутреннее, умеющего видеть во временном — вечное.

Лидия Маянц

Где Мурка?

Мурка появилась неожиданно. В один из осенних дней 1992 года пришла продавец книг из киоска на улице Татьяна Корнеева с маленьким котёнком на руках. Она сказала, что нашла его на крыше киоска. Отец Александр пожалел несчастную трёхцветную кошечку и оставил в храме, назвав Муркой.

Кошечка оказалась оченьмышлёной, но не особенно ласковой. Наверное нет ни одного работающего в храме, кого она не укусила. Три раза в год она приносила по четыре котёнка, достаточно страшненьких. И отец Александр после службы уговаривал прихожан разобрать котят.

Мурка исправно работала в храме. Ловко ловила мышей, а иногда и воробышков. Крыс она боялась. Однажды я увидела, войдя на кухню, Мурку, сидящую на окне, а внизу из её миски ела крыса.

А самое главное — это то, что Мурка посещала все богослужения. Все помнят, как она неторопливой походкой направлялась к алтарю. Её можно было сколько угодно относить и запираить. Она всё равно приходила и садилась.

Такая была замечательная кошка.

Мурка пребывает теперь на «луговине той, где время не бежит» (О. Э. Мандельштам).

Ирина Богомалова



Книжный развал

О легендарном епископе Ермогене

Сергей Бычков. Освобождение от иллюзий.
М.: «Тэтис Паблишн», 2010.

Опять погрузиться в 60-е годы, когда позиция советчине была общей, еще не произошла специализация на демократическую, церковную, национальные... когда письма Эшлимана и Якунина читались не менее жадно, чем стенограмма процесса Бродского и протесты генерала Григоренко. Новая книга историка Сергея Быčkova посвящена легендарному епископу Ермогену; тогда из разных слухов у меня составилось о нем представление как о герое, не подчинившемся кагебят, даже прорывавшем время от времени их сложную железную паутину... И наконец, уморенном где-то в монастыре, – наподобие Максима Грека, которого, осужденного церковным начальством средних веков, братия «пытала дымом»...

Книга Быčkova возвращает к реальности советских лет. Епископ Ермоген (Голубев) был приговорен к расстрелу в 1931-м, год просидел смертником и затем отправлен в лагерь на 10 лет, из которого он был спустя 9 лет выпущен в ссылку умирающим. (В книге, кстати, воспроизводится справка об освобождении, подписанная опером Гулага Алксне, – помнится, был журналист Алкнес... родственники?) В 50-е годы он уже в Средней Азии и епископ, и действует самостоятельно, вплоть до строительства соборов в Ашхабаде и Ташкенте... Переведенный в Омск и затем в Калугу, он, в конце концов, уволен в 65-м: кагебят видели в нем лидера борьбы горстки епископов против манипуляции церковью, превращенную в орудие – контроля внутри страны и «борьбы за мир» и шпионажа за ее пределами... Поселенный в Жировицком монастыре (Украина), епископ Ермоген оставался самим собой: «...в монастыре собираются люди, которые под видом богомолья ведут антисоветские разговоры...», – сообщалось в рапорте. О его посетителях записывалось в специальный журнал. «Кольцо вокруг владыки Ермогена стягивалось, и жизненное пространство становилось всё уже», – пишет Бычков. В 1978-м епископ умер.

Историк Бычков рассказывает без драматизма, спокойно, давая документам говорить самим: «Решением Политбюро Поместный Собор был созван лишь год спустя [после смерти патриарха Алексия I] – в конце мая 1971 года ». Интересно узнать, что политбюро созывало и церковные соборы... И не из выпускников ли философского ф-та (кафедра атеизма) кто-то реферировал доклад Куроедова в ЦК, согласованный с гебистом Цвигуном? В нем отклонялась кандидатура Никодима в патриархи: «...он слишком молод... митрополит Никодим, являясь активным, волевым архиереем, может произвести ломку сложившейся внутренней жизни Церкви и способствовать ее активизации». Тогда был назначен Пимен, а Никодим умер от инфаркта на приеме у Папы Римского Иоанна-Павла I... Вот еще отзыв «уполномоченного» о Никодиме: он стремится к пышности богослужения, «чтобы всем этим оглушить верующих и возбудить у них благоговение на грани галлюцинации».

Читая Быčkova, иногда можно заглянуть в «жизнь патриаршего двора» с ее пружинами и ужимками... Таинственна судьба Даниила Остасова (1894-1978), почти полвека бывшего секретарем патриарха Алексия I (интересовавшего меня по личным причинам, поскольку мой дедушка Федор

Сергеич служил у него камердинером, когда тот студенчествовал в академии Троице-Сергиевской лавры...) По смерти Алексия Остасовы пали: Данила был арестован, а его сын Алексей скончался из-за операции аппендицита (возможно, все тот же «советский аппендицит», от которого умерли Фрунзе и – в далеком Париже – сын Троцкого...)

«Остасов говорил также, – рапортовал митр. Алексей (будущий патриарх), – что...даже Владимир Родзянко со своими передачами по Би-Би-Си, и тот прислал письмо патриарху с извинениями, что чересчур много наговорил... Придя в Совет, он сказал: «Прежде всего я передаю обещанное – копию письма Родзянко. Мы получили его по почте обычным порядком, на конверте имеется почтовый штемпель. А теперь о Ермогене...»

Книга Быčkova состоит из подробного очерка жизни еп. Гермона и массы фактического материала, – биографий духовенства, документов и стенограмм. Заодно можно узнать, что в Киргизии есть город Кант и что «широкой борьбы за мир» епископ там не вел... но рукоположил «математика Ивакина-Тревогина во священника»... – Это из рапортов «уполномоченного», который однажды указал «нерв проблемы»: «Советский народ живет, работает... под мудрым руководством к. партии и сов. правительства. Ермоген в своих выступлениях перед богомольцами упорно проповедует мудрость Бога [заглавную букву поставил тут, надо думать, Бычков], поясняя, что все люди рождаются несовершенными и мудрость дается только Богом...он пишет: “Мы молимся, чтобы Господь послал мудрость нашим властям”...» И ведь послал! Но, похоже, не всю...

А уж священники у этого Ермогена... «3. Священник Александр Мельник. ...Будучи священником в г. Ростове-на-Дону, принимал у себя на квартире нелегально корреспондента буржуазной французской газеты «Монд». В этом году [1959] служил в кафедральном соборе в г. Ташкенте, где неофициально повстречался и беседовал с футболистами Финляндии... 5. Священник Александр Теркмесс. Стрелочник ж.д. в буржуазной Эстонии...»

Вообще писания кагебят той эпохи не лишены колорита. Да и в рапортах митр. Алексия, будущего патриарха, есть изюминки (1968): «...епископ Феодосий... якобы лет 10 тому назад он обратился к патриарху к предложением подготовить учебник Закона Божия для руководителей партии и правительства, ибо, по его мнению, плохое отношение к церкви проистекает из-за того, что правительство не знает Закона Божия...» А ведь жаль, что не подготовили!

Кое-какие сведения другого рода всплывают в разных биографиях. Священник Николай Трубецкий (1907-1978) свидетельствовал, что митрополит Сергей (Воскресенский) был расстрелян в Латвии партизанами, переодетыми в немецкую форму. «Об этом ему рассказал партизан – участник расстрела, также отбывавший лагерный срок в Инте», где сидел и Трубецкий, приговоренный в 44-м к 10 годам.

Название книги отсылает ко временам Бальзака и Диккенса... Но иллюзии тут другого рода – возможность либерализации тоталитаризма...

Владимир Мозжухин

От крестин до похорон

Вышла из печати и продаётся в киоске храма книга прозы – название её вынесено в заголовок – нашего прихожанина: поэт и прозаик Александра Ивановича Зорина. Представлять его излишне. Старожилы «Космы» зовут его Алик. Мне ближе – Саша. При наших отношениях без отчества – не фамильярность, а теплота...

Последние годы не припомню, когда бы мне попадалась такая светлая, такая чистая, такая русская, в продолжение священных традиций русской классической литературы XIX века – проза.

Прозу делает язык. Сашин язык чистый русский, не осквернённый чиновно-милицейско-уголовной феней с её «конкретными пацанами», «наездами», «улётами», «разборками», «кошмареньем» или – ни к селу, ни к городу – англо-американизмами.

В Сашиной книге – очерки и рассказы о его жизни в собственном домике на Валдае и общении с окружающим миром в течение нескольких лет с начала 60-х прошлого века. Валдай – сердцевина России. Где-то здесь из одного лесного болотца Валдайской возвышенности начинаются три великие русские реки: Волга, Днепр, Западная Двина...

Читая Сашину книгу, я заразился его нежной грустью-печалью по России. Сашиной России. Моей России. Нашей России.

Нередко, прочитав книгу, пускаю её по кругу знакомых. Сашина – нашла своё место в моём книжном шкафу. Иногда достать, открыть наугад или целенаправленно и – перечитать. Нежно погрустить. Или посмеиваться ласково. Книжечка к тому располагает потому что...

Константин Семёнов

...Но истина дороже

Недавно издана и продаётся в нашем книжном киоске книжка Георгия Мстиславовича Колосова «Нацерет-Йерушалаим 3753-37793».

Георгия не надо представлять. У нас в Косме его знают все. Кроме, может быть, недавно пришедших. А мы с Георгием не просто знакомы. Мы проработали вместе сторожами-дежурными лет 8... Наши отношения я считаю дружескими, почти уверен, что и он. Хотя разномнений у нас! Правда, теперь мы видимся редко, а закон «с глаз долой – из сердца вон, увы, непреодолимо...

Георгий – человек, несомненно, одарённый. Несколькими талантами. И каждым из них я восхищаюсь совершенно искренне, и без малейшей зависти.

Георгий – фотограф, каких больше нет.

Георгий – это уже, возможно не все знают, мастер слова. Георгий словом не играет. Он словом владеет. Его стихи – не уступят фотографиям (если их правомерно сравнивать) по талантливости. В прозе он тоже мастер. Мне доводилось читать и его чисто технические, по фотографии, тексты...

Георгий – я не был его учеником в фотомастерстве, но, судя то тому, как снимают его ученики – учитель от Бога.

Однако, талант, сам по себе – это не оценка качества. Это – параметр. Как, скажем, число оборотов двигателя, размах крыльев самолёта или цвет глаз вон у той девочки. Качество зависит от того, как параметр использован.

Перед изданием книжки Георгий читал из неё тексты в узком кругу. Прошу не придирайтесь к слову «текст», оно самое общее, а у меня трудности с определением жанра.

Так вот, и тексты, вошедшие в «Нацерет...» – написаны блистательно. А то, что они у меня не вызвали интереса, это уже мои дела. Мне, чтобы узнать о земной жизни Спасителя, достаточно Евангелий. Подробности – отвлекают. И всё бы ничего, если бы не... глава, раздел, короче, текст, посвящённый Иуде Искариоту.

Четыре евангелиста, из которых двое все 3 года проповеди Иисуса были с Ним рядом, утверждают (глаголом или существительным) что Иуда предатель. Он предал Учителя. Причём, из корыстных побуждений. То, что он потом бросил плату за предательство, исход дела не меняет. Корыстные мотивы (хотя, разумеется, не только они, тут при желании можно бы пофантазировать, но не при моём отношении к Священному Писанию) подтверждаются и свидетельством Иоанна, что Иуда был вор. Иоанн тому был живой свидетель. Почему Иисус, приблизил к Себе вора, не мне, просто человеку, судить о действиях Богочеловека.

Итак, свидетели утверждают, что Иуда вор и предатель.

Но! Через два без малого тысячелетия некто Колосов Георгий Мстиславович, не историк и не археолог (вовсе не первый в попытке романтизировать вора и предателя) утверждает, что Иуда был зилотом. Это утверждение чистой воды домысел, так как ничем не подтверждается. Итак, Иуда никакой не вор, а зилот, то есть, романтик (это уже моё восприятие Иуды со слов Георгия), который мечтает избавить еврейский народ от ненавистного римского владычества. Он знает, что и вожди народа, синедрион, тоже стремятся к тому же. (Другое дело, что по свидетельству Иосифа Флавия римское владычество спасло еврейский народ от самоубийства в усобицах. Но это уже – к утверждениям Георгия касательно Иуды – никакого отношения не имеет. Просто мне захотелось эрудицией блеснуть). Так что обращение Иуды к синедриону не предательство, а желание их свести, представив Иисуса как вождя восстания.

Даю фору Георгию и не нажимаю на то, что у Евангелия есть ещё одно название.

Итак, живые (потому что жили они тогда) свидетели (потому что находились в центре событий) утверждают то-то и то-то. А Георгий Мстиславович Колосов через без малого два тысячелетия отрицает это и утверждает иное. No comments.

Если бы речь шла просто о некоторых известных чисто исторических событиях, достаточно было бы недоумённо пожать плечами. Но поскольку по ничем, кроме домысла, не объясняемым причинам исправлению подвергается Священное Писание, тексты которого **боговдохновенны**, то есть для человека неприкасаемы, то всё, что Колосов пишет об Иуде – не иначе, как **ересь**. Вот!

Повторюсь о талантах. Это – параметр. Сам по себе оценки не несёт. Более того, талант параметр ответственный. Самым талантливым творением был первоангел, который, осатанев, отпал от своего Отца и использовал данный Им талант... Не будь он так талантлив... О, если бы он не был так талантлив!

Так и талант, вложенный в ересь.

В общем, мне жаль, что Георгий вложил свой талант – в ересь. А то, что вложил блистательно по форме, тем более жаль!

Между прочим, трактовка Георгием личности Иуды – наше главное разногласие. Ровесник нашего общения...

Константин Семёнов

Книжный развал

Есть что почитать

Прайс-лист последних поступлений
в наш книжный киоск
(с 27.08.2010 по 26.10.2010)

Автор, Название книги	Цена розничная		
Алисон Жизнь в последние времена		200	
Бобринский Сострадание Отчее	85		
Боден Дочь колдуны	145		
Божественная литургия с параллельн переводом (Пролог)			60
Бьянки Лексикон внутренней жизни		180	
Ваайман Духовность, формы, принципы, подходы в 2-х томах			1010
Васильев Духовный путь Пушкина	130		
Велимирович Н.Сербский Библейские темы		210	
Вениамин (Федченков) митр Преображение Господне.Вход Госп в Иерусалим			95
Вениамин (Федченков) митр Рождество Христово.Обрезание Господне			95
Вера.Этнос.Нация.Религиозный компонент		255	
Вестник РХД #196	140		
Ветхий Рим Путеводитель	78		
Вознесенская Благодарю за любовь		135	
Гайслер Энциклопедия христианской апологетики		330	
Гибсон Последние дни Иисуса	182		
Гиппиус Петр и Феврония	165		
Грабманн Введение в Сумму теологии св Фомы Аквинского			215
Грин Снова дома	68		
Губарева Божья Матерь в ее иконах		78	
Дворкин Очерки по истории Всел.Прав.Церкви		305	
Дель Ре Дж Космический танец	156		
Добрачиньский Письма Никодима	190		
Доусон Боги революций	90		
Доусон Религия и культура	90		
Духовный путь Ивана Шмелева	210		
Евлампиев История русской метафизики в 2 тт		365	
Ельчанинов Православие для многих		75	
Еремина Мир иконописцев	275		
ЖМП #9 2010	110		
Жильсон Философия в средние века		490	
Житие старца Паисия Святогорца*		210	
Зорин От крестин до похорон один день		130	
Зубов Лекции по истории религий		125	
Ильин Поющее сердце	78		
Илюшенко Отец Александр Мень: Жизнь.Смерть.Бессмертие			160
Иоанн Кронштадтский Мысли христианина о покаянии и святом прич			25
Иоанн схим Загляни в свое сердце Письма валаамского старца			110
Искра Божия Сборник рассказов тп		160	
Керн Евхаристия	65		
Койнония.Вестник харьковского универстета		195	
Колберт Смертельные эмоции	160		
Колдекот Тайное пламя	182		
Колосов Нацерет-Иерусалаим	88		
Кузнецова Комментар.Евг от Ин~~		150	
Липовский Библейский Израиль	386		
Лихачев Ангелы уходят не прощаясь		130	
Лосский Боговидение	280		
Лука (Войно-Ясенецкий) свт Я полюбил страдание		60	
Лукадо Лекарство от обыденности		168	
Лукадо Пробуждение к жизни	162		
Льюис Размышление о псалмах*	125		
Льюис Хроники Нарнии	416		
МРЗ Афонские песнопения	130		
МРЗ Духовные наставления прп Серафима Саровского А-книга			100
Мерчулз Житие св Григола Хандзтели		80	
Метафизика слова и имени	338		
Моя первая книга о православной вере		180	
Наследник ж-л #33	55		
Нескучный сад 10 2010	65		
Пестов Как творить молитву Иисусову		20	
Правдолюбов свщ Объяснение божественной литургии		85	
Райт Деяния Апостолов	265		
Райт Иоанн Евангелие Популярный комментарий		250	
Райт Лука Евангелие Популярный коммент.		250	
Райт Марк Евангелие Популярный коммент.		195	
Райт Матфей Евангелие Популярный комментарий		250	
Райт Павел Пастырские Послания*		195	
Райт Павел.Послания из тюрьмы. К Ефесянам филиппийцам колоссянам Филип			195
Таллер Кто нас разлучит	100		
Уминский прот Тайна примирения	120		
Фома ж-л 10 (10)	65		
Фома ж-л 9 (10)	65		
Фрэнсис Коллинз Доказательства Бога Аргументы ученого			380
Христианос XIX	170		
Чикалин Возможна ли нравственность назависимая		20	
Чистяков Да укрепит вас Господь вып.4		98	
Чистяков Путь, что ведет нас к Богу**		120	
Шевченко Приветствует вас Святитель Лука		380	
Шмелев Лето Господне	92		
Шмеман За жизнь мира	40		
Янси В поисках невидимого Бога	220		
Янси Молитва.Способна ли Молитва изменить жизнь		212	

Павел Мень

О книге Георгия Колосова

Купила в нашем киоске книжку Георгия Колосова «Нацерет - Иерусалаим». Читаю и буквально вижу то, что дано было “увидеть” автору, потому что это не исследование, не художественное произведение, а именно видения, иконы евангельских событий. И поражаюсь его открытиям, каким-то удивительным прозрениям. Особенно в сцене умножения хлебов. Мне кажется, это новое прочтение Евангелия, очень личное и в то же время обладающее даром достоверности. Если не читали, купите! Хотелось бы услышать чье-то мнение.

Книга издана за счет автора, думаю, что экземпляров немного, 200-300. И пока, скорей всего, будет только в нашем храме. Издатель — наш прихожанин Володя Ерохин, я тоже у него делала свою книжку. Попробую с ним связаться и что-то узнать. А Георгий Колосов — замечательный фотограф — есть на сайте, — который в настоящий момент живет «от чаши до чаши», как он сам рассказал о себе в «Нескучном саду» (февраль 2010).

Елена Нигри

«Я жить люблю...»

(О книге Валентины Юдаевой «И будет жизнь»
М.: Волшебный фонарь, 2010)

...Только сейчас, прочитав изящно изданную книжечку Валентины Юдаевой «И будет жизнь», с осенней картиной Марии Башкирцевой на обложке, я стала лучше понимать истоки Валиной стойкости, её неизменной доброжелательности, её тихой веры – не той пылкой и недолговечной, которая обижено тает от житейских неурядиц, а той, которая становится от бед только тверже.

Первый фрагмент книги называется «Картинки деревенской жизни. Детство». И так чаруют эти неспешные, зримые описания простой далекой жизни, что отложить книжку в сторону можно не раньше, чем дочитаешь все истории быта и жизни близких автору людей, а также и не близких, но таких колоритных ... А потом - историю Валиной взрослой жизни – в которой было столько радости и грусти...

Жемчужинка сборника – очерк «Два имени». Это некое «сравнительное жизнеописание» двух незаурядных личностей, двух женщин, покинувших этот мир совсем юными – и таких разных: Марии Башкирцевой и Терезы из Лизье, «маленькой Терезы». Замечательный замысел – дать нам возможность всмотреться в эти неповторимые черты, услышать со страниц дневниковых записей героинь их голоса – такие искренние и непосредственные при всей их непохожести. Очерк будит мысли и чувства, хотелось бы говорить о нём, но понимаю, что не стоит, ибо «Два имени» нужно просто читать. А когда прочтешь – рука сама потянется открыть дверцу книжного шкафа, чтобы в очередной раз достать любимую белую книжечку с фотографией улыбающейся молодой женщины на обложке - «*Повесть об одной душе, ею самою написанная*», издательство «Жизнь с Богом», Брюссель, 1992. Скажу только, что Валентине Юдаевой счастливо удалось, вспоминая эти «Два имени»: удивительной святой - и далекой от святости, искрящейся талантами, влюбленной в искусство и... в себя юной гордячки, избежать казалось бы неизбежной назидательности, обойтись без нравоучительных выводов. «Два дорогих мне имени», - говорит Валентина, и, читатель убеждается, что это действительно так. Любящее сердце автора принимает в себя трагические судьбы обеих своих героинь ...

И в каждом повествовании книги «за кадром» видишь саму Валечку – добрую и нестигаемую житейскими ветрами, умеющую любить, терпеть и прощать, тонко чувствующую красоту Божьего творения, увлеченную творчеством в разных его проявлениях...

Вета Рыскина

Главный редактор протоиерей Александр Борисов.
Редакционная коллегия: Раиса Гершзон (арт-директор), Владимир Ерохин (ответственный секретарь), Александр Кремлёв, Марина Насонова, Ольга Папцова, Константин Семёнов, Алла Смирнова, Ирина Языкова (заместитель главного редактора).

Издательство «Волшебный фонарь»

Телефоны редакции и издательства:
(499)7814664, (919)7650826, (915)1358839
e-mail: vladeroh@mail.ru



Отпечатано в ППП «Типография «Наука»
121099 Москва, Шубинский пер., 6.
Подписано в печать 08.11.10.
Формат А3. Объем 4 печ. л. Тираж 1000 экз. Бумага офсетная.